ISSN (ONLINE): 2312-2757

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Язык и Текст

Language and Text

INTERNATIONAL
ELECTRONIC JOURNAL

№3 (13) 2026

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

Язык и текст

Международный научный журнал
«Язык и текст»

Редакционная коллегия
Дергачева И.В. (Россия) – **главный редактор**
Махмудова С.М. (Россия) – **заместитель главного редактора**

Ахмедов Г.И. (Германия), Бугаева И.В. (Россия), Бурнакова К.Н. (Россия), Воропаев В.А. (Россия), Конявская Е.Л. (Россия), Крутова М.С. (Россия), Леденева В.В. (Россия), Мазанаев Ш.А. (Россия), Сафронова Е.Ю. (Россия), Селендили Л.С. (Россия), Сейранян М.Ю. (Россия), Соболева Л.С. (Россия), Фрейдина Е.Л. (Россия), Шилихина К.М. (Россия), Шмелева А.В. (Россия), Щербакова М.И. (Россия), Эрменехильдо Л.Г. (Испания), Капилупи С.М. (Италия), Понтон Д.М. (Италия), Ван Сяоян (Китай), Абакумова О.В. (Россия), Аннушкин В.И. (Россия), Бовшик А.С. (Россия), Величкова Л.В. (Россия), Гребенюк В.П. (Россия), Есаулов И.А. (Россия), Исхакова З.З. (Россия), Конурбаев М.Э. (Россия), Корнев В.А. (Россия), Махмудова С.М. (Россия), Мурадян А.А. (Россия), Мурашкина О.В. (Россия), Ужанков А.Н. (Россия), Кавацца А. (Италия), Астуто Д. (Италия), Фарачи Е.Г. (Италия), Маццоне С. (Италия).

Секретарь
Канель И.В.

Редактор и корректор
Канель И.В.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

Адрес редакции
123290, г. Москва, Шелепихинская набережная, 2А, стр. 2
Телефон: 8 (499) 256-87-50

E-mail: landlit@mail.ru
Сайт: https://psyjournals.ru/journals/langt

Индексируется:
ВАК Минобрнауки России, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Directory of Open Access Journals (DOAJ), EBSCO, Google Scholar, Index Copernicus

Издается с 2014 года
Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:
Эл № ФС77-67008 от 30 августа 2016 г.

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 2026

Language and Text

International Scientific Journal
“Language and Text”

Editorial board
Dergacheva I.V. (Russia) – **editor-in-chief**
Makhmudova S.M. (Russia) – **deputy editor-in-chief**

Akhmedov G.I. (Germany), Bugaeva I.V. (Russia), Burnakova K.N. (Russia), Voropaev V.A. (Russia), Konyavskaya E. L. (Russia), Krutova M.S. (Russia), Ledeneva, V. V. (Russia), Mazanaev S.A. (Russia), Safronova E.Y. (Russia), Selendili L.S. (Russia), Seiranyan M.Y. (Russia), Soboleva L.S. (Russia), Freidina E.L. (Russia), Shilikhina K.M. (Russia), Shmeleva A.V. (Russia), Shcherbakova M.I. (Russia), Hermenegildo L.G. (Spain), Capilupi S.M. (Italy), Ponton D.M. (Italy), Wang X. (China), Abakumova O.V. (Russia), Annushkin V.I. (Russia), Bovshik A.S. (Russia), Velichkova L.V. (Russia), Grebenyuk V.P. (Russia), Esaulov I.A. (Russia), Iskhakova Z.Z. (Russia), Konurbaev M.E. (Russia), Kornev V.A. (Russia), Makhmudova S.M. (Russia), Muradyan A.A. (Russia), Murashkina O.V. (Russia), Uzhankov A.N. (Russia), Cavazza A. (Italy), Astuto G. (Italy), Faraci E.G. (Italy), Mazzone S. (Italy).

Secretary
Kanel I.V.

Editor and proofreader
Kanel I.V.

FOUNDER & PUBLISHER
Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE)

Editorial office address
Shelepikhinskaya Embankment, 2A, 2, Moscow, Russia, 123290
Phone: 8 (499) 256-87-50

E-mail: landlit@mail.ru
Web: https://psyjournals.ru/en/journals/langt

Indexed in:
Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Russian Science Citation Index (RSCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), EBSCO, Google Scholar, Index Copernicus

Published quarterly since 2014

The mass medium registration certificate:
El FS77-67008 number. Registration date 30.08.2016.

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all text and images are the property of MSUPE and copyrighted. Using reprints and illustrations is allowed only with the written permission of the polisher.

© MSUPE, 2026

Содержание
2026. Том 13. № 3

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Языковая репрезентация мира русской деревни в творчестве В.Н. Крупина
Ермакова А.С. 5-16
Концепт «жертва» в религиозном сознании православных верующих
Лагутова А.С. 17-29
Англицизмы как прагматико-стилистический инструмент идиостиля В.В. Набокова в автопереводе романа «Лолита»
Логина М.В. 30-41
Способы выражения субъекта-подлежащего в эргативных языках (на примере рутульского языка)
Махмудова С.М. 42-51

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ

Смысловая роль цитат из «Лествицы» прп. Иоанна Синайского в духовных письмах прп. Амвросия Оптинского. Тема духовной брани
Дорофеева Л.Г. 52-67
От имени к «Розе»: тетрадь 1813 года из собрания А. Барановского и лицейская традиция утраченного стихотворения Пушкина
Капилупи С.М. 68-76
Авраам Норов и его интеллектуальное окружение: к реконструкции эпистолярной картины мира
Мартовалиева Ю.С. 77-85
Новонайденный список Сибирской летописи И.Л. Черепанова: состав и особенности рукописной традиции
Мельничук В.А., Подопригора В.В. 86-100
«Дума» М.Ю. Лермонтова в контексте историко-литературного процесса: смысл заглавия и память жанра
Сахарчук А.Л. 101-116
«Слово о полку Игореве»: старые и новые контроверзы (Ответ на эскапады Л.В. Соколовой и А.М. Ранчина)
Ужанков А.Н. 117-141

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Развитие навыков устной речи у магистрантов и аспирантов средствами мультимодального текста
Габдуллина А.Ш. 142-155

Contents
2026. Vol. 13. No. 3

GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

The linguistic representation of the Russian village world in the books by V.N. Krupin
Ermakova A.S. 5-16
The concept of "sacrifice" in the religious consciousness of Orthodox believers
Lagutova A.S. 17-29
Anglicisms as a pragmatic and stylistic tool of V.V. Nabokov's idiostyle in the self-translation of the novel "Lolita"
Logina M.V. 30-41
Ways of expressing the subject argument in ergative languages (based on the Rutul language)
Mahmudova S.M. 42-51

WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

The semantic role of quotations from "The Ladder" of St. John of Sinai in the spiritual letters to monastics of St. Ambrose of Optina. The theme of spiritual warfare
Dorofeeva L.G. 52-67
From the name to the "Rose": the 1813 notebook from A. Baranovsky's collection and the lyceum tradition of a lost poem by Pushkin
Capilupi S.M. 68-76
Avraam Norov and his intellectual environment: towards the reconstruction of the epistolary picture of the world
Martovalieva Yu.S. 77-85
Newly discovered copy of the Siberian chronicle by I.L. Cherepanov: composition and features of textual tradition
Melnichuk V.A., Podoprigora V.V. 86-100
M.Yu. Lermontov's "Duma" in historical and literary context: the title and genre memory
Sakharchuk A.L. 101-116
"The Tale of Igor's Campaign": old and new reviews (The answer to L.V. Sokolova's and A.M. Ranchin's escapades)
Uzhankov A.N. 117-141

LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES

Developing master's and postgraduate students' oral speech skills through multimodal text
Gabdullina A.Sh. 142-155

Язык и текст
2026. *13*(3), 5–16.
https://doi.org/10.17759/langt.2026130301
ISSN 2312-2757 (online)

Language and Text
2026. *13*(3), 5–16.
https://doi.org/10.17759/langt.2026130301
ISSN 2312-2757 (online)

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

Языковая репрезентация мира русской деревни в творчестве В.Н. Крупина

А.С. Ермакова✉
Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация
✉ aleonaermakova@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Русская деревня – одна из центральных тем произведений православного писателя-деревенщика Владимира Николаевича Крупина. В рамках литературоведения творчество В.Н. Крупина фундаментально рассмотрено в контексте традиций «деревенской прозы» второй половины XX века, в связи с почвенническим направлением отечественной литературы, однако с лингвистической точки зрения сам образ деревни представлен недостаточно ёмко, нет комплексного, систематического, лингвистического анализа одного из центральных символов художественных произведений писателя. **Цель.** Определить границы и состав лексико-семантического поля «Деревня» как фрагмент языковой картины мира В.Н. Крупина, определить влияние синтагматических связей на смысловую структуру высказывания. **Гипотеза.** Лексема *деревня* в рассказах В.Н. Крупина выполняет роль маркера социально-культурного пространства и идентичности, является текстообразующей единицей, в семантическом плане варьируется в зависимости от персонажа, сюжета и временного контекста, образует лексико-семантическое поле, наделённое специфической семантической структурой, эстетически осмысленное, обогащённое имплицитными смыслами. **Методы и материалы.** В исследовании использовались общенаучные методы: анализ, синтез, наблюдение и визуализация; лингвистические методы: описательный, контрастивный и структурный, а также частные (специальные методы): контекстуальный и семантико-прагматический анализ, метод исследования словарных дефиниций и корпусно-эмпирический подход. Материалом для статьи послужили прозаические произведения В.Н. Крупина, а именно сборники автобиографичных рассказов «Море житейское» и «Книга для своих», словари и корпусные ресурсы. **Результаты.** В состав лексико-семантического поля «Деревня» входят: ядро, представленное гиперонимом *деревня*; центральные лексемы, образующие ядро словаря внутри поля и включающие синонимические

© Ермакова А.С., 2026

CC-BY-NC

и антонимические ряды; а также периферия, которая подразделяется на близкую и дальнюю. Периферийные единицы ЛСП «Деревня» в рассказах часто пересекаются с другими лексико-семантическими полями: Родина, вода, природа. **Выводы.** Языковой анализ показал, что лексема *деревня* редко функционирует как фон для действий персонажей, чаще всего она выступает маркером идентичности, в кульминационных эпизодах проявляет себя в качестве индикатора изменений во взаимоотношениях между героями и условиями их быта. Рефреном звучат ностальгические и даже критические замечания: деревня – символ упадка.

Ключевые слова: В.Н. Крупин, деревня, идиостиль, коннотация, лексема, смысловое (лексико-семантическое) поле

Для цитирования: Ермакова, А.С. (2026). Языковая репрезентация мира русской деревни в творчестве В.Н. Крупина. *Язык и текст, 13*(3), 5—16. https://doi.org/10.17759/langt.2026130301

The linguistic representation of the Russian village world in the books by V.N. Krupin

A.S. Ermakova✉
State University of Education, Moscow, Russian Federation
✉ aleonaermakova@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. The Russian village is one of the central themes in the works of the Orthodox writer and village dweller Vladimir Nikolaevich Krupin. In the field of literary studies, Krupin's work has been thoroughly examined in the context of the traditions of "village prose" in the second half of the 20th century, as well as in relation to the "soil" movement in Russian literature. However, from a linguistic perspective, the image of the village is not fully represented, and there is no comprehensive, systematic, or linguistic analysis of one of the central symbols in the writer's works. **Objective.** To determine the boundaries and composition of the lexical-semantic field "Village" as a fragment of V.N. Krupin's linguistic worldview, and to identify the influence of syntagmatic connections on the semantic structure of an utterance. **Hypothesis.** In V.N. Krupin's stories, the lexeme "village" serves as a marker of socio-cultural space and identity, is a text-forming unit, and varies semantically depending on the character, plot, and temporal context. It forms a lexico-semantic field with a specific semantic structure, aesthetic meaning, and implicit implications. **Methods and materials.** The study used general scientific methods: analysis, synthesis, observation, and visualization; linguistic methods: descriptive, contrastive, and structural; as well as specific (specialized) methods: contextual and semantic-pragmatic analysis, the method of studying dictionary definitions, and the corpus-based empirical approach. The article is based on the prose works of V.N. Krupin, specifically the collections of autobiographical stories "The Sea of Everyday Life" and "A Book for Friends," as well as dictionaries and corpus resources. **Results.** The

lexical-semantic field "Village" includes the following components: the core, represented by the hypernym "village"; the central lexemes that form the core of the dictionary within the field and include synonymous and antonymous series; and the periphery, which is divided into close and distant periphery. The peripheral units of the lexical-semantic field "Village" often overlap with other lexical-semantic fields, such as "Motherland," "Water," and "Nature." **Conclusions.** The linguistic analysis has shown that the lexeme village rarely functions as a background for the characters' actions; instead, it often serves as a marker of identity, and in the climactic episodes, it manifests itself as an indicator of changes in the relationships between the characters and their living conditions. Nostalgic and even critical remarks are repeated as a refrain: the village is a symbol of decline.

Keywords: V.N. Krupin, village, idiostyle, connotation, lexeme, semantic (lexico-semantic) field

For citation: Ermakova, A.S. (2026). The linguistic representation of the Russian village world in the books by V.N. Krupin. *Language and Text*, *13*(3), 5—16. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/langt.2026130301

Введение

Владимир Николаевич Крупин – российский православный писатель, автор рассказов и романов, один из представителей «деревенской прозы»: его произведения в основном посвящены сельской тематике, деревне, её укладу. Деревня – главная единица организации русской жизни, духовная родина русского народа, маркер пространства, идентичности и памяти, а в рассказах В.Н. Крупина она приобретает богатую языковую многоплановость. В современных лингвистических исследованиях лексико-семантические поля представлены функциональными связующими лексики, контекста и идиостиля автора. У В.Н. Крупина деревня – носитель культурной памяти, социокультурный контекст и зеркало, отражающее эмоции и состояние не только главных героев, но и самого Владимира Николаевича, тяжело переживающего за судьбу русской деревни: *Всегда были в России сёла, деревни, посёлки, теперь же все они обзываются поселениями. Это всё к тому, чтобы нас унизить, отнять родину. Поселение, что это? Какое? Военное? В поселении в отличие от деревни и села есть что-то тюремное, временное.*

Материалы и методы

Материал исследования ограничен двумя сборниками небольших автобиографичных рассказов «Море житейское» и «Книга для своих», где: *в своих небольших рассказах – **«крупинках»** – он как в капельках воды отражает происшедшие события жизни, встречи с интересными людьми, оставляя за читателем право выбирать из них то, что пригодится ему* (Крупин, 2015, с. 2). Исследование проводилось в несколько этапов: 1) сбор материала: формирование корпуса рассказов В.Н. Крупина, выбор фрагментов для анализа; 2) аннотирование: пометка в тексте случаев использования лексемы *деревня* и близких по значению слов, указание контекста (эпизод, персонаж, время); 3) языковой анализ: лексическая сочетаемость, синтаксическое окружение, выявление стилистической окраски и парадигматических функций; 4) выделение коннотативных оттенков и прагматических

функций (описание среды, социальных ролей); 5) лексико-семантический анализ: различение денотации, коннотации и полисемии, анализ модальных оттенков и стилистических функций в разных рассказах.

Идиостиль писателя и лексико-семантическое поле

Обратимся к научной литературе, посвящённой проблемам идиостиля и лексико-семантического поля. Идиостиль писателя и лексико-семантическое поле – два взаимосвязанных понятия в филологии. Идиостиль – совокупность устойчивых языковых и стилевых особенностей конкретного поэта, драматурга, прозаика: лексика, синтаксис, пунктуация, ритм, тематика, композиционные приёмы. Эти особенности создают узнаваемый «почерк» писателя и отличают его тексты от текстов других авторов. Первыми учёными, обратившимися к проблеме индивидуального стиля, были: В.В. Виноградов, Ю.Н. Караулов, Ю.Н. Тынянов. В.В. Виноградов писал: «Основной категорией в сфере лингвистического изучения художественной литературы обычно признаётся категория индивидуального стиля (то есть своеобразной, исторически обусловленной, сложной, но представляющей структурное единство системы средств и форм словесного выражения в их развитии). В стиле писателя, соответственно его художественным замыслам, объединены, внутренне связаны и эстетически оправданы все использованные художником языковые средства» (Виноградов, 1959, с. 169). Иными словами, исследование индивидуального стиля фокусируется на том, как исторически сформированная совокупность языковых норм и приёмов соединяется в единую эстетическую единицу, соответствуя замыслу автора и обеспечивая целостность художественного высказывания. В современной лингвистике проблемой идиостиля занимается В.В. Леденёва. В статье «Идиостиль как система отношений» приводится следующее определение: «Идиостиль – это индивидуально устанавливаемая языковой личностью система отношений к разнообразным средствам и способам авторепрезентации» (Леденёва, 2001, с. 296).

Языковая картина мира писателя эксплицируется в идиостиле, поэтому изучение конкретных фрагментов осуществляется путём выявления лексико-семантических полей в том числе. «Лексико-семантическое поле – группа слов, обладающих семантическим сходством, связи между которыми носят систематический характер и которые представляют собой разные способы выражения одного и того же языкового понятия» (Караулов, 1976, с. 33). Таким образом, идиостиль и лексико-семантическое поле взаимно уточняют друг друга, представляя собой два уровня языковой организации текста. Взаимодействие этих уровней позволяет понять, как выбор языковых средств превращается в узнаваемый стилистический «почерк».

Структура лексико-семантического поля «Деревня»: центр и периферия

Лексико-семантическое поле (далее – ЛСП) «Деревня» включает в себя следующие компоненты: ядро (гипероним) – *деревня,* центральные слова, включающие синонимичные и антонимичные ряды и производные слова, периферия (ближняя и дальняя). Центральное значение ЛСП связано с пространством для труда, с местом моральной нравственности и духовных традиций. Периферийные лексемы расширяют семантику, передавая эмоциональные оттенки, говоря о культурной памяти. Единицы лексико-семантического поля

образуют взаимосвязанные структуры за счёт парадигматических, синтагматических и ассоциативных отношений, что обеспечивает их тесное функциональное взаимодействие.

В толковом словарь русского языка С.И. Ожегова фиксируются следующие значения слова *деревня*: 1. Крестьянское селение. *На околице деревни.* 2. ед. Сельская, деревенская местность. Культурная работа на селе. 3. ед. Сельское население. Материальные запросы деревни. *На деревню дедушке (разг.) – по заведомо неполному, неточному адресу *[по рассказу А. П. Чехова «Ванька Жуков»]. Олимпийская деревня* - специальный городок для спортсменов – участников Олимпийских игр. В Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера указано, что лексема *деревня* восходит к древнерусскому ****дьрвьня /*дьрвьна,*** что означало **‘*пашня*’,** затем **‘*крестьянский двор или хутор с участком земли*’**, наконец, **‘*селение*’**. В творчестве В.Н. Крупина слово *деревня* употребляется преимущественно в первом и втором значении, почти всегда с каким-либо дополнительным оттенком, обозначает сельское пространство как единое целое: изображение традиционного уклада жизни, быта, труда, сельской природы: *Какое же счастье сидеть в деревне одному, без телевизора, с восходящей на небеса молодой луной. Счастье – тихонько выходить во двор, чтобы не спугнуть скворцов, счастье – замереть над первыми цветами.* Ядро формируется за счёт совокупности фонетических, грамматических и семантических вариаций центральной лексемы: «*Социалистическая **деревня**»* (в И.п., ед.ч.), *улицы **деревень*** (в Род.п., мн.ч.), *в одной **деревне*** (в П.п., ед.ч.). Лексема *деревня* в текстах В.Н. Крупина становится текстообразующей: с помощью неё описывается и сама деревня, и эмоциональное отношение писателя к своей малой родине, к месту, где он родился. Деревня является символическим пространством, не просто совокупностью домов, а живым организмом, в котором каждая постройка, каждая тропинка пропитаны историей и памятью. Например: *И какое же это было счастье, это только сейчас доходит до сознания. Как вела через дорогу **узорная позёмка**, как напряжённо и всё-таки успокаивающе **гудели столбы**, как далеко по опушке леса **пролетало рыжее пламя лисы**, как проносился, ломая наст, тяжёлый лось, а весной далеко и просторно разливалась река и попадали в заречную часть только на катерах сплавконторы. А летние вечера, **белые** от черёмухи **улицы деревень**, а девичий смех, от которого туманилась голова и ощутимо билось сердце, что говорить!* В приведённом фрагменте автор использует ряд художественных приёмов: эпитет (*узорная позёмка, белые улицы*); метафора (*гудели столбы, пролетало рыжее пламя лисы*); риторическое восклицание (*и ощутимо билось сердце, что говорить!*); аллитерация (повторение согласного звука [л]), что придаёт тексту музыкальность и поэтичность. Использованная антитеза усиливает контраст между движением природы и спокойным созерцанием *гудели, пролетало, ломая наст / далеко и просторно разливалась река.*

Центр ЛСП включает синонимы слова *деревня* и производные от него лексемы, а также слова, указанные в таблице, отражающей высокую частотность употребления:

Таблица / Table

Лексема / Lexeme	**Сборник «Море житейское» / “The sea of everyday life”**	**Сборник «Книга для своих» / “A book for friends”**	**Пример употребления / Example of usage**
Деревня / Village	51 употребление / 51 usages	28 употреблений / 28 usages	*А его идиотская фраза об «идиотизме деревенской*

			*жизни»? Вся Россия вышла **из деревни**, создана ею, держится ею.* (Олицетворение) / *And what of his idiotic phrase about the 'idiocy of village life'? All of Russia emerged **from the village**, was created by it, and is sustained by it.* (Personification)
Деревенский / Village	7 употреблений / 7 usages	7 употреблений / 7 usages	*А потом шла вечная тема **деревенского детства**; Костя всегда вспоминает жеребца Карого, которого загубили в колхозе.* (Эпитет) / *And then came the eternal theme of a **village childhood**; Kostya always remembers the stallion Karoy, who was ruined in the kolkhoz.* (Epithet)
Село / Village	19 употреблений / 19 usages	22 употребления / 22 usages	*Будто бы вижу **село своё**, но вместе с тем оно как будто не мое. Оно и не оно. Потому что так уж там хорошо, такое благолепие.* (Антитеза) / *It is as if I see **my own village**, but at the same time, it seems as though it is not mine. It is, and yet it is not. Because it is just so wonderful there, such serene splendor.* (Antithesis)
Сельский / Rural	15 употреблений / 15 usages	11 употреблений / 11 usages	*Все по происхождению **сельские**, то есть умеющие всё делать: и копать, и пилить, и стены класть, и круглое катить, и плоское таскать. И на земле спать, и клещей не бояться.* (Субстантивация) / *Everyone is **rural** by origin, meaning they know how to do*

			everything: to dig, to saw, to build walls, to roll round things, and to carry flat things. To sleep on the ground, and not to fear ticks. (Substantivation)

Разница между использованием лексем *деревня* (всего – 79) и *село* (всего – 41) отражает предпочтение автора в выборе лексемы с эмоционально-оценочным и культурно-социальным оттенком. К центру ЛСП отнесём и контекстуальный антоним (деревня – город): *То есть, как выжить на асфальте человеку, пришедшему в город от земли, от реки, от леса, от просторных полей, от пения птиц, как?* Данную оппозицию усиливают ряды однородных членов, значение которых прямо противоположно всему тому, что есть в городе, а также риторический вопрос, который не требует ответа. Стилистический приём метонимии *как выжить на асфальте* подчёркивает контраст между природой и городскими условиями, побуждая читателя к сопереживанию.

Периферия ЛСП содержит ассоциативное пространство с семантикой деревня. Это лексические единицы, связанные с ядром парадигматическими и синтагматическими отношениями. Предполагаем, что именно периферийные особенности будут отражать специфику вербализации лексемы деревня. Интерпретационное поле исследуемой лексемы образует его дальнюю и ближнюю периферию и дополняет содержание ядра. Ближняя периферия представляет собой абстрактные слои ЛСП, которые отражают определённую стадию восприятия и осмысления индивидуумом существующих признаков данного ЛСП на уровне сознания. В рамках анализа художественного текста это интерпретационное пространство отображается в тексте рассказов В.Н. Крупина следующими значениями:

Вятка (Вятская земля, вятское село) – топоним, без которого нельзя представить характеристику языковой личности В.Н. Крупина: ***Вятка*** *– удивительное, неповторимое, ласковое, материнское имя. Ещё прячется за семью печатями тайна этого народа –* ***вятичей, вятчан****, их неповторимая стать, характер, выносливость, незлобивость.* Использование градуальных эпитетов, употреблённых в отношении к имени собственному, усиливает эмоциональную окраску, акцентируя внимание на тёплом, трепетном, доверительном отношении к объекту именования. Выражение *материнское имя* придаёт объекту человеческие свойства, материнское тепло, вводя образную связь между именем и семьёй, заботой, защитой. *Неповторимая стать, характер, выносливость, незлобивость* – ряды однородных членов предложения, выраженных именами существительными, по сути являющихся последовательностью образных качеств, выражающих положительную коннотацию, создающих целостный образ горожан, жителей Вятки.

Поздней весной ***в заливных вятских лугах*** *лежат озёра… Вода* ***в вятских родниках*** *и колодцах круглый год пахнет цветами. Пьют* ***эту*** *воду* ***кони и люди, птицы и звери, цветы и травы****, даёт* ***эта*** *вода жизнь всему сущему, всему живому.* Родина – важное место для каждого человека, самые светлые воспоминания детства и юности оттуда. Эту мысль В.Н. Крупин эксплицирует с помощью анафоры: повторение слов *эту / эта* в начале двух частей бессоюзного сложного предложения; градации: нарастания смысловой значимости перечислений от высших существ *кони и люди* к дикой природе *птицы и звери*, затем к

растительному миру *цветы и травы*. Таким образом создаётся эффект всеохватности, подчёркивается универсальность действия воды, нужной всему живому. Воспоминания о малой Родине дарят человеку чувство гармонии, спокойствия и радости: *Я и приехал* ***в родное вятское село****, называемое теперь посёлком. В моей родине есть такая сердечная магнитность, что не надо и причин, чтобы ехать сюда. Но нынче была ещё и особая причина – исполнялось ровно пятьдесят лет с той поры, как меня увезли отсюда.* ***Из села****, самого лучшего на всём белом свете. Да, поверьте, ибо за полвека я успел походить, поездить, поколесить, полетать, поплавать по пространствам планеты и мог всё со всем сравнивать.* Словосочетание *сердечная магнитность* образует двойной эпитет: *сердечная* как признак теплоты и человечности, *магнитность* как метафора притягательности и влияния на восприятие, инверсия – нарушение обычного порядка слов в предложении *Из села, самого лучшего на всём белом свете* – говорит об эмоциональной привязанности к месту и создаёт образ идеализированной деревенской реальности. И далее снова градация, но уже глагольная *походить, поездить, поколесить, полетать, поплавать по пространствам планеты.* Здесь градуальная семантика проявляется не только на семантическом уровне, но и на грамматическом. Для ее выражения используется специализированное средство, а именно аффикс *по-*.

Настоящее исследование не может быть полным без обращения к жизни В.Н. Крупина. Из интервью писателя мы точно знаем, как болезненно относится Владимир Николаевич к тому, что Вятка сейчас носит другое название в память о русском революционере и советском государственном политическом деятеле. В.Н. Крупин выступает за возвращение исторического названия и торжество справедливости: *– Ну и что, – хладнокровно отвечает отец Матфей, –* ***нашу Вятку*** *как ни назови, всё будет* ***Вятка***. Автор демонстрирует любовь, уважение и сострадание к русской деревне, а также ощущение сопричастности к её судьбе посредством употребления местоимения *нашу.* Употребление эпитета по отношению к топониму демонстрирует стремление подчеркнуть оригинальность, уникальность и специфичность русской деревни, русского села, его малой Родины.

Также к ближней периферии относится слово **Земля.** В словарной статье С.И. Ожегова отражено шесть значений. 1. Третья от Солнца планета Солнечной системы, вращающаяся вокруг Солнца и вокруг своей оси. 2. Суша в противоположность водному или воздушному пространству (материк или берег материка в речи мореплавателей, жителей острова). 3. Почва, верхний слой коры нашей планеты, поверхность. 4. Рыхлое тёмно-бурое вещество, входящее в состав коры нашей планеты. 5. Страна, государство, а также вообще какая-нибудь большая территория Земли (высок.). *Родная земля. Русская земля. Чужие земли*. 6. Территория с угодьями, находящаяся в чьём-нибудь владении, пользовании. У В.Н. Крупина земля – в любом из значений – сопровождается обозначением родного края, дома: *Нет, господа хорошие,* ***земля в России*** *зовётся* ***Родиной***. ***Из земли*** *мы пришли на свет,* ***в землю*** *же и уйдём, в жизнь вечную. Пора задуматься, почему многие и многие века* ***Вятская земля*** *– наиболее благополучная изо всех российских земель. Разве на неё меньше падает снегопадов? Нет, даже больше. Но наводнений* ***в Вятке*** *не было. Разве её пространства не открыты всем ветрам? Но ураганы, бури и смерчи её миновали. Были, конечно, какие-то подтопления и вихри, но в сравнении с другими областями, которым стихии принесли огромный урон****,* ***вятские земли процветают****. Здесь и в народе очень высок нравственный уровень – крепче семьи, меньше разводов.* Выделим несколько доминантных коннотаций:

Плодоносящая почва, влияющая на все стороны жизни и определяющая внутренний мир человека: *И на **земле** посидят, - учит вождь, – **земля** силы даёт*. Используя обращение, В.Н. Крупин употребляет эпитет и риторическое восклицание: *О, **Русская земля**! Ты не за холмом. Ты велика, но вся умещаешься в нашем любящем сердце. Мы любим Тебя, и Ты сохранишь своих сынов и дочерей.* Писатель олицетворяет Русь, обращаясь как к живому существу, которое нуждается в защите и любви. Автор выражает глубокую привязанность к родине, веру в её силу и способность оберегать своих детей.

Основополагающие поведенческие, философские, эстетические начала. Земля в метафорическом смысле – это базовые принципы личности традиционного типа, крестьянского мира: *А **земля** никогда не умирает, и под асфальтом жива. Все мы видели, как весной появляются трещины на асфальте, это растения пробивают крышку своего надгробия*.

Традиционные трудовые, нравственные, эстетические начала жизни земледельца, крестьянина, христианина. Сформированное на земле нравственное чувство и воспринятые от неё представления о должном утверждаются В.Н. Крупиным как непреходящие ценности: ***Земля** обладает магнитной тягой к себе. Великое счастье – видеть, как появляется на свет **Божий росток** из посаженного тобой семени, как ходят по земле скворцы, как незабываемы по вкусу плоды и овощи, выращенные тобою. Почему они лучше покупных? Не только от отсутствия пестицидов-гербицидов, они выращены с любовью. **Земля** – категория не экономическая, а прежде всего нравственная.*

Земля – источник жизни, защиты и духовной опоры. *Как былинные богатыри, слабея в битве, припадали **к груди Матери** – **сырой земли**, так и в наше время она даст силы. Но только тем, кто любит её. И это главное условие победы – **любовь к земле**. **Земля** – Божие достояние.* Следующий пример представляет перечисление образов в метафорическом аспекте, где каждая фигура оценивается через сакрально-патриотическую коннотацию. *Четыре **матери** у нас: та, которая родила, **мать – сыра земля**, **Божия Матерь** и Россия.*

У многих писателей-деревенщиков со временем возникает мотив боли за свою землю, который затмевает другие составляющие. Но В.Н. Крупин пишет так: *Конечно, тлетворные ветры экуменизма пытаются веять и здесь, но стоит **православная Вятка**. Слишком крепка основа, чтобы рухнуло здание. Господь много возлюбил **Вятскую землю** за терпение.* Тексты писателя манифестируют веру в русскую деревню как важную составляющую часть Русской земли и Родины в целом.

Дальняя периферия исследуемого ЛСП включает и ассоциативную группу слова «родина», включающая понятия, объединённые по тематическим и смысловым признакам – это единицы, фиксирующие представления героев о родине, например, топонимы: *карту отторжения **Крыма** от **России*** или *У нас в вятской деревне **Исаевщина**;* эпитеты: ***наша** Родина* или *Тем более теперь у нас уже **общая** родина;* перифразы: *красоту **родной земли.***

Дальняя периферия формируется на основе индивидуальных знаний человека, смысловых ассоциаций и коннотативных связей. В рамках анализируемых текстов она представлена следующими понятиями: дом, изба, части дома, предметы быта, одежды и др. Дом и изба воспринимаются как символы благополучия и домашнего тепла, обозначающие для автора начальный пункт формирования его связи с землёй и сельской местностью, которая никогда не разорвётся. ***Лапти,** стоявшие где-то в углу, **лучина, тускло освещавшая горницу, свежий***

хлеб, парное молоко, печёная картошка наполняли своими запахами деревенскую избу. Или: *В то раннее утро перед отправкой в армию, когда я пошёл прощаться с селом, было попрохладнее, но всё было то же:* ***земля, река, небо, наше кладбище, на котором уже тогда были могилки дедушки и бабушки.*** *Дверь ей открыла, она его под* ***печку*** *и опять летит на* ***сарай.***

Языковые единицы периферийной зоны, безусловно, пересекаются с другими ЛСП (например, «Родина», «Природа»): *Все боли, все обиды и скорби, все мысли о плохом исчезнут навсегда в такие минуты. Только* ***воздух и небо****, только* ***облака и солнышко****, только* ***вода в берегах****, только* ***родина*** *во все стороны света, только счастье, что она такая – красивая, спокойная, добрая.*

Периферия представляет дополнительные семантические слои, которые расширяют ядро за счёт эмоциональных, культурных и исторических оттенков: религиозно-обрядовые слова: *храм, праздники, молитва, церковная жизнь*; природа и климат: *ландшафт, времена года;* бытовая и социальная сфера: *семья, соседи, традиции быта*.

Лексика, репрезентирующая мир природы, довольно часто соединяется в одном контексте с лексикой религиозного характера (*храм, церковь, молитва* и др.), всё это расширяет образ деревни, добавляет эстетическую и символическую окраску, наполняет эмоциональным компонентом. (*И не день, и не ночь. Ни звезд не видел, ни луны, ни солнца. Как северная ночь. Какое-то ровное, ровное сияние. И не зима, и не лето – такая тёплая свежесть. Всё вокруг в полной красоте и силе: и тополя, и берёзы, и травы. Не помню, босиком я был или обутый, потому что пыль помню на дороге – такая лёгкая. Всё серебристое. Потом церковь удивительной красоты – вся светится.*

Религия является неотъемлемой частью деревенского быта: храмовая жизнь, праздники, обряды. *Единственный путь спасения человека, его семьи, его* ***деревни****, села, города, его России, его страны – это путь Православия.*

Таким образом, в рамках ЛСП «Деревня» возникают устойчивые коллокации, связывающие ядро с периферийными элементами:

деревня + труд + честность: воспитание и становления подрастающего поколения;

деревня + храм/молитва: связь духовной и социальной сферы;

деревня + сезон/годовой цикл: ритм времени и колебания настроения главного героя.

В некоторых рассказах В.Н. Крупина периферийные элементы могут переориентировать восприятие ЛСП, например, при акценте на историческом прошлом деревни или на внутреннем мире персонажа, где периферия становится более «центрированной» в контексте конкретного повествования.

Заключение

Таким образом, обращение к языку и стилю В.Н. Крупина является актуальным, так как по-прежнему остаются малоизученными многие аспекты творчества автора. Язык текстов прозы писателя отличает простота, но в то же самое время глубина словесного выражения, его произведения являются феноменами, наделёнными специфической семантической структурой и смысловой многоплановостью. «Внутренние (психолингвистические) установки авторского выбора лексики указывают на стремление писателя найти адекватные его языковой картине мира средства репрезентации нужных смыслов» (Шаталова, 2021, с. 58).

ЛСП «Деревня» в текстах прозы В.Н. Крупина – это многоуровневая структура, включающая языковые единицы, передающие идейно-эстетическую установку автора. Центральное слово *деревня* выступает опорой для смысловой организации текстов, обеспечивая лингвистическую устойчивость идиостиля и образной стилистики. Периферийные элементы значительно обогащают поле, расширяя коннотации и создавая драматургическую глубину через связь с природой, религией, памятью и бытом.

Излюбленным синтаксическим художественным приёмом, который заключается в последовательном расположении слов, выражений или элементов текста в порядке нарастания или убывания их значимости, эмоциональности, интенсивности или степени выраженности какого-либо признака, свойства или значения является градация. Этот приём используется для усиления выразительности, подчёркивания важности какого-либо элемента, создания ритма, динамики, логического акцента или ритмического оформления текста.

Список источников / References

1. Виноградов, В. В. (1959). О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат.
   Vinogradov, V. V. (1959). On the language of fiction. Moscow: Goslitizdat. (In Russ.).
2. Караулов, Ю. Н. (1976). Общая и русская идеография. М.: Наука.
   Karaulov, Yu. N. (1976). General and Russian ideography. Moscow: Nauka. (In Russ.).
3. Крупин, В. Н. (2012). Книга для своих (Д. И. Кузнецов, сост.; Е. Н. Семыкин, предисл.; О. А. Платонов, отв. ред.). М.: Институт русской цивилизации.
   Krupin, V. N. (2012). A book for friends (D. I. Kuznetsov, comp.; E. N. Semykin, forew.; O. A. Platonov, ed.). Moscow: Institute of Russian Civilization. (In Russ.).
4. Крупин, В. Н. (2015). Море житейское. Подольск: Академия-XXI.
   Krupin, V. N. (2015). The sea of everyday life. Podolsk: Akademiya-XXI. (In Russ.).
5. Леденева, В. В. (2001). Идиостиль как система отношений. Вестник Тамбовского государственного университета, (5), 12.
   Ledeneva, V. V. (2001). Idiostyle as a system of relations. Bulletin of Tambov State University, (5), 12. (In Russ.).
6. Ожегов, С. И. (2019). Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений (Л. И. Скворцов, ред.; 28-е изд., перераб.). М.: Мир и Образование.
   Ozhegov, S. I. (2019). Explanatory dictionary of the Russian language: Approx. 100,000 words, terms, and phraseological expressions (L. I. Skvortsov, ed.; 28th ed., rev.). Moscow: Mir i Obrazovanie. (In Russ.).
7. Фасмер, М. (2007). Этимологический словарь русского языка: В 4 т. (Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; 4-е изд., стер.). М.: Астрель: АСТ.
   Fasmer, M. (2007). Etymological dictionary of the Russian language: In 4 vols. (Trans. from German and add. by O. N. Trubachev; 4th ed., ster.). Moscow: Astrel: AST. (In Russ.).
8. Шаталова, О. В., Колесникова, С. М., Бурская, Е. А., Леденёва, В. В. (2021). Средства репрезентации идиоглосс «Дети», «Семья», «Жизнь» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Вестник Волгоградского государственного университета. Серия

2: Языкознание, 20(1), 47—62.
Shatalova, O. V., Kolesnikova, S. M., Burskaya, E. A., Ledeneva, V. V. (2021). Means of representing the idiolects "Children", "Family", and "Life" in F. M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov". Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics, 20(1), 47—62. (In Russ.).

Информация об авторе

Алена Сергеевна Ермакова, соискатель кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации, специалист по учебно-методической работе, факультет русской филологии, Государственный университет просвещения (ФГАОУ ВО ГУП), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0009-0005-8170-4476, e-mail: aleonaermakova@yandex.ru

Information about the author

Alena S. Ermakova, Candidate of Science (Philology) degree seeking applicant, Department of Slavic Studies, General Linguistics and Culture of Communication, Specialist in Educational and Methodological Work, Faculty of Russian Philology, State University of Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0009-0005-8170-4476, e-mail: aleonaermakova@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 12.05.2026
Поступила после рецензирования 28.08.2026
Принята к публикации 10.09.2026
Опубликована 30.09.2026

Received 2026.05.12
Revised 2026.08.28
Accepted 2026.09.10
Published 2026.09.30

Язык и текст
2026. *13*(3), 17–29.
https://doi.org/10.17759/langt.2026130302
ISSN 2312-2757 (online)

Language and Text
2026. *13*(3), 17–29.
https://doi.org/10.17759/langt.2026130302
ISSN 2312-2757 (online)

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

Концепт «жертва» в религиозном сознании православных верующих

А.С. Лагутова✉
Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, Москва, Российская Федерация
✉ lagutovaas@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Актуальность изучения концепта «жертва» обусловлена необходимостью выявления дискурсивной вариативности в условиях сосуществования светской и религиозной картин мира в современной России. **Цель.** Выявить особенности функционирования концепта «жертва» в светском и православном дискурсах. **Гипотеза.** Концепт «жертва» в светском дискурсе осмысливается преимущественно негативно, в то время как в православном – через добровольный акт любви и самоотречения. **Методы и материалы.** Материалом послужили статьи толковых и этимологических словарей, данные Национального корпуса русского языка, Священное Писание, святоотеческие творения, православные проповеди и акафисты XX–XXI вв. Использованы этимологический, компонентный, контекстуальный и сопоставительный анализ. **Результаты.** В светском дискурсе концепт «жертва» осмысливается преимущественно негативно, как бессмысленная утрата, страдание или результат насилия. В православном дискурсе он раскрывается через добровольный акт любви и самоотречения в подражание Христу, наполняя страдание высшим смыслом спасения. **Выводы.** Наиболее характерные примеры вербализации концепта «жертва» выявлены в акафистах новопрославленным святым (страстотерпцам царю Николаю II, царевичу Алексию, преподобномученице великой княгине Елисавете), где актуализируются такие семантические компоненты, как ‘добровольность’, ‘непорочность’, ‘жертвенная любовь’, ‘богоугодность’ и ‘самоотдача’.

Ключевые слова: религиозный дискурс, светский дискурс, православный дискурс, концепт «жертва», религиозное сознание, светское сознание, теолингвистика

© Лагутова А.С., 2026

CC-BY-NC

Для цитирования: Лагутова, А.С. (2026). Концепт «жертва» в религиозном сознании православных верующих. *Язык и текст, 13*(3), 17—29. https://doi.org/10.17759/langt.2026130302

The concept of “sacrifice” in the religious consciousness of Orthodox believers

A.S. Lagutova✉
National Research Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russian Federation
✉ lagutovaas@gmail.com

Abstract

Context and relevance. The relevance of studying the concept of "sacrifice" is driven by the need to identify discursive variability in the context of the coexistence of secular and religious worldviews in contemporary Russia. **Objective.** To identify the features of the functioning of the concept of "sacrifice" in secular and Orthodox discourses. **Hypothesis.** The concept of "sacrifice" is perceived negatively in secular discourse, whereas in Orthodox discourse it is understood through a voluntary act of love and self-denial. **Methods and materials.** The material includes entries from explanatory and etymological dictionaries, data from the Russian National Corpus, Holy Scripture, patristic writings, Orthodox sermons, and akathists from the 20th–21st centuries. Etymological, componential, contextual, and comparative analyses were employed. **Results.** In secular discourse, the concept of "sacrifice" is understood predominantly negatively, as a senseless loss, suffering, or a result of violence. In Orthodox discourse, it is revealed through a voluntary act of love and self-denial in imitation of Christ, imbuing suffering with the highest meaning of salvation. **Conclusions.** The most characteristic examples of the verbalization of the concept of "sacrifice" are found in akathists to newly glorified saints (passion-bearers Tsar Nicholas II, Tsarevich Alexei, and Venerable Martyr Grand Duchess Elizabeth), where such semantic components as 'voluntariness', 'purity', 'sacrificial love', 'God-pleasing nature', and 'self-giving' are actualized.

Keywords: religious discourse, secular discourse, Orthodox discourse, concept of "sacrifice", religious consciousness, secular consciousness, theolinguistics

For citation: Lagutova, A.S. (2026). The concept of “sacrifice” in the religious consciousness of Orthodox believers. *Language and Text, 13*(3), 17—29. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/langt.2026130302

Введение

Изучение концептов как ментальных единиц описания языковой картины мира является в настоящее время одним из центральных направлений когнитивной лингвистики. Особый интерес у исследователей вызывают концепты, функционирующие в разных типах дискурса. Для религиозного дискурса, формирующего теоцентрическую картину мира, ключевыми являются концепты, связанные с основами вероучения. Так, например, Е. В. Сергеева рассматривает макроконцепты «Бог», «человек» и микроконцепты «истина», «свет», «вера»,

«религия», «Церковь» (Сергеева, 2002), О. И. Ануфриева, исследует концепт «праведность» (Ануфриева, 2009), анализ концепта «любовь» в христианском понимании проводит Г. Н. Скляревская (2013), В. В. Сайгин изучает языковую реализацию концепта «грех» (Сайгин, 2014), глагольной семантике как языковому репрезентанту концепта «Бог» посвящено исследование Н. В. Осипчук (2022), понятия «святость» и «подвиг» изучает И. В. Бугаева (2023), о вербализации концепта «крест» в православной медиапроповеди пишет А. С. Макарова (2023), концепт «вера» в медиадискурсе рассматривает Е. А. Козлова (2023), концептуализацию «счастья», «радости», «блаженства» в философско-религиозном дискурсе изучает А. Е. Комлев (2025).

В рамках данного исследования анализируется значимый для православных христиан концепт «жертва» и рассматриваются особенности его функционирования в светском и религиозном дискурсах. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления специфики дискурсивной вариативности концептов: функционирование религиозных лексем в светском дискурсе характеризуется семантическим разрывом между их сакральным и профанным содержанием, что обусловлено уникальным сосуществованием светской и религиозной картин мира в современной России. Лексема «жертва» традиционно воспринимается как связанная с религиозной сферой, однако она активно используется в светском дискурсе, претерпевая семантическую трансформацию, что позволяет проследить динамику десакрализации соответствующего концепта и выявить полярные семантические экспликации одного ментального образа.

Материалы и методы

Исследование базируется на комплексной методике, объединяющей этимологический, компонентный, контекстуальный и сопоставительный виды анализа. Использование функционально-семиологического подхода позволяет проследить «конкретные характеристики концепта, на основе которых формируется соответствующий смысл», то есть «выявить механизмы взаимодействия когнитивных и языковых структур» (Болдырев, 2018, с. 224–225). С этой целью автор прибегает к анализу словарных статей лексемы «жертва», а также к установлению ее прототипической семантики в религиозном и светском дискурсах, что позволяет выявить использование указанной лексической единицы «в высказывании для передачи тех или иных функциональных смыслов» (Болдырев, 2018, с. 225).

Эмпирической базой послужили данные толковых словарей русского языка (Словаря современного русского литературного языка (БАС), Большой толковый словарь русского языка С. А. Кузнецова (БТС), Словарь русского языка А. П. Евгеньевой (МАС), Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова (ТСО), Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова (ТСРЯ)), этимологические данные (Этимологический словарь русского языка (ЭС)), специальные лексикографические источники, фиксирующие религиозную лексику (Полный церковно-славянский словарь (ПЦСЯ), Словарь православной церковной культуры (СПЦК)), данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а также контексты из Священного Писания (отобранные с использованием ресурсов bible.by и ekzeget.ru), фрагменты богослужебных текстов и святоотеческих творений, православные проповеди и медиа, а также тексты акафистов XX–XXI вв. (отобранные с использованием ресурса akafistnik.ru), представленные на церковнославянском языке гражданским шрифтом.

Результаты

Концепт представляет собой подвижную комплексную единицу, которая актуализирует свои различные признаки и слои, поворачиваясь «разными сторонами» (Попова, 2015, с. 24) в зависимости от вида дискурса, в котором она рассматривается. В религиозном дискурсе происходит активизация периферийных значений отдельных концептов и их актуализация в ядерной зоне (Лагутова, 2025, с. 704), поскольку религиозный дискурс, представляющий собой систему речевой коммуникации, институционально обусловленную деятельностью в обществе той или иной религиозной организации, предполагает религиозный тип мышления (Грудинина, 2024, с. 116), который обуславливает при коммуникации актуализацию сакрального наполнения концепта, отличного от светского. Рассмотрим это на примере концепта «жертва».

Для начала обратимся к анализу лексемы «жертва». Данное слово происходит от праславянского *žьrtva*, родственного глаголу *žьrti* («приносить в жертву, совершать жертвоприношение»), которое восходит к индоевропейскому корню gr̥ń̥ti «воспевает, превозносит, восхваляет», gī́r ж. «хвала, награда», авест. āγairyā̃t «превозносится», gar ж. «хвала. награда, хвалебная песнь», лат. grātus «желанный, приятный, благодарный» (Фасмер, т. 2, с. 50). В самом этимоне слова заложен сакральный смысл – принесение жертвы как некой хвалы, приятной Господу.

Словарная фиксация отражает путь лексемы от сакрального к профанному. В словаре церковнославянского языка Г. Дьяченко фиксируется исключительно религиозное значение: «Жертва = жертвоприношение» (Дьяченко, 2011, с. 181). Автор словаря указывает на всякое священнодействие, церковнослужение, обряд, общественное жертвоприношение. В теологической традиции жертвоприношение рассматривается как Божественное установление, руководствующее к основательному разумению книги Бытия. Уже в раю, согласно библейскому повествованию, «одежды кожаные» (Быт. 3, 21) могут рассматриваться как прообраз жертвы, знак особой милости Божией падшим людям и указание на грядущие страдания Сына Божия. В контексте Священного Писания лексема «жертва» полисемантична. Она может обозначать как священное возлияние, совершаемое при заключении союзов и договоров (Быт. 35, 14; ср. Чис. 15, 5), так и дар и способ очищения. Жертвы в прямом значении в исторической традиции рассматриваются как физические: кровавые и бескровные. В пророческой литературе лексема «жертва» приобретает метафорическое значение Божественной казни, обрушивающейся на нечестивых (Ис. 34, 6; Иер. 46, 10; ср. Иез. гл. 21). Выражение «жертва Господеви» в данных контекстах означает суд и истребление.

В христианской богослужебной традиции термин «жертва безкровная» закрепляется за таинством Евхаристии. Данное словосочетание служит для отличия новозаветного таинства от ветхозаветных кровавых жертв. В Евхаристии, по учению Церкви, священнодействуются пречистое Тело и всечестная Кровь Господа Иисуса Христа, что совершается аналогично тому, как это было установлено Им Самим на Тайной вечери с учениками прежде крестных страданий и смерти (Дьяченко, 2011, с. 182).

В словаре В. И. Даля лексема представлена уже более объёмно: «Пожираемое, уничтожаемое, гибнущее; то, что отдаю или чего лишаюсь невозвратно» (Даль, т. 1, с. 485). В словарной статье первое значение прямо указывает на сакральную актуализацию: «Приношение от усердия божеству: животных, плодов…» (Даль, т. 1, с. 485). Однако здесь же фиксируются новые, переносные смыслы, свидетельствующие о переходе в профанную сферу:

«отречение от выгод или утех своих по долгу…» (Даль, т. 1, с. 485) и, что особенно важно, третье значение, прямо указывающее на пострадавшего: «пострадавший от чего-либо есть жертва причин этих» (Даль, т. 1, с. 486). Фиксация в словаре В. И. Даля демонстрирует процесс семантической деривации, когда жертвой начинает именоваться не только добровольное приношение, но и объект страдания.

В словарях современного русского литературного языка (Ушакова, Ожегова, МАС, БАС) на первый план также выходит прямое историческое значение («приносимый в дар божеству предмет или живое существо»), но переносные значения становятся доминирующими в живом употреблении. На периферии встречаются сходные переносные значения, характерные для современного профанного мироощущения: «отказ от личных целей, интересов...»; «кто-л. пострадавший, потерпевший, погибший…» (БАС, т. 5, с. 617). Так, в первом определении утрачивается связь с изначальным адресатом жертвы (Богом), а во втором – доминирует негативная коннотация страдания, смерти.

Для комплексного описания показательным является анализ лексемы с обстоятельственными и атрибутивными распространителями, которые указывают на функционирование получившегося конструкта в конкретном виде дискурса. Рассмотрим наиболее яркие примеры, отобранные в ходе анализа и характерные для светского дискурса:

– По цели и результату: *стать жертвой* (преступления, обстоятельств, мошенников); *приносить в жертву* (карьеру, семью, время, здоровье);

– По оценке: *напрасная жертва; бессмысленная жертва; ненужные жертвы*;

– По способу существования: *комплекс жертвы; позиция жертвы* («не делай из себя жертву»).

В светском дискурсе «жертва» имеет негативную оценку. Смысловым ядром здесь являются значения «утрата», «страдание», «ущерб», которых следовало бы избежать. Акцент делается на пассивности субъекта (пострадавший становится объектом негативного воздействия) и бессмысленности потери, если она не привела к ощутимой земной выгоде.

В православном религиозном дискурсе распространители лексемы (единицы словосочетания в связанном значении, формирующие устойчивые в семантическом отношении словосочетания) носят иной характер, раскрывая её богословскую, аскетическую и литургическую категории:

– По адресату и смыслу: *Жертва Богу; Жертва Христова; Бескровная Жертва* (Евхаристия);

– По характеру действия: *принести себя в жертву* (во имя Христа, ближних); *добровольная жертва; искупительная жертва*;

– По внутреннему состоянию: *жертва хвалы* (Пс. 50, 21), *жертва сокрушенного и смиренного сердца* (Пс. 50, 19);

– Библейские контексты: «Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и *жертву Богу*» (Еф. 5, 2); «Милости хочу, а *не жертвы*» (Мф. 9, 13).

В Ветхом Завете жертва была прообразом и установлением, ведущим к осознанию потребности в Искупителе. Пророки подчёркивали приоритет внутреннего: «К чему Мне множество жертв ваших? <...> перестаньте делать зло; научитесь делать добро» (Ис. 1, 11, 16–17). В Новом Завете Христос Сам становится этой совершенной Жертвой, призывая учеников

к подражанию: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф. 16, 24). Жертва здесь неразрывно связана с любовью («Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» Ин. 15, 13) и осмысливается как путь к воскресению и вечной жизни. Апостол Павел свидетельствует о результате жертвенной жизни: «И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20).

В православной святоотеческой традиции жертва понимается как внутреннее состояние души. Так, преподобный Максим Исповедник подчёркивает, что «духовными жертвами (самоотвержением) признаем не только умерщвление страстей… но посвящение всех естественных сил Богу, принесение их во всесожжение Богу в огне благодати» (Настольная книга…, 1994, с. 5). Святитель Игнатий (Брянчанинов) уточняет: «Одна жертва (самоотвержение), принимаемая Богом от падшего человеческого естества, есть сокрушение духа» (Игнатий Брянчанинов, 2006, т. 5, с. 98). Святитель также указывает на необходимость послушания Богу в деле жертвенной жизни: «Господь, заповедавший нам самоотвержение (жертвенность), отречение от мира и ношение креста, дает нам силу исполнять заповедание его» (Игнатий Брянчанинов, 2006, т. 1, с. 96).

Святоотеческое понимание жертвы неразрывно связано с любовью к ближним и Отечеству. Святитель Игнатий (Брянчанинов) в письме генералу Н. Н. Муравьеву-Карскому писал: «Развивайте в русских воинах живущую в них мысль, что они, принося жизнь свою в жертву Отечеству, приносят ее в жертву Богу и сопричисляются к святому сонму мучеников Христовых» (Игнатий Брянчанинов, 2011, т. 3, с. 272). Святитель Иннокентий (Борисов) прямо уподобляет жертву за ближних самопожертвованию Христа. Обращаясь к Смоленскому ополчению, он говорит: «...теперь вы... приходите пролить за нас кровь и положить, если то нужно, самый живот свой. О, это верх братства и самоотвержения, даже христианского! “Болши сея любве никтоже имать, – сказал Сам Спаситель, – да кто душу свою положит за други своя” (Ин. 15, 13). ...Между нами нет ни единого, кто бы не чувствовал великости вашей жертвы…» (Иннокентий (Борисов), 1908, т. 2, с. 551–552). Как поясняет святитель Иннокентий, страдания «вознесли Божественного Страдальца на престол славы и всемогущества... потому что Он творил волю Отца Своего, приносил Себя в жертву за спасение всего мира... Так будет и со всяким, кто, подобно Спасителю своему, стоит за истину против неправды, кто приносит себя в жертву не ради земных выгод, а за спасение своих собратий» (Иннокентий (Борисов), 1908, т. 3, с. 305).

Наконец, святитель Феофан Затворник Вышенский наставляет верующего к внутренней жертве – сокрушению и смиренной молитве: «Докучайте Господу, Матери Божией и Ангелу Хранителю... молитесь, чтобы дали познать себя, а по познании вложили желание и снабдили силою исправить все неисправное, а паче чтобы исполнили сердце духом сокрушения и смирения, в коих жертва Богу, самая Ему угодная» (Феофан Затворник, 2019, с. 153). Так, в святоотеческой литературе понятие жертвы раскрывается через добровольное самоотречение, чистоту сердца и любовь к Богу и ближним, что принципиально важно для формирования религиозной картины мира православных верующих.

Таким образом, проведённый анализ показывает, что концепт «жертва» трансформируется в зависимости от типа дискурса, в котором он рассматривается. В светской языковой картине мира в Новое время данный концепт проявляется с устойчивой негативной коннотацией, описывающей пассивное страдание, утрату или бессмысленный отказ от чего-либо. В

православном дискурсе концепт раскрывается через добровольный акт любви и самоотречения, совершаемый в подражание Христу и ведущий к соединению с Богом. Противопоставление этих значений является ярким примером дихотомии профанного и сакрального: то, что в мирском понимании есть трагедия и потеря (гибель, страдание, утрата, ущерб), в религиозном мироощущении воспринимается как высшее торжество духа и условие спасения.

Концепт «жертва» в акафистах новопрославленным святым

Традиционно в православном религиозном сознании святость осмысливается через жертвенность: добровольный акт самоотдачи Всевышнему, отказ от мирского с целью уподобления Христу, принесшему Себя в Жертву ради искупления грехов мира. Как замечает К. В. Цеханская, «жертвенность – краеугольная категория православной духовности, “соль осоляющая”, дающая святости – силу, аскезе – смысл, молитве – действенность, любви – свободу» (Цеханская, 2015, с. 77). Так, добровольная жертва становится способом приближения к Господу, условием самого существования духовного подвига. Об этом святитель Николай Сербский пишет: «Всякая добродетель рождает жертвенность. Совершенная добродетель рождает полное самоотречение. Высшая добродетель – любовь – рождает совершенное самоотречение. Жертвенность вырастает в самоотречение, самоотречение прорастает в Жизнь Вечную» (Николай Сербский, 2001, с.13).

Особую значимость изучение концепта «жертва» в религиозном дискурсе приобретает в контексте анализа акафистов новопрославленным святым – мученикам, страстотерпцам, чей подвиг непосредственно был связан с насильственной кончиной или добровольным принятием страданий за веру. Для прославления данного типа подвига в жанре акафиста гимнографу необходимо языковыми средствами вербализовать информацию из жизни прославляемого святого, донести до молящегося смысл его жертвы, вписать индивидуальный подвиг в общецерковную традицию понимания жертвенности. Обратимся к примерам из акафистов XX–XXI вв.

В акафисте святому царю-страстотерпцу Николаю II концепт «жертва» вербализуется через несколько ключевых фразем хайретизмов, где актуализируются значимые семантические компоненты. Так, фразема хайретизма первого икоса содержит метафорическую конструкцию «жертво всесожжения», которая отсылает к ветхозаветной традиции сжигания животного на жертвеннике с целью вознесения «благоухания, приятного Господу» (Лев. 1, 9). Данный образ семантически связывается с символом полной отдачи себя Всевышнему. Тематически с этим хайретизмом связаны строки повествовательной части одиннадцатого икоса, где святой сравнивается с невинным жертвенным агнцем: «…послан быв земли нашей, яко агнец непорочный, полагаешися в жертву за грехи наша». Метафора «агнец непорочный» также глубоко символична и прототекстуально связана с евангельским символом Христа – Агнца Божия, вземлющего грехи мира (Ин. 1, 29). Через эту метафору происходит кодирование «Христоподражательной жертвы» святого: святой царь Николай уподобляется прототипу-Христу в Его жертвенной смерти. Фразема хайретизма пятого икоса «за Россию жертво усердная» связана с конкретным фактом из жизни императора. При жизни Николай II говорил: «Быть может, необходима искупительная жертва для спасения России. Я буду этой жертвой» (Кочетова, 2000, с. 274).

В акафисте страстотерпцу цесаревичу Алексию, концепт «жертва» получает выражение через доминантный образ агнца. Так, в первом кондаке и восьмом икосе гимнограф обращается к святому конструкцией «а́гнче незло́бивый». Образ агнца также встречаем во

фраземе двенадцатого икоса: «а́гнче кро́ткий, в же́ртву чи́стую Го́сподеви принесе́нный» и в девятом кондаке: «закла́н быв я́ко а́гнец чисте́йший». Образ агнца подчёркивает отсутствие сопротивления злу, добровольное и смиренное приятие страданий.

В первом икосе данного акафиста также возникает семантически тождественный образ традиционной ветхозаветной жертвенной птицы: «го́рлице непоро́чная» (ср. Лев. 12, 8), что расширяет экспликацию концепта «жертва». В одиннадцатом икосе акафиста встречаем фразему: «же́ртво непоро́чная, же́ртвенней любви́ нас науча́ющая», которая указывает на чистоту, безгрешность и невинность приносимой жертвы. Отметим, что жертва здесь не только констатируется, но и становится предметом научения, так как сам святой примером своей жизни учит верующих жертвенной любви.

В акафисте преподобномученице великой княгине Елисавете концепт «жертва» вербализуется во фраземах хайретизмов, которые демонстрируют его различные грани. Так, в хайретизме восьмого икоса «ра́дуйся, себе́ в же́ртву Бо́гу угото́вившая» глагол «уготовившая» указывает на особый духовный настрой, осознанность и предуготовленность предшествующей жизни к будущему подвигу: от оставления светского окружения до основания Марфо-Мариинской обители как акта жертвенного служения Всевышнему. В хайретизме девятого икоса: «ра́дуйся, любви́ же́ртвенней, ве́чней нас науча́ющая», – жертвенная любовь определяется как «вечная», сотериологическая, ведущая в Царство Небесное. Таким образом, в тексте показан спасительный характер жертвенной любви. В одиннадцатом икосе: «ра́дуйся, же́ртво непоро́чная и благопри́ятная, Бо́гу принесе́нная», эпитет «благоприятная» отсылает к ветхозаветной традиции жертвенного сжигания (Лев. 1, 9) и подчеркивает, что эта жертва была милостиво принята Господом. Концепт «жертва» в акафисте преподобномученице княгине Елисавете также раскрывается через образ агнца. Так, фразема «Христова агнице избранная» отсылает к строкам из Евангелия (Ин. 1, 29), что связывает подвиг святой со страданиями Христа: «как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих» (Ис. 53, 7).

Обсуждение результатов

Анализ хайретизмов, акафистов новопрославленным святым позволяет сделать вывод о том, что концепт «жертва» вербализуется в религиозном дискурсе в гимнографическом тексте через систему устойчивых образно-семантических моделей, восходящих как к ветхозаветной культовой практике («жертва всесожжения», «жертва благоприятная»), так и новозаветной христологии («агнец непорочный», «агнец кроткий»). Ключевыми семантическими компонентами, актуализируемыми в хайретизмах, выступают ‘добровольность’, ‘непорочность’, ‘жертвенная любовь’, ‘богоугодность’ и ‘самоотдача’. Эти компоненты в совокупности формируют то понимание жертвы, которое является центральным для православного религиозного сознания.

Заключение

Таким образом, концепт в различных видах дискурса актуализирует и активирует разные понятийные пласты, конкретизируясь и подвергаясь переосмыслению. Рассматриваемые в религиозном дискурсе концепты претерпевают трансформацию в ситуации диалога дискурсов, при перенесении в светский дискурс.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что концепт «жертва» является одним из значимых в современной языковой картине мира, которая в современной России характеризуется дихотомией светского и религиозного типов сознания. В светской картине мира понятие «жертва» интерпретируется в негативном ключе, как бессмысленная утрата или результат насилия. В религиозном православном дискурсе данный концепт раскрывается через добровольный акт любви и самоотречения в подражание Христу, что наполняет страдание высшим смыслом, позволяет рассматривать его как один из путей спасения. Анализ вербализации концепта «жертва» в акафистах новопрославленным святым помогает глубже понять, как этот он функционирует в религиозном дискурсе. В гимнографическом тексте через систему устойчивых образно-семантических моделей актуализируются такие его ключевые семантические компоненты, как ‘добровольность’, ‘непорочность’, ‘жертвенная любовь’, ‘богоугодность’ и ‘самоотдача’.

Перспективы дальнейшего исследования могут быть связаны с расширением эмпирической базы за счёт анализа более ранних акафистов или других жанров религиозного дискурса, а также привлечения данных экспериментальных методик для выявления содержания концепта «жертва» в массовом языковом сознании современных носителей русского языка.

Список источников / References

1. Акафистник.рф. [б. г.]. Акафистник.рф : сайт. URL: https://akafistnik.ru (дата обращения: 08.05.2026).
   Akafistnik.ru. [n.d.]. Akafistnik.ru : website. URL: https://akafistnik.ru (viewed: 08.05.2026). (In Russ.)
2. Ануфриева, О. И. (2009). Концепт «Праведность»: структура и средства выражения. Известия Волгоградского государственного педагогического университета, (7), 16—20.
   Anufrieva, O. I. (2009). The concept of "Righteousness": Structure and means of expression. Izvestia of Volgograd State Pedagogical University, (7), 16—20. (In Russ.)
3. Библия : книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. (2006). Москва : Российское библейское общество.
   The Bible: The books of the Holy Scripture of the Old and New Testaments. (2006). Moscow: Russian Bible Society. (In Russ.)
4. Болдырев, Н. Н. (2018). Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. Москва : Издательский дом ЯСК.
   Boldyrev, N. N. (2018). Language and the system of knowledge. Cognitive theory of language. Moscow: Publishing House YaSK. (In Russ.)
5. Кузнецов, С. А. (Ред.). (2003). Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург : Норинт.
   Kuznetsov, S. A. (Ed.). (2003). Comprehensive explanatory dictionary of the Russian language. St. Petersburg: Norint. (In Russ.)
6. Бугаева, И. В. (2023). Святость и подвиг в религиозном дискурсе. В: Александр Невский и Савва Сербский: подвиг и святость в языке, литературе, культуре, истории : сборник статей Круглого стола, Москва, 16 ноября 2021 года (с. 15—25). Москва : Российский

государственный университет имени А. Н. Косыгина.
Bugaeva, I. V. (2023). Holiness and feat in religious discourse. In: Alexander Nevsky and Savva of Serbia: Feat and holiness in language, literature, culture, history: Proceedings of the Round Table, Moscow, November 16, 2021 (pp. 15—25). Moscow: Kosygin Russian State University. (In Russ.)

7. Грудинина, Е. В. (2024). О соотношении дефиниций «религиозный дискурс» и «религиозный функциональный стиль»: конфессиональный и языковой аспекты. Вестник Екатеринбургской духовной семинарии, (48), 108—126.
Grudinina, E. V. (2024). On the correlation of definitions of "religious discourse" and "religious functional style": Confessional and linguistic aspects. Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary, (48), 108—126. (In Russ.)
8. Даль, В. И. (2004). Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. Москва : Олма-Пресс.
Dal, V. I. (2004). Explanatory dictionary of the Living Great Russian language: In 4 vols. Vol. 1. Moscow: Olma-Press. (In Russ.)
9. Дьяченко, Г. (2011). Полный церковно-славянский словарь. Москва : Отчий дом.
Dyachenko, G. (2011). Complete Church Slavonic dictionary. Moscow: Otchiy Dom. (In Russ.)
10. Игнатий Брянчанинов, свт. (2011). Полное собрание писем святителя Игнатия Брянчанинова: В 3 т. Т. 3. Москва : Паломник.
Ignatius Brianchaninov, St. (2011). Complete collection of letters of St. Ignatius Brianchaninov: In 3 vols. Vol. 3. Moscow: Palomnik. (In Russ.)
11. Игнатий Брянчанинов, свт. (2006). Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. Аскетические опыты. Москва : Ковчег.
Ignatius Brianchaninov, St. (2006). Collected works: In 7 vols. Vol. 1. Ascetic experiments. Moscow: Kovcheg. (In Russ.)
12. Игнатий Брянчанинов, свт. (2006). Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5. Приношение современному монашеству. Москва : Ковчег.
Ignatius Brianchaninov, St. (2006). Collected works: In 7 vols. Vol. 5. Offering to modern monasticism. Moscow: Kovcheg. (In Russ.)
13. Иннокентий (Борисов), свт. (1908). Речь Смоленскому ополчению, при встрече его, пред совершением молебствия по сему случаю, произнесенная 24 сентября 1855 года. В: Сочинения Иннокентия архиепископа Херсонскаго и Таврическаго: в 6 т. (2-е изд., Т. 3, с. 304—307). Санкт-Петербург : И. Л. Тузов.
Innocent (Borisov), St. (1908). Speech to the Smolensk militia, upon meeting them, before performing a prayer service on this occasion, delivered on September 24, 1855. In: Works of Innocent, Archbishop of Kherson and Taurida: In 6 vols. (2nd ed., Vol. 3, pp. 304—307). St. Petersburg: I.L. Tuzov. (In Russ.)
14. Иннокентий (Борисов), свт. (1908). Речь Смоленскому ополчению, при встрече его, пред совершением молебствия по сему случаю, произнесенная 24 сентября 1855 года. В: Сочинения Иннокентия архиепископа Херсонскаго и Таврическаго: в 6 т. (2-е изд., Т. 2, с. 551—552). Санкт-Петербург : И. Л. Тузов.

Innocent (Borisov), St. (1908). Speech to the Smolensk militia, upon meeting them, before performing a prayer service on this occasion, delivered on September 24, 1855. In: Works of Innocent, Archbishop of Kherson and Taurida: In 6 vols. (2nd ed., Vol. 2, pp. 551—552). St. Petersburg: I.L. Tuzov. (In Russ.)

15. Козлова, Е. А., Гремицкая, М. В. (2023). Концепт ВЕРА и религиозный дискурс: влияние медиа. Филологические науки. Вопросы теории и практики, 16(1), 285—290.
Kozlova, E. A., Gremitskaya, M. V. (2023). The concept of FAITH and religious discourse: The influence of media. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice, 16(1), 285—290. (In Russ.)

16. Комлев, А. Е. (2025). Концептуализация счастья, радости, блаженства в философско-религиозном дискурсе: онтологический аспект. Гуманитарный вестник, (2(112)), 80—88.
Komlev, A. E. (2025). Conceptualization of happiness, joy, bliss in philosophical and religious discourse: An ontological aspect. Humanitarian Bulletin, (2(112)), 80—88. (In Russ.)

17. Кочетова, Л. В. (2000). Все великие пророчества. Москва : АСТ.
Kochetova, L. V. (2000). All the great prophecies. Moscow: AST. (In Russ.)

18. Лагутова, А. С. (2025). Концепт светильник в пространстве религиозного дискурса (на примере жанра акафиста). Когнитивные исследования языка, (1-1(62)), 704—708.
Lagutova, A. S. (2025). The concept of lamp in the space of religious discourse (based on the genre of akathist). Cognitive Studies of Language, (1-1(62)), 704—708. (In Russ.)

19. Макарова, А. С. (2023). Вербализация концепта крест в православной медиапроповеди. Когнитивные исследования языка, (3-2(54)), 725—729.
Makarova, A. S. (2023). Verbalization of the concept cross in Orthodox media sermons. Cognitive Studies of Language, (3-2(54)), 725—729. (In Russ.)

20. Настольная книга священнослужителя: В 8 т. Т. 7. (1994). Москва : Издание Московской Патриархии.
A clergyman's handbook: In 8 vols. Vol. 7. (1994). Moscow: Publishing House of the Moscow Patriarchate. (In Russ.)

21. Национальный корпус русского языка. [б. г.]. Национальный корпус русского языка : сайт. URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 08.05.2026).
Russian National Corpus. [n.d.]. Russian National Corpus: website. URL: http://www.ruscorpora.ru (viewed: 08.05.2026). (In Russ.)

22. Николай Сербский, свт. (2001). Мысли о добре и зле. Москва : Издательство Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.
Nikolaj of Serbia, St. (2001). Thoughts on good and evil. Moscow: Publishing House of the Moscow Compound of the Holy Trinity-St. Sergius Lavra. (In Russ.)

23. Ожегов, С. И. (2019). Толковый словарь русского языка (Л. И. Скворцов, ред., 27-е изд., испр.). Москва : Мир и образование.
Ozhegov, S. I. (2019). Explanatory dictionary of the Russian language (L. I. Skvortsov, Ed., 27th ed., rev.). Moscow: Mir i Obrazovanie. (In Russ.)

24. Осипчук, Н. В. (2022). Глагольная семантика как языковой репрезентант концепта «БОГ» в религиозном дискурсе (на материале русскоязычной православной литературы). Гуманитарный научный вестник, (6), 178—184.
Osipchuk, N. V. (2022). Verbal semantics as a linguistic representative of the concept "GOD" in religious discourse (based on Russian Orthodox literature). Humanitarian Scientific Bulletin, (6), 178—184. (In Russ.)

25. Попова, З. Д., Стернин, И. А. (2015). Язык и национальная картина мира. Москва ; Берлин : Директ-Медиа.
Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2015). Language and the national worldview. Moscow; Berlin: Direct-Media. (In Russ.)

26. Сайгин, В. В. (2014). Языковая реализация концепта «Грех» в разных дискурсивных практиках современной русской речи. Коммуникативные исследования, (1), 188—196.
Saigin, V. V. (2014). Linguistic implementation of the concept "Sin" in different discursive practices of modern Russian speech. Communication Studies, (1), 188—196. (In Russ.)

27. Сергеева, Е. В. (2002). Русский религиозно-философский дискурс «школы всеединства»: лексический аспект: дис. … д-ра филол. наук. Санкт-Петербург.
Sergeeva, E. V. (2002). Russian religious-philosophical discourse of the "school of unity": Lexical aspect: Diss. Dr. Sci. (Philol.). St. Petersburg. (In Russ.)

28. Скляревская, Г. Н. (2013). Концепт «любовь» в христианском понимании: попытка лексикографического описания (предварительные заметки). В: Язык, сознание, коммуникация : сборник научных статей, посвященных памяти В. Н. Телия (Вып. 46, с. 104—112). Москва : МАКС Пресс.
Sklyarevskaya, G. N. (2013). The concept of "love" in Christian understanding: An attempt at lexicographic description (preliminary notes). In: Language, consciousness, communication: Collection of scientific articles dedicated to the memory of V.N. Telia (Issue 46, pp. 104—112). Moscow: MAKS Press. (In Russ.)

29. Скляревская, Г. Н. (2008). Словарь православной церковной культуры. Москва : АСТ ; Санкт-Петербург : Астрель-СПб.
Sklyarevskaya, G. N. (2008). Dictionary of Orthodox church culture. Moscow: AST; St. Petersburg: Astrel-SPb. (In Russ.)

30. Евгеньева, А. П. (Ред.). (1981–1984). Словарь русского языка: в 4 т. (2-е изд., испр. и доп.). Москва : Русский язык.
Evgenieva, A. P. (Ed.). (1981–1984). Dictionary of the Russian language: In 4 vols. (2nd ed., rev. and suppl.). Moscow: Russky Yazyk. (In Russ.)

31. Чернышев, В. И. [и др.] (Ред.). (1956). Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 5. Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР.
Chernyshev, V. I. [et al.] (Eds.). (1956). Dictionary of the modern Russian literary language: In 17 vols. Vol. 5. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.)

32. Ушаков, Д. Н. (Ред.). (1935–1940). Толковый словарь русского языка: в 4 т. Москва : Советская энциклопедия.

Ushakov, D. N. (Ed.). (1935–1940). Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 vols. Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russ.)

33. Фасмер, М. (1986–1987). Этимологический словарь русского языка: в 4 т. (О. Н. Трубачев, пер. с нем. и доп., 2-е изд., стер.). Москва : Прогресс.
Vasmer, M. (1986–1987). Etymological dictionary of the Russian language: In 4 vols. (O. N. Trubachev, Trans. from German and suppl., 2nd ed., ster.). Moscow: Progress. (In Russ.)
34. Феофан Затворник, свт. (2019). Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? Москва : Духовное преображение.
Theophan the Recluse, St. (2019). What is spiritual life and how to attune to it? Moscow: Spiritual Transformation. (In Russ.)
35. Цеханская, К. В. (2015). Идеал жертвенности в русском религиозном самосознании. Евразийский союз ученых, (11-1(20)), 76—85.
Tsekhanskaya, K. V. (2015). The ideal of sacrifice in Russian religious self-consciousness. Eurasian Union of Scientists, (11-1(20)), 76—85. (In Russ.)

Информация об авторе

Анастасия Сергеевна Лагутова, преподаватель кафедры иностранных языков и «Русский язык как иностранный», Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (ФГБОУ ВО НИУ МГСУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0009-0009-4244-1043, e-mail: lagutovaas@gmail.com

Information about the author

Anastasia S. Lagutova, Lecturer, Department of Foreign Languages and “Russian as a Foreign Language”, National Research Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0009-0009-4244-1043, e-mail: lagutovaas@gmail.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 03.06.2026
Поступила после рецензирования 28.08.2026
Принята к публикации 10.09.2026
Опубликована 30.09.2026

Received 2026.06.03
Revised 2026.08.28
Accepted 2026.09.10
Published 2026.09.30

Язык и текст
2026. *13*(3), 30–41.
https://doi.org/10.17759/langt.2026130303
ISSN 2312-2757 (online)

Language and Text
2026. *13*(3), 30–41.
https://doi.org/10.17759/langt.2026130303
ISSN 2312-2757 (online)

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

Англицизмы как прагматико-стилистический инструмент идиостиля В.В. Набокова в автопереводе романа «Лолита»

М.В. Логина✉
Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация
✉ mvlogina@fa.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Актуальность темы связана с тем, что автоперевод по сей день остаётся требующей внимания и разработки зоной переводоведения, особенно в связи с тем, что интерес к литературному билингвизму растёт год от года. Русская версия романа «Лолита», выполненная самим автором, даёт редкую возможность увидеть, что именно сохранил В. Набоков, переводя свой текст с одного языка на другой. **Цель**. Описать функции англицизмов в русском автопереводе романа (1967) на двух уровнях: прагматическом и стилистическом. **Новизна**. С данным аспектом и подходом к англицизмам как инструменту идиостилеобразования связываем новизну исследования. **Методы и материалы**. Материалом послужили параллельные тексты - английский оригинал (1955) и русский автоперевод, а также авторские послесловия. Применены методика скрытой прагмалингвистики и сопоставительный стилистический анализ. **Результаты.** Установлено, что на прагматическом уровне англицизмы удерживают неизменной авторскую стратегию эмотивного воздействия и работают как механизм остранения; на стилистическом - складываются в систему из четырёх устойчивых моделей: прямого заимствования, семантического и синтаксического калькирования, интертекстуального включения. Результаты уточняют представление об идиостиле писателя-билингва как о системе предпочтений, проецируемой на текст независимо от того, на каком языке он создаётся, что определяет практическую значимость исследования.

Ключевые слова: автоперевод, идиостиль, идиолект, билингвальный дискурс, транслингвема, прагмалингвистика, остранение, семантическая калька, «Лолита», В. В. Набоков

© Логина М.В., 2026

CC-BY-NC

Для цитирования: Логина, М.В. (2026). Англицизмы как прагматико-стилистический инструмент идиостиля В.В. Набокова в автопереводе романа «Лолита». *Язык и текст*, *13*(3), 30—41. https://doi.org/10.17759/langt.2026130303

Anglicisms as a pragmatic and stylistic tool of V.V. Nabokov’s idiostyle in the self-translation of the novel “Lolita”

M.V. Logina✉
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
✉ mvlogina@fa.ru

Abstract

Context and relevance. Self-translation still occupies a marginal place in translation studies, even though interest in literary bilingualism keeps growing. The author's own Russian version of Lolita offers a rare chance to observe what V. Nabokov preserved when translating his text from one language into another. **Objective.** To describe the functions of anglicisms in the Russian self-translation (1967) at two levels - pragmatic and stylistic. **Novelty.** The novelty of the study lies in this perspective and in treating anglicisms as a tool of idiostyle formation. **Methods and materials.** The material comprises parallel texts: the English original (1955), the Russian self-translation, and the author's afterwords. The study applies the method of hidden pragmalinguistics and comparative stylistic analysis. **Results.** At the pragmatic level, anglicisms keep the author's emotive strategy invariant and operate as a device of estrangement; at the stylistic level, they form a system of four recurrent models - direct borrowing, semantic and syntactic calquing, and intertextual inclusion. The findings refine the notion of a bilingual writer's idiostyle as a system of preferences projected onto the text regardless of the language in which it is produced, which determines the practical significance of the study.

Keywords: self-translation, idiostyle, idiolect, bilingual discourse, translingueme, pragmalinguistics, estrangement, semantic calque, Lolita, V. V. Nabokov

For citation: Logina, M.V. (2026). Anglicisms as a pragmatic and stylistic tool of V.V. Nabokov’s idiostyle in the self-translation of the novel “Lolita”. *Language and Text*, *13*(3), 30—41. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/langt.2026130303

Введение

Перевод, выполненный самим автором, ставит исследователя в сложное положение. Привычные подходы к паре «оригинал - перевод» при их сравнении не работают: тот, кто переводит, имеет право менять сказанное, и непонятно, считать ли новый текст переводом или вторым оригиналом. Р. Грутман ещё в первом издании «Routledge Encyclopedia of Translation Studies» отмечал, что переводоведы долго отодвигали автоперевод в сторону, относя его скорее к билингвизму, чем к переводу как таковому (Grutman, 2009).

Положение изменялось медленно, и до сих пор статус автоперевода описывается по-разному. Так, Я. Хокенсон и М. Мансон показали обратное расхожему мнению: автор, берущийся за собственный текст, оказывается не всезнающим толкователем, а человеком в новой творческой ситуации, со своими ритмическими и культурными ограничениями (Hokenson, Munson, 2007). В отечественной науке В. И. Фролов прямо говорит о терминологической нерешённости вопроса - граница между воссозданием и пересозданием в автопереводе почти неразличима (Фролов, 2016). И. А. Резунова добавляет к этому важный акцент: в руках билингва перевод никогда не сводится к механической передаче, это полноценный творческий акт (Резунова, 2016).

Случай В. В. Набокова в этом ряду особый. Дело не только в объёме двуязычного корпуса, но и в той рефлексии, которую писатель обращал к самому переходу между языками. В послесловии к русскому изданию «Лолиты» он рассуждал о «взаимной переводимости» английского и русского, а в интервью объяснял, почему не доверил роман чужой руке: иначе русская версия была бы изуродована вульгарными пересказами и ошибками (Набоков, 1967). Исследователь здесь работает не только с текстами, но и с развёрнутым авторским комментарием к ним - редкая роскошь.

Набоковский автоперевод изучался с разных сторон. И. А. Зюбина и Н. А. Кумпан рассматривали прагматику билингвального речевого поведения на параллельных текстах «Лолиты» (Зюбина, Кумпан, 2015); О. Н. Бакуменко сопоставила цветообозначения оригинала и перевода и установила устойчивость доминантных номинаций при языковом переходе (Бакуменко, 2023); Л. В. Кривошлыкова и Ю. С. Черняков исследовали портрет-описание в авторском переводе (Кривошлыкова, Черняков, 2017). Однако работы, в которой англицизмы русского текста были бы описаны именно как инструмент идиостилеобразования - одновременно прагматический и стилистический, - до сих пор нет. Этот угол зрения предлагается впервые.

Цель статьи - описать функции англицизмов в формировании идиостиля В. В. Набокова на материале русского автоперевода «Лолиты». Задачи сводятся к четырём положениям: уточнить рабочее понятие идиостиля применительно к писателю-билингву; показать, как англицизмы удерживают авторскую стратегию воздействия; систематизировать стилистические модели вхождения английского материала в русский текст; определить, при каких условиях иноязычный элемент становится знаком авторского голоса, а не следом переводческой неудачи.

Материалы и методы

Материал - параллельные тексты романа «Лолита»: английский оригинал (Nabokov, 1955) и русский автоперевод (Набоков, 1967). Привлекаются авторские метатексты: послесловия к русскому и американскому изданиям и мемуарная книга «Другие берега». Основных методов два. Первый - методика скрытой прагмалингвистики в варианте Г. Г. Матвеевой, которую И. А. Зюбина и Н. А. Кумпан применили к данному материалу (Зюбина, Кумпан, 2015); она позволяет вычленить тот слой авторской интенции, что реализуется не через прямое высказывание, а через саму организацию речи. Второй - сопоставительный стилистический анализ параллельных фрагментов, при котором английский отрезок и его русское соответствие рассматриваются как пара, обнажающая переводческое решение.

Идиостиль писателя-билингва: уточнение понятия

Прежде чем говорить о функциях англицизмов, стоит развести два термина, которые нередко смешивают: идиолект и идиостиль. Е. Р. Корниенко формулирует различие так: идиолект - это совокупность языковых черт, присущих носителю языка как индивиду, тогда как идиостиль - эстетически организованная система этих черт, развёрнутая в художественном тексте и несущая авторскую картину мира (Корниенко, 2019). Н. Е. Петрова добавляет существенное уточнение: идиостиль сегодня описывают прежде всего через категорию авторской интенции - это не реестр отступлений от нормы, а система предпочтений, посредством которой языковая личность проецируется на текст (Петрова, 2023).

Опора здесь не случайна. Само разграничение восходит к работам В. В. Виноградова и Ю. М. Лотмана, на основе которых В. В. Леденёва ещё в начале 2000-х годов сформулировала, что идиостиль нельзя сводить к перечню формальных особенностей: за отбором и организацией языковых средств всегда стоит отношение автора к материалу, его избирательность (Леденёва, 2001). Этот тезис - об идиостиле как системе отношений, а не как наборе примет - оказывается рабочим инструментом и для набоковского случая: нас интересует не каталог английских вкраплений, а логика, по которой автор их сохраняет в русскоязычном автопереводе. Сегодня этот взгляд получает неожиданное подкрепление со стороны цифровой стилистики. Разграничивая индивидуальный и «харизматический» стиль, Н. И. Клушина доказывает, что подлинный идиостиль воплощает масштаб самой личности автора и потому остаётся недоступным генеративным моделям, сколь угодно ловко имитирующим поверхностные приметы письма (Клушина, 2025). Вывод этот работает и на наш материал: если идиостиль неотделим от авторской величины, то английские вкрапления в русской «Лолите» правомерно читать не как технический шов перевода, а как отпечаток этой неотчуждаемой инстанции.

Применительно к билингву понятие приходится достраивать. Монолингвальный писатель формирует стиль внутри одной системы, в пределах её возможностей. У двуязычного автора в распоряжении два кода, и его идиостиль складывается не внутри одной системы, а в зоне их соприкосновения - то конфликтного, то продуктивного. С. М. В. Чемоданова, изучая художественный билингвизм современных авторов, замечает: двуязычный писатель задействует оба языка и обе культуры для создания образов, и освоение второго языка не вытесняет первый, а порождает особое смысловое пространство на их пересечении (Чемоданова, 2023). А. И. Смирнова, прослеживая эволюцию Ч. Айтматова, показывает, что движение от билингвизма к транскультуре формирует мир, в котором ни один язык не остаётся единственным «домашним» (Смирнова, 2024). Набоков - ярчайший пример именно такой бидоминантности.

Для иноязычных единиц, встроенных в принимающий текст, Л. А. Каракуц-Бородина предложила удачный термин - «транслингвема», понимая под транслингвемами элементы иностранного языка, инкорпорированные в систему принимающего текста или идиостиля писателя (Каракуц-Бородина, 2007). В содержательном плане он точнее, чем «заимствование» или «вкрапление»: акцент смещается с происхождения единицы на её роль в тексте-реципиенте. Транслингвема способна нести сразу несколько функций - называть,

локализовать, характеризовать, играть, - и эта одновременность создаёт ту смысловую плотность, по которой набоковскую прозу узнают с полуфразы.

Сам идиостиль складывался поэтапно и в двух языках. Берлинская эмиграция 1920-1930-х годов - русский Сирин: «Машенька», «Защита Лужина», «Камера обскура», «Отчаяние», «Приглашение на казнь», «Дар». Переход на английский, совпавший с отъездом в США в 1940 году, дался писателю тяжело; в послесловии к американскому изданию он признавался, что вынужден был оставить богатый и послушный русский ради «второстепенного сорта» английского (Набоков, 1967). Вершиной англоязычного периода стала «Лолита» (1955). И когда Набоков вернулся к роману уже как переводчик самого себя, две системы вступили в прямой контакт - именно там и проступили самые показательные идиостилевые проявления.

Прагматический аспект: авторская стратегия сквозь языковой перевод

Прагматику англицизмов в автопереводе удобнее всего раскрывать через категорию скрытого воздействия - того пласта авторских интенций, который реализуется в организации речи, а не в прямом сообщении. И. А. Зюбина и Н. А. Кумпан, применив методику скрытой прагмалингвистики к четырём параллельным текстам «Лолиты» (английский оригинал, русский автоперевод и два французских перевода), пришли к выводу, что речевое поведение Набокова-билингва в английском и русском вариантах совпадает по стратегии эмотивного воздействия на читателя (Зюбина, Кумпан, 2015). Вывод этот переворачивает привычную оценку. Если стратегия неизменна, то английские элементы в русском тексте - это не следы провалившейся адаптации, а намеренные инструменты той же прагматической программы.

Конкретные сопоставления это подтверждают. В оригинале Гумберт вспоминает о смерти матери: «My very photogenic mother died in a freak accident (picnic, lightning) when I was three». В русском тексте: «Обстоятельства и причина смерти моей весьма фотогеничной матери были довольно оригинальные (пикник, молния)». Английское freak - «дикий, нелепый, причудливый» - передано нейтральным «оригинальные». У слова оригинальный «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова в третьем значении фиксирует смысл «своеобразный, необычный» (Кузнецов, 2000); коннотативная плотность здесь иная, чем у английского freak, и тем не менее сохраняется та же дистанцированная, чуть холодная ирония рассказчика по отношению к трагедии. Перевод тут устремляется не за семантическим эквивалентом, а за тональностью.

Ещё нагляднее передача оборота «a salad of racial genes» как «целый винегрет из генов». Английское salad в значении «смесь разнородного» транспонировано через русское «винегрет», которое тянет за собой совсем другие культурные ассоциации - лексема номинирует не только бытовое блюдо, но и обозначает метафорически разговорное «мешанина, неразбериха». По-русски рассказчик «звучит» так же неожиданно и самоиронично, как по-английски: прагматический эффект присутствует, а форма трансляции поменялась полностью. Замена формы при сохранении результата воздействия и есть, по нашим наблюдениям, одна из опорных черт стиля набоковского автоперевода.

Здесь вступает механизм, который В. Б. Шкловский назвал остранением, - приём, ломающий автоматизм восприятия (Шкловский, 1919). М. Л. Новикова, специально исследовавшая эту категорию, разрабатывает вариант написания «остраннение» и описывает

приём как основу образной языковой семантики и структуры художественного текста (Новикова, 2005); мы, следуя терминологии Шкловского, сохраняем форму «остранение». Англицизм в русском тексте работает именно так: он задерживает читателя на слове, заставляет ощутить его чужеродность и задуматься, зачем этот знак здесь. Заимствования, переданные латиницей (варваризмы), организуют визуальный сбой: глаз спотыкается, фиксирует сигнал другой кодовой системы, и в этой точке смысловая нагрузка повышается. Набоков и сам говорил об этом эффекте, сравнивая текст с полем ловушек, каждая из которых грозит уродливым переводом (Набоков, 1967). Ловушки - это и есть прагматически нагруженные остраняющие элементы, и англицизм среди них один из главных для передачи интенции автора.

Второй прагматический поворот - управление нарративной дистанцией. Русский читатель воспринимает английские вкрапления как маркеры «чужого», и возникает солидарность с рассказчиком: оба как бы смотрят на американскую среду извне. Мотели, хайвеи, лагеря для девочек-скаутов названы своими английскими именами, и эта номинация закрепляет культурную дистанцию между русским читателем и изображаемым американским миром. Благодаря лексическим «вехам» в тексте Америка предстаёт перед русским читателем как иностранное государство, в полном согласии с точкой зрения героя произведения Гумберта, так и не ставшего здесь своим.

Наконец, функция англицизма не постоянна - она меняется с повествовательной позицией рассказчика, то есть с тем, в каком регистре звучит его голос. В авторском отступлении англицизм работает как сигнал метатекстового уровня, как знак прямого обращения к читателю. В диалоге то же средство приобретает характерологическую краску - выдаёт речевую манеру говорящего. В описании удерживает читателя в конкретном культурном пространстве. Переключение этих регистров в «Лолите» проведено последовательно, и сам авторский контроль за чёткостью и демонстрацией смены - примета зрелого идиостиля.

Промежуточный вывод по прагматическому уровню. Англицизмы в русской «Лолите» не компенсируют потери при переводе, а воспроизводят авторскую стратегию воздействия: сохраняют ироническую дистанцию, создают остранение и регулируют близость рассказчика к читателю. Форма языковой экспликации при этом свободно меняется - неизменным остаётся прагматический результат. Средства экспликации (английское или русское слово, тот или иной лексико-семантический вариант) меняются по воле автора, тогда как стоящая за ними интенция остаётся постоянной.

Стилистические модели введения англицизмов

Стилистический анализ позволяет свести разнородные, на первый взгляд, вкрапления к четырём устойчивым моделям вхождения английского материала в русский текст.

Первая - прямое лексическое заимствование. Английское слово либо транслитерируется, либо остаётся в латинице как варваризм. В «Лолите» таких единиц много, и почти все они называют американские реалии без устоявшегося русского соответствия. Топонимы Parkington, Ramsdale, Briceland даны транслитерацией - Паркингтон, Рамздэл, Брайсланд; названия мотелей вроде «Lacework Cabins» или «Poplar Shade» сохраняют прописные буквы, не свойственные русской норме, а отчасти и латинскую графику или кавычки, маркирующие

их как чужеродные. О. Н. Бакуменко, сопоставив лексические системы обеих версий, отметила чёткую закономерность: английские наименования удерживаются там, где несут культурно-специфическую нагрузку, не передаваемую русским эквивалентом (Бакуменко, 2023). Иначе говоря, прямое заимствование у Набокова - не лексическая лень, а расчёт, проявляющий прагматическую установку на точность и необычность.

Вторая модель введения - семантическое калькирование. Русское слово наполняется значением, нетипичным для него самого, но закономерным для английского прообраза. Уже названный «винегрет из генов» вместо «salad of racial genes» - случай показательный: перевод строится не как эквивалент, а как функциональный аналог. Читателю, не знающему английского, такое словоупотребление кажется странным сдвигом, что стилистически значимо само по себе: «чужесть» рассказчика ощущается независимо от знания или незнания языка-источника.

Третья модель введения - синтаксическое калькирование, и осознаётся оно труднее всего в ходе анализа текста. Порядок слов, способ нанизывания придаточных, постпозиция определения, особый ритм фразы - всё это работает как признаки англоязычного текста ниже порога читательского восприятия. В. И. Фролов указывает, что Набоков не раз отступал от оригинала ради сохранения ритмического рисунка, жертвуя буквальной точностью ради интонационного единства (Фролов, 2016). В русском тексте встречаются постпозитивные определения, ярко демонстрирующие авторскую предикацию («горы туманные, холодные»), инверсии, причастные обороты (секундарная предикация) там, где норма предполагает ожидание простого предложения. Это следы английского синтаксиса, оставленные сознательно - как знак принадлежности голоса автора или его героя к другой системе средств репрезентации мысли.

Четвёртая модель - интертекстуальное включение: цитаты, аллюзии, скрытые отсылки к англоязычному культурному фону. «Лолита» вообще построена как система культурных зеркал, где сходятся европейская и американская традиции (Каракуц-Бородина, 2007). При переносе в русский текст часть отсылок мутнеет для читателя с иным прецедентным бэкграундом (пресуппозицией), но автор не подставляет русские аналоги, а оставляет «тёмные места», и тем самым превращает читателя из компетентного адресата в исследователя чужой культуры.

Отдельного внимания заслуживают окказионализмы. М. Р. Напцок, изучая словотворчество Набокова, насчитала в его русской прозе множество собственно лексических и лексико-семантических новообразований - свидетельство статуса писателя-словотворца (Напцок, 2010). В автопереводе это оборачивается тем, что вместо поиска эквивалента Набоков нередко создаёт в принимающем языке новое слово. Иными словами, при таком решении воспроизводится не отдельная лексема, а сам стилистический принцип построения слова: место английского окказионализма занимает русский, и нестандартность словесной формы сохраняется, меняя лишь конкретное языковое наполнение.

Таблица / Table

Стилистические модели вхождения англицизмов в русский текст романа «Лолита»
Stylistic models of anglicism integration into the Russian text of the novel "Lolita"

Модель / Model	**Языковой механизм / Linguistic mechanism**	**Стилистическая задача / Stylistic task**	**Пример из текста / Example from text**
Прямое заимствование / Direct borrowing	Транслитерация или варваризм / Transliteration or barbarism	Локализация, маркировка реалии / Localization, marking of realia	Паркингтон, Lacework Cabins / Parkington, Lacework Cabins
Семантическая калька / Semantic calque	Сдвиг значения русского слова / Semantic shift of the Russian word	Сохранение иронии, эффект чуждости / Preservation of irony, effect of foreignness	«винегрет из генов» / "gene vinaigrette"
Синтаксическая калька / Syntactic calque	Перенос английского строя фразы / Transfer of English sentence structure	Удержание авторского ритма / Maintaining the author's rhythm	постпозитивное определение, инверсия / postpositive attribute, inversion
Интертекстуальное включение / Intertextual inclusion	Сохранение непрозрачной отсылки / Preservation of an opaque reference	Вовлечение читателя в чужой контекст / Involving the reader in a foreign context	«тёмные места» аллюзий / "obscure spots" of allusions

Примечание: систематизация выполнена автором на материале параллельных текстов романа.

Note: the systematization was compiled by the author based on the parallel texts of the novel.

Промежуточный вывод по стилистическому уровню. Четыре модели не случайны и не равнозначны: каждая закреплена за своей задачей, а вместе они обеспечивают стилистическую неразрывность между оригиналом и переводом. Авторский голос узнаётся в русском тексте независимо от того, что языковая оболочка сменилась целиком.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать выводы по каждому из двух рассмотренных аспектов.

На прагматическом уровне англицизмы служат средством сохранения авторской стратегии эмотивного воздействия при переходе с английского на русский язык. Установленная И. А. Зюбиной и Н. А. Кумпан инвариантность речевого поведения билингва подтверждается, по нашим наблюдениям, учётом конкретных решений В. Набокова: замена freak на «оригинальные», salad of racial genes на «винегрет из генов» создаёт не семантические эквиваленты, а прагматические аналоги, удерживающие иронию, дистанцию и игровую

тональность рассказчика. Вместе с тем англицизмы стимулируют остранение, регулируют нарративную дистанцию и размечают переходы между повествовательными регистрами.

На стилистическом уровне англицизмы образуют систему из четырёх устойчивых моделей введения - прямого заимствования, семантического и синтаксического калькирования, интертекстуального включения. Каждая делегирована писателем для решения определённой задачи, а в совокупности они обеспечивают единство авторского голоса вне зависимости от языка текста.

Общий вывод заключается в том, что идиостиль Набокова в свете прагматико-стилистического анализа предстаёт не как набор формальных примет, а как система предпочтений - именно в том смысле, в каком трактуют это понятие В. В. Леденёва и Н. Е. Петрова. Англицизм в русской «Лолите» служит рабочим инструментом этой системы. Перспектива исследования данного вопроса связывается нами с проверкой, предложенной в статье двухуровневой модели на других автопереводческих текстах писателя, прежде всего на основе текста «Другие берега», где контакт двух языков обнажён ещё резче, согласно предварительным наблюдениям.

Заявление о раскрытии информации. *Для создания данной рукописи не использовались инструменты искусственного интеллекта. Все идеи, анализ и текст являются полностью авторскими.*

Disclosure Statement. *No AI tool was used to generate the content of this manuscript. All ideas, analysis, and writing were entirely my own.*

Список источников / References

1. Бакуменко, О. Н. (2023). Цветообозначения в двуязычном мировидении В. Набокова (на материале оригинального и автопереводного текстов романа «Лолита»). Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература, 20(1), 4—19.
Bakumenko, O. N. (2023). Tsvetooboznacheniya v dvuyazychnom mirovidenii V. Nabokova (na materiale original'nogo i avtoperevodnogo tekstov romana "Lolita"). Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura, 20(1), 4—19. (In Russ.).

2. Зюбина, И. А., Кумпан, Н. А. (2015). Фрагмент речевого поведения билингва В. Набокова и его переводчиков (на материале романа «Лолита»). Известия Южного федерального университета. Филологические науки, (4), 56—64.
Zyubina, I. A., Kumpan, N. A. (2015). Fragment rechevogo povedeniya bilingva V. Nabokova i ego perevodchikov (na materiale romana "Lolita"). Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki, (4), 56—64. (In Russ.).

3. Каракуц-Бородина, Л. А. (2007). Транслингвизм и языковая игра (на материале произведений В. В. Набокова). Вестник Башкирского университета, 12(3), 89—93.
Karakuts-Borodina, L. A. (2007). Translingvizm i yazykovaya igra (na materiale proizvedenii V. V. Nabokova). Vestnik Bashkirskogo universiteta, 12(3), 89—93. (In Russ.).

4. Клушина, Н. И. (2025). Идиостиль в генеративном тексте. Коммуникативные исследования, 12(4), 774—788.

Klushina, N. I. (2025). Idiostil' v generativnom tekste. Kommunikativnye issledovaniya, 12(4), 774—788. (In Russ.).

5. Корниенко, Е. Р. (2019). Идиолект и идиостиль: к вопросу о соотнесении понятий. Филология: научные исследования, (1), 265—271.
Kornienko, E. R. (2019). Idiolekt i idiostil': k voprosu o sootnesenii ponyatii. Filologiya: nauchnye issledovaniya, (1), 265—271. (In Russ.).
6. Кривошлыкова, Л. В., Черняков, Ю. С. (2017). Портрет-описание в авторском переводе писателя-билингва В. Набокова. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 8(2), 249—256.
Krivoshlykova, L. V., Chernyakov, Yu. S. (2017). Portret-opisanie v avtorskom perevode pisatelya-bilingva V. Nabokova. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 8(2), 249—256. (In Russ.).
7. Кузнецов, С. А. (ред.). (2000). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт.
Kuznetsov, S. A. (Ed.). (2000). Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka. St. Petersburg: Norint. (In Russ.).
8. Леденёва, В. В. (2001). Идиостиль (к уточнению понятия). Филологические науки, (5), 36—41.
Ledeneva, V. V. (2001). Idiostil' (k utochneniyu ponyatiya). Filologicheskie nauki, (5), 36—41. (In Russ.).
9. Леденёва, В. В. (2022). Слово в идиолекте Н. С. Лескова: монография (2-е изд., испр. и доп.). М.
Ledeneva, V. V. (2022). Slovo v idiolekte N. S. Leskova: monografiya (2-e izd., ispr. i dop.). Moscow. (In Russ.).
10. Набоков, В. В. (1967). Послесловие к русскому изданию «Лолиты». В: Лолита: роман (с. 358—362). Нью-Йорк: Phaedra.
Nabokov, V. V. (1967). Posleslovie k russkomu izdaniyu "Lolity". V: Lolita: roman (pp. 358—362). New York: Phaedra. (In Russ.).
11. Напцок, М. Р. (2010). Словотворчество как уникальный компонент дискурса В. Набокова. Культурная жизнь Юга России, (4), 86—88.
Naptsok, M. R. (2010). Slovotvorchestvo kak unikal'nyi komponent diskursa V. Nabokova. Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii, (4), 86—88. (In Russ.).
12. Новикова, М. Л. (2005). Остранение как основа образной языковой семантики и структуры художественного текста. М.: Изд-во РУДН.
Novikova, M. L. (2005). Ostranenie kak osnova obraznoi yazykovoi semantiki i struktury khudozhestvennogo teksta. Moscow: RUDN Publ. (In Russ.).
13. Петрова, Н. Е. (2023). О соотношении понятий «идиолект» и «идиостиль». Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, (4(139)), 94—98.

Petrova, N. E. (2023). O sootnoshenii ponyatii "idiolekt" i "idiostil'". Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny, (4(139)), 94—98. (In Russ.).

14. Резунова, И. А. (2016). Автоперевод как средство взаимосвязи и взаимообогащения национальных литератур. Филологические науки. Вопросы теории и практики, (6-1), 183—186.
Rezunova, I. A. (2016). Avtoperevod kak sredstvo vzaimosvyazi i vzaimoobogashcheniya natsional'nykh literatur. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, (6-1), 183—186. (In Russ.).
15. Смирнова, А. И. (2024). Художественная вселенная Чингиза Айтматова: от билингвизма к транскультуре. Полилингвиальность и транскультурные практики, 21(1), 122—133.
Smirnova, A. I. (2024). Khudozhestvennaya vselennaya Chingiza Aitmatova: ot bilingvizma k transkul'ture. Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki, 21(1), 122—133. (In Russ.).
16. Фролов, В. И. (2016). Автоперевод романа В. В. Набокова «Лолита». Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки, (10(749)), 38—49.
Frolov, V. I. (2016). Avtoperevod romana V. V. Nabokova "Lolita". Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki, (10(749)), 38—49. (In Russ.).
17. Чемоданова, С. М. В. (2023). Билингвизм и бикультурность писателя в мифопоэтическом творчестве Николая Котара. Полилингвиальность и транскультурные практики, 20(3), 515—523.
Chemodanova, S. M. V. (2023). Bilingvizm i bikul'turnost' pisatelya v mifopoeticheskom tvorchestve Nikolaya Kotara. Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki, 20(3), 515—523. (In Russ.).
18. Шкловский, В. Б. (1919). Искусство как приём. В: Поэтика: сборники по теории поэтического языка (с. 101—114). Пг.
Shklovskii, V. B. (1919). Iskusstvo kak priem. V: Poetika: sborniki po teorii poeticheskogo yazyka (pp. 101—114). Petrograd. (In Russ.).
19. Grutman, R. (2009). Self-translation. In: M. Baker, G. Saldanha (Eds.), Routledge Encyclopedia of Translation Studies (2nd ed., pp. 257—260). London; New York: Routledge.
20. Hokenson, J. W., Munson, M. (2007). The Bilingual Text: History and Theory of Literary Self-Translation. Manchester: St. Jerome Publishing.

Информация об авторах

Мария Владимировна Логина, старший преподаватель, кафедра английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8722-0078, e-mail: mvlogina@fa.ru

Information about the authors

Maria V. Logina, Senior Lecturer, Department of English Language and Professional Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8722-0078, e-mail: mvlogina@fa.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 23.06.2026
Поступила после рецензирования 28.08.2026
Принята к публикации 10.09.2026
Опубликована 30.09.2026

Received 2026.06.23
Revised 2026.08.28
Accepted 2026.09.10
Published 2026.09.30

Язык и текст
2026. *13*(3), 42–51.
https://doi.org/10.17759/langt.2026130304
ISSN 2312-2757 (online)

Language and Text
2026. *13*(3), 42–51.
https://doi.org/10.17759/langt.2026130304
ISSN 2312-2757 (online)

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

Способы выражения субъекта-подлежащего в эргативных языках (на примере рутульского языка)

С.М. Махмудова✉
Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация
✉ rutulsveta@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Синтаксис дагестанских языков остается лакуной, не подчиняющейся канонам принятой синтаксической теории. Синтаксическая теория языков эргативной теории диктует свои законы, которые должны лечь в основу новой, коммуникативной, теории. **Цель.** Определить основания для выделения основных, главных, членов предложения, которые ни по семантике, ни по грамматическим особенностям не похожи на подлежащее и сказуемое языков номинативной типологии. **Гипотеза.** В эргативном рутульском языке нет подлежащего в принятом в синтаксисе значении, здесь роль подлежащего выполняет семантический субъект, который мы определяем по его роли в предложении как субъект-подлежащее. **Методы и материалы.** При подготовке материала был использован дескриптивный метод, типологический метод, антропоцентрический метод. **Результаты.** Результатом данного исследования является вывод о том, что при анализе такого важного составляющего синтаксиса как подлежащее следует привлечь материал не только синтаксических, но и семантических особенностей для выявления главного члена предложения эргативных языков. **Выводы.** В эргативном рутульском языке роль подлежащего выполняет субъект в нескольких падежах, в связи с чем в теорию синтаксиса эргативных языков следует ввести термин *субъект-подлежащее*.

Ключевые слова: подлежащее, субъект, теоретические основы выделения подлежащего, рутульский язык, субъект-подлежащее

Для цитирования: Махмудова, С.М. (2026). Способы выражения субъекта-подлежащего в эргативных языках (на примере рутульского языка). *Язык и текст, 13*(3), 42—51. https://doi.org/10.17759/langt.2026130304

© Махмудова С.М., 2026

CC-BY-NC

Ways of expressing the subject argument in ergative languages (based on the Rutul language)

S.M. Mahmudova✉
Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation
✉ rutulsveta@mail.ru

Abstract

Context and relevance. The syntax of Dagestani languages remains a lacuna, not conforming to the canons of the accepted syntactic theory. The syntactic theory of ergative languages dictates its own laws, which should form the basis of a new, communicative theory. **Objective.** To determine the grounds for distinguishing the main, principal parts of a sentence that, neither in terms of semantics nor in terms of grammatical features, resemble the subject and predicate in languages of the nominative typology. **Hypothesis.** In the ergative Rutul language, there is no subject in the sense commonly used in syntax; here, the role of the subject is performed by a semantic subject, which we define by its role in the sentence as the subject argument. **Methods and materials.** In preparing the material, a descriptive method, a typological method, and an anthropocentric method were used. **Results.** The result of this study is the conclusion that when analyzing such an important component of syntax as the subject, it is necessary to draw on material not only from syntactic but also from semantic features in order to identify the main constituent of the sentence in ergative languages. **Conclusions.** In the ergative Rutul language, the subject performs the role of the subject in several cases, which is why the term “subject argument” should be introduced into the theory of syntax of ergative languages.

Keywords: subject, agent, theoretical foundations of subject identification, Rutul language, subject argument

For citation: Mahmudova, S.M. (2026). Ways of expressing the subject argument in ergative languages (based on the Rutul language). *Language and Text*, *13*(3), 42—51. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/langt.2026130304

«Между языком и реальным миром стоит человек или мышление, поскольку слово отражает не сам предмет реальности, а то его видение, которое навязано носителю языка имеющимся в его сознании представлением, понятием об этом предмете. … Путь от реального мира к понятию и далее к словесному выражению различен у разных народов…», - отмечает С.Г. Тер-Минасова, замечая далее: «…язык отражает действительность не прямо, а от реального мира к мышлению и от мышления к языку» (Тер-Минасова, 2000, с. 102].

Для эргативных языков особенно важной представляется теория Л. Теньера о валентности глагола, семантические особенности которого предопределяют саму структуру предложения (Теньер, 1988). Е.В. Падучева, развивая идеи Л. Теньера, пишет, что «У каждой лексемы имеется набор семантических валентностей…» (Падучева, 2007, с. 220). Глагол в эргативных

языках четко подразделяется на лексико-семантические группы, распределенные в соответствии со своей валентностью (Махмудова, 2013, с. 6-14).

Так, лексико-семантическая **группа фактитивных (интранзитивных) глаголов**, к которым относятся все глаголы с семантикой пассивного в волевом отношении действия субъекта (пациенса) даже если это активное в физическом отношении действие (типа *йыкьас* «прийти», *хъуIгъуIс* «уйти», *сукьус* «сидеть», *лукас* «лежать, отдыхать», *йахас* «бежать» и т.д.), диктует постановку субъекта-подлежащего в абсолютивном падеже:

Хыных *йахыри* *нинды* *джыбра*
мальчик-абс.п. бежать-прош.вр. мать-притяж.ф. хвост-ин-эсс.
Мальчик побежал за матерью.

Тыла *хъибхьури* *гытирыхда*
собака-абс.п. погнаться-прош.вр. кошка-ад-эсс.
Собака погналась за кошкой.

Лексико-семантическая группа агентивных (транзитивных) глаголов диктует субъекту-агенсу форму эргативного падежа, обозначая семантику активного, волевого действия, даже если физически это пассивное действие, например:

Рыш-е-ре *тылыйаа* *къат* *сыхыIри*
девочка-эрг.п. собака-супер-эсс. камень-абс.п. бросить-прош.вр.
Девочка кинула камень в собаку.

Рыш-е-ре *гвалах* *ваъара а*
девочка-эрг.п. работа – абс.п. делать-наст.вр.
Девочка работает.

Рыш-е-ре *фикир* *ваъара а*
девочка-эрг.п. дума – абс.п. делать-наст.вр.
Девочка думает.

Лексико-семантическая группа аффективных глаголов определяет субъект (экспериенцер) в дативном падеже, передавая при этом физические ощущения, деятельность органов чувств и сознания субъекта:

Рыш-е-с *гичIре а*
девочка – дат.п. бояться-наст.вр.
Девочка боится.

Рыш-е-с *нин* *хъыргара*
девочка – дат.п. мать-абс.п. любить-наст.вр.
Девочка любит мать.

Рыш-е-с *сарха-с* *йигара* *йиши-ри*

девочка – дат.п. спать-инф. хотеть стать-наст.вр.

Девочка захотела спать.

В эргативном рутульском языке зарегистрирована объемная **группа глаголов непроизвольного, не контролируемого действия**, которая образует конструкцию, где субъект определяется в форме пост-аблативного падежа:

Рыш-е-хълаа *лал* *хъшибхьу-ри*

девочка-пост-абл. крик-абс.п. вырваться-прош.вр.

Девочка закричала, у девочки вырвался крик.

Хынхы-хълаа *гичIинире* *зур* *хъшидхьу-ри*

мальчик- пост-абл. от страха моча вырваться-прош.вр.

Мальчик от страха описался.

Случайное, непреднамеренное действие в рутульском языке передается **группой глаголов непреднамеренного действия**, требующих постановки субъекта в ад-аблативе:

Рыш-е-даа *гыр* *йахы-ри*

девочка-ад-абл. тарелка-абс.п. разбиться-прош.вр.

Девочка разбила (случайно, непреднамеренно) тарелку.

Тылы-е-даа *джуьджуьй аа гебгы-ри*

собака-ад-абл. цыпленок-абс.п. вниз остаться-прош.вр.

Собака (случайно) задавила цыпленка.

Гыт-и-р-даа *шарак хшибхьу-ри*

кошка-ад-абл. котенок-абс.п. уронить-прош.вр.

Кошка (случайно) уронила котенка.

Пост-эссивная форма субъекта передает **семантику постоянного обладания**:

Рыш-а-хда *йыхды* *китаб* *а*

девочка-пост-эсс. хороший книга-абс.п. иметься-наст.вр.

У девочки есть хорошая книга (собственная).

За-хда *шигьибыр а*

я-пост-эсс. деньги-мн.ч., абс.п. иметься- наст.вр.

У меня есть деньги (много, большие сбережения).

Ад-эссивная форма субъекта передает **семантику временного обладания**:

Рыш-е-де *йыхды* *китаб* *ха*

девочка-ад-эсс. хороший книга-абс.п. иметься-наст.вр.

У девочки есть хорошая книга (не ее, чужая, временно).

За-да *шигьи-быр ха*

я-ад-эсс. деньги-мн.ч., абс.п. иметься-наст.вр.

У меня есть деньги (немного, для насущных трат).

Субъект, поставленный глаголом в форму супер-эссива, приобретает **семантику подвергающегося чему-то роковому, неизбежному**, от него не зависящему:

ДаIгьви-е-д гедеэне ***илсан-а-ш-ыы*** *бала*

война-прит.ф. во время люди-супер-эсс. много

йыгъ-выш йидкьы-ри

день-ночь-абс.п. прийти-прош.вр.

Во время войны люди испытывали много лишений.

Рыш-аа *мыс-га завал гъа*

девочка-супер-эсс. всегда мучение-абс.п. иметься-наст.вр.

хъивилхьва-л дадал-а-д хыл-яа

нападающий-прич. петух-прит.ф. рука-ин-абл.

Девочка мучилась, боясь всегда нападающего петуха.

Таким образом, глагол в рутульском языке является главным актантом конструкции, определяющим падеж субъекта и объекта, содержащимся в глагольной валентности. Может сложиться при этом впечатление, что глагол-сказуемое является самым главным актантом синтаксической конструкции в эргативных языках, диктующим субъекту-подлежащему форму и значение. Однако исследователи кавказских языков отмечают способность субъекта-подлежащего абсолютивной конструкции определять такие свои грамматические признаки, как класс и число, в форме глагола-сказуемого. Это отмечалось уже А.А. Бокаревым еще в одном из первых работ, посвященных синтаксису аварского языка, где он пишет: Согласование сказуемого с подлежащим в классе и числе является в аварском языке, по существу, единственным способом выразить наглядным образом их связь» (Бокарев, 1949, с. 18).

Сравните в рутульском языке:

Эдеми ***й****-ахыри* «Мужчина побежал» (мужской класс)

Хьыдылды ***р****-ахыри* «Женщина побежала» (женский класс)

Си ***в****-ахыри* «Медведь побежал» (класс животных)

Илсан-ар ***д****-ахыри* «Люди побежали» (мн.ч. людей)

Мал-быр ***й****-ахыри* «Животные побежали» (мн.ч. не-людей)

В случае наличия в предложении прямого дополнения (объекта) глагол-сказуемое отражает уже его грамматические признаки класса и числа, не обращая внимания на класс и число субъекта-подлежащего:

*Эдемиере/хьыдынийе/сирире гъыIр хы-****в****-кьыри*

Мужчина/женщина/медведь схватил(а) зайца.

*Эдемиере/хьыдынийе/сирире рыш ха-****р****-кьыри*

Мужчина/женщина/медведь схватил(а) девочку.

Эдемиере/хьыдынийе/сирире гада ха-кьыри

Мужчина/женщина/медведь схватил(а) мальчика.

*Эдемиере/хьыдынийе/сирире хынимер ха-**д**-кьыри*

Мужчина/женщина/медведь схватил(а) детей.

Эдемиере/хьыдынийе/сирире йиванар ха-кьыри

Мужчина/женщина/медведь схватил(а) лошадей.

Как видим, здесь класс и число объекта отражаются в глаголе-сказуемом.

К.И. Казенин в работе «Синтаксис современного лакского языка» пишет, что при непереходных глаголах подлежащее всегда оформляется именительным падежом, а при переходных – эргативным, дативным и именительным в случае с двумя именами в именительном падеже (Казенин, 2013, с. 55-56). Следует заметить, что дативный падеж субъекта определяется аффективными глаголами (или глаголами чувствования, как обозначается данная группа в некоторых работах).

Е.В. Падучева отмечает такие свойства подлежащего, как «выражается немаркированным падежом» и «является темой предложения» (Падучева, 2007, с. 221-222). Как демонстрирует приведенный материал, данные положения создают противоречие в рутульском синтаксисе: субъект-подлежащее здесь выражается не только немаркированным падежом, но и несколькими маркированными, и все субъекты во всех приведенных падежах являются темой предложения. Тем не менее, следует отметить весьма удачное определение подлежащего, предложенное Е.В. Падучевой, - то определение подлежащего, которое предлагается в школьных учебниках – Подлежащее – это то, о чем говорится в предложении – не объясняет сути данного главного члена предложения. Например, в предложении *Израиль бомбит Иран крылатыми ракетами* мы не сможем точно указать, о чем говорится в предложении, потому что говорится и об Израиле, и об Иране, и о крылатых ракетах. Тема же данного предложения здесь – Израиль, и это и есть подлежащее.

Темой всех приведенных предложений является субъект, производящий действие, активно или пассивно, случайно или преднамеренно, непроизвольно или испытывающий его своими органами чувств.

«Человек…центральная фигура языка и как лицо говорящее и как главное действующее лицо мира, о котором он говорит», - пишет Г.А. Золотова (Золотова, 2007, с. 3).

Таким образом, субъект является для рутульского синтаксиса понятием как логическим, так и синтаксическим, - субъект является главным членом синтаксических конструкций, что, на наш взгляд, позволяет определить его как **субъект-подлежащее**.

Еще одна интересная особенность субъекта-подлежащего в рутульском языке – способность перейти из основной части предложения в состав деепричастного оборота:

Хиибхьур **гъуругъуй** хынхыдаа,
Уронить-деепр. баночка-абс.п. мальчик-ад-абл.
сикIикIийед джыбрыы сывхыIри
лиса-притяж. хвост-супер-эсс. упасть-прош.р.
Мальчик выронил баночку, и она упала на хвост лисы.

ХъаджрацIы-р **гадийе-с** рыш,

узнать-деепр. парень-дат.п. девушка-абс.п.
тиниъка йыхьы-р субкьу-ра.
подальше отойти-прош.вр. сесть-наст.вр.
Не узнав девушку, парень отошел и сел подальше.

Лешу-р **рыше-ре** джу-ды хыных,
взять-деепр. девушка-эрг.п. свой-притяж. ребенок-абс.п. паIгьчагьа-хда руръу-ра.
царь-пост-эсс идти-наст.в.
Берет девушка своего ребенка и идет к царю.

Гахъджагур **минийс** дух, едере руъура.
увидеть-отриц.-деепр. она-дат.п. сын-абс.п. болеть стать-наст.в.
Не увидев больше сына, она заболела.

Рыхьы-р **рыш,** былаха-да сарырха-ра.
Идти-деепр. девушка-абс.п. родник-ад-эсс. спать-наст.в.
Идет девушка и засыпает у родника.

Как показывают примеры, субъект-подлежащее рутульского языка может пересечь границы клауз и оказаться в составе деепричастного оборота, не замещаясь даже местоимением. Это, на наш взгляд, является дополнительным доказательством того, что субъект в эргативных языках и следует считать подлежащим, так как ни один другой член предложения не может полностью перейти в деепричастный оборот, сохраняя при этом семантику исполнителя действия, темы предложения.

Существующая синтаксическая теория оказывается недостаточной при приложении ее к эргативным дагестанским языкам, семантическим по своей сути.

А.А. Бокарев на материале аварского синтаксиса сделал вывод: «…Если в русском, например, языке именительный падеж как форма подлежащего, как правило, не может быть противопоставлен другим формам подлежащего и не может быть поэтому показателем особого типа предложений, то в аварском языке, наоборот, употребление именительного падежа в субъектном смысле само по себе является отличительным признаком типа предложений с непереходным сказуемым по сравнению с другими типами предложений, поскольку в последних **подлежащее оформляется с помощью других падежей»** (выделение наше – С.М.) (Бокарев, 1949, с. 21). Тем не менее проблема способов выражения подлежащего в эргативных языках продолжает интересовать исследователей. Так, некоторые исследователи признают в качестве подлежащего именительный, эргативный и дативный падеж (см., например, Казенин, 2013, с. 55-56), другие только именительный падеж, третьи вовсе отрицают наличие подлежащего в традиционном понимании.

«В лакском (языке – С.М.) под понятием «подлежащего» объединены члены предложения, отличающиеся друг от друга по важнейшим свойствам. Поэтому сам термин «подлежащее» в лакском носит условный характер», - пишет К.И. Казенин.

В этой связи особую актуальность для языков эргативной типологии приобретают слова Г.А. Золотовой о том, что: «Становится все более очевидным, насколько значительны перспективы поворота к семантике для синтаксиса. …Осмысление роли семантики становится для синтаксиса открытием, которое должно содействовать усовершенствованию синтаксической теории, освобождению ее от противоречий логицизма и морфологизма» (Золотова, 2007, с. 16).

Список источников / References

1. Ахманова, О.С. (2003). Современные синтаксические теории. М.
   Akhmanova, O.S. (2003). Sovremennye sintaksicheskie teorii. Moscow. (In Russ.).
2. Бокарев, А.А. (1949). Синтаксис аварского языка. М.-Л. С. 15—16.
   Bokarev, A.A. (1949). Sintaksis avarskogo yazyka. Moscow-Leningrad. pp. 15—16. (In Russ.).
3. Золотова, Г.А. (2006). О возможностях грамматической науки. Вопросы языкознания, (3).
   Zolotova, G.A. (2006). O vozmozhnostyakh grammaticheskoi nauki. Voprosy yazykoznaniya, (3). (In Russ.).
4. Золотова, Г.А. (2006, 2007). Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Комкнига.
   Zolotova, G.A. (2006, 2007). Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa. Moscow: Komkniga. (In Russ.).
5. Казенин, К.И. (2013). Синтаксис современного лакского языка. Махачкала: Алеф.
   Kazenin, K.I. (2013). Sintaksis sovremennogo lakskogo yazyka. Makhachkala: Alef. (In Russ.).
6. Кибрик, А.Е. (1999). Элементы грамматики цахурского языка в типологическом освещении. М.
   Kibrik, A.E. (1999). Elementy grammatiki tsakhurskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii. Moscow. (In Russ.).
7. Кибрик, А.Е. (2001). Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языке). М.
   Kibrik, A.E. (2001). Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniya (universal'noe, tipovoe i spetsificheskoe v yazyke). Moscow. (In Russ.).
8. Киселева, Е.Н. (б.г.). Подлежащее в аспекте эволюции синтаксиса.
   Kiseleva, E.N. (n.d.). Podlezhashchee v aspekte evolyutsii sintaksisa. (In Russ.).
9. Лютикова, Е.А. (1999). Без подлежащих и дополнений: рефлексивизация в багвалинском языке. В: Типология и теория языка. От описания к объяснению (с. 302—318). М.
   Lyutikova, E.A. (1999). Bez podlezhashchikh i dopolnenii: refleksivizatsiya v bagvalinskom yazyke. In: Tipologiya i teoriya yazyka. Ot opisaniya k ob"yasneniyu (pp. 302—318). Moscow. (In Russ.).

10. Махмудова, С.М. (1996). Способы выражения субъектно-объектных отношений в рутульском языке: Автореф. дис. … канд. филол. н. Махачкала.
Makhmudova, S.M. (1996). Sposoby vyrazheniya subyektno-obyektnykh otnoshenii v rutul'skom yazyke: Avtoref. dis. … kand. filol. n. Makhachkala. (In Russ.).

11. Махмудова, С.М. (2001). Морфология рутульского языка. М.
Makhmudova, S.M. (2001). Morfologiya rutul'skogo yazyka. Moscow. (In Russ.).

12. Махмудова, С.М. (2012). Закон экономии подлежащего в нарративном дискурсе. Вестник Дагестанского государственного университета, (3), 18—20.
Makhmudova, S.M. (2012). Zakon ekonomii podlezhashchego v narrativnom diskurse. Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta, (3), 18—20. (In Russ.).

13. Махмудова, С.М. (2013). Грамматика рутульского языка. Ч. 2. Махачкала.
Makhmudova, S.M. (2013). Grammatika rutul'skogo yazyka. Ch. 2. Makhachkala. (In Russ.).

14. Падучева, Е.В. (2007). О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: Комкнига.
Paducheva, E.V. (2007). O semantike sintaksisa. Materialy k transformatsionnoi grammatike russkogo yazyka. Moscow: Komkniga. (In Russ.).

15. Теньер, Л. (1988). Основы структурного синтаксиса. Пер. с франц. М.: Прогресс.
Tesnière, L. (1988). Fundamentals of structural syntax. Trans. from French. Moscow: Progress. (In Russ.).

16. Тестелец, Я.Г. (2001). Общий синтаксис. М.
Testelets, Ya.G. (2001). Obshchii sintaksis. Moscow. (In Russ.).

17. Толдова, С.Ю. (1999). Местоименные средства поддержания референции. В: А.Е. Кибрик (ред.), Элементы грамматики цахурского языка в типологическом освещении (с. 629—674). М.
Toldova, S.Yu. (1999). Mestoimennye sredstva podderzhaniya referentsii. In: A.E. Kibrik (ed.), Elementy grammatiki tsakhurskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii (pp. 629—674). Moscow. (In Russ.).

18. Ли, Ч., Томпсон, С. (1982). Подлежащее и топик: новая типология языков подлежащего. В: Е.Н. Саввина (пер.), Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI: Современные синтаксические теории в американской лингвистике (с. 193—235). М.: Прогресс.
Li, C., Thompson, S. (1982). Subject and topic: A new typology of subject languages. In: E.N. Savvina (trans.), Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XI: Sovremennye sintaksicheskie teorii v amerikanskoi lingvistike (pp. 193—235). Moscow: Progress. (In Russ.).

19. Keenan, E.L. (1976). Towards a universal definition of subject. In: C.N. Li (ed.), Subject and Topic (pp. 303—333). N.Y.: Academic Press.

20. Reinhart, T., Reuland, E. (1991). Anaphors and logophors: An argument structure perspective. In: Long distance anaphora (pp. 283—321). Cambridge: Cambridge University Press.

Информация об авторе

Светлана Мусаевна Махмудова, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода и коммуникации, Институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет (ФГБОУ ВО МПГУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0220-6216, e-mail: rutulsveta@mail.ru

Information about the author

Svetlana M. Mahmudova, Doctor of Science (Philology), Professor, Department of Theory and Practice of Translation and Communication, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0220-6216, e-mail: rutulsveta@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 01.08.2026
Поступила после рецензирования 28.08.2026
Принята к публикации 10.09.2026
Опубликована 30.09.2026

Received 2026.08.01
Revised 2026.08.28
Accepted 2026.09.10
Published 2026.09.30

Язык и текст
2026. *13*(3), 52–67.
https://doi.org/10.17759/langt.2026130305
ISSN 2312-2757 (online)

Language and Text
2026. *13*(3), 52–67.
https://doi.org/10.17759/langt.2026130305
ISSN 2312-2757 (online)

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ | WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

Научная статья | Original paper

Смысловая роль цитат из «Лествицы» прп. Иоанна Синайского в духовных письмах монашествующим прп. Амвросия Оптинского. Тема духовной брани

Л.Г. Дорофеева✉
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Российская Федерация
✉ lgdorofeeva@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Эпистолярное наследие старцев Оптиной Пустыни весьма значительно и при этом мало изучено. Вопрос о влиянии святоотеческих текстов на духовные письма старцев является открытым. В статье рассматриваются цитаты из «Лествицы» в письмах монашествующим прп. Амвросия Оптинского, который участвовал в переводе этой книги на «полуславянский» и русский языки и в ее издании 1862 года. Количество цитирований из «Лествицы» в письмах монашествующим значительно превышает таковые из творений других святых отцов, что говорит об их особой значимости. **Цель.** Выявить смысловую функцию цитат из «Лествицы» в письмах монашествующим прп. Амвросия Оптинского. Гипотеза. Цитаты из «Лествицы» в письмах прп. Амвросия монашествующим лицам выполняют аскетическую функцию, используются старцем для практического руководства духовной жизнью адресатов. **Методы и материалы.** Основными в статье являются методы текстологический, сопоставительный, герменевтический. Анализируются письма монашествующим прп. Амвросия Оптинского, впервые опубликованные в 1908 – 1909 годах (издание 2012 г.), и «Лествица» прп. Иоанна Синайского в оптинском переводе на «полуславянский» и русский языки 1862 г. **Результаты.** Из 47 писем, цитирующих «Лествицу», в 32 письмах основной является тема «духовной брани», объединяющей в себе мотивы страстей (гордыни, тщеславия, чревоугодия, блудной страсти, и др.) и добродетелей (послушания, смирения, терпения, слез, и др.). Главными являются мотивы, связанные с противостоянием монаха злым духам. Это мотивы искушений, борьбы с помыслами, «прелести», молитвенного делания (часто – Иисусовой молитвы). Формы цитирования свидетельствуют о свободном отношении старца к тексту прп. Иоанна Синайского, о его установке на передачу смысла. Большинство цитат приводится в непрямой форме, часто дается только отсылка

© Дорофеева Л.Г., 2026

CC-BY-NC

к самому творению, встречается «приписывание» слов прп. Иоанну Синайскому, при этом передается мысль, идея, нужная старцу для назидания или оказания помощи в решении духовной проблемы адресата. **Выводы.** Главной целью старца является руководство монахинями в их духовной борьбе со страстями и невидимыми «духами злобы», что определяет тематику писем, которая носит аскетический характер, и смысловую функцию цитат из «Лествицы». Специфика цитирования определяется соотношением «своего» и «чужого» слова, свойственного соборному сознанию святых отцов, что объясняет и особый характер диалогизма, который можно определить как *согласие*, или *синергию голосов*, равноправных в отношении к Истине.

Ключевые слова: «Лествица», прп. Иоанн Синайский, прп. Амвросий Оптинский, духовные письма, цитата, монашество, аскетика, «духовная брань», смысловой анализ

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-18-00005-П, https://rscf.ru/project/22-18-00005/.

Для цитирования: Дорофеева, Л.Г. (2026). Смысловая роль цитат из «Лествицы» прп. Иоанна Синайского в духовных письмах монашествующим прп. Амвросия Оптинского. Тема духовной брани. *Язык и текст, 13*(3), 52—67. https://doi.org/10.17759/langt.2026130305

The semantic role of quotations from “The Ladder” of St. John of Sinai in the spiritual letters to monastics of St. Ambrose of Optina. The theme of spiritual warfare

L.G. Dorofeeva✉
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
✉ lgdorofeeva@mail.ru

Abstract

Context and relevance. The epistolary legacy of the Optina Pustyn elders is substantial yet remains understudied. The question of the influence of patristic texts on the elders' spiritual letters remains open. This article examines quotations from The Ladder in letters to monastics by St. Ambrose of Optina, who participated in the translation of this book into "semi-Slavic" and Russian, as well as its 1862 publication. The number of quotations from The Ladder in the letters to monastics significantly exceeds those from the works of other holy fathers, indicating their particular significance. **Objective.** To identify the semantic function of quotations from “The Ladder” in the letters to monastics written by St. Ambrose of Optina. **Hypothesis.** Quotations from “The Ladder” in the letters of Venerable Ambrose to monastics serve an ascetic function; the Elder employs them to provide practical guidance for the

spiritual lives of the recipients. **Methods and materials.** The article primarily employs textological, comparative, and hermeneutic methods. It analyzes the letters of St. Ambrose of Optina addressed to monastics—originally published in 1908–1909 (2012 edition)—and the “Ladder of Divine Ascent” by St. John of Sinai in the 1862 Optina translation into "semi-Slavonic" and Russian. **Results.** Of the 47 letters quoting The Ladder, 32 focus on the theme of "spiritual warfare," which combines motifs of passions (pride, vanity, gluttony, lust, etc.) and virtues (obedience, humility, patience, tears, etc.). The main motifs are those related to the monk's confrontation with evil spirits. These motifs include temptations, the struggle with thoughts, "delusion," and prayer (often the Jesus Prayer). The method and forms of quotation testify to the elder's free approach to the text of St. John of Sinai, his focus on conveying meaning. Most quotations are given indirectly, often only a reference to the text itself is given; words are sometimes "attributed" to St. John of Sinai, conveying a thought or idea needed by the elder for edification or assistance in resolving the addressee's spiritual problem. **Conclusions.** The elder's primary goal is to guide and assist his addressees—the nuns—in their spiritual struggle with passions and invisible "spirits of evil," which determines the ascetic nature of the letters, and the semantic function of quotations from “The Ladder”. The specific nature of quotation is determined by the relationship between "one's own" and "other's" words, characteristic of the collective consciousness of the Holy Fathers. This explains the special nature of dialogism, which can be defined as a consensus or synergy of voices equal in their relationship to Truth.

Keywords: "The Ladder", St. John of Sinai, St. Ambrose of Optina, spiritual letters, quote, monasticism, asceticism, "spiritual warfare", semantic analysis

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number 22-18-00005-П, https://rscf.ru/en/project/22-18-00005/.

For citation: Dorofeeva, L.G. (2026). The semantic role of quotations from “The Ladder” of St. John of Sinai in the spiritual letters to monastics of St. Ambrose of Optina. The theme of spiritual warfare. *Language and Text, 13*(3), 52—67. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/langt.2026130305

Творение «Лествица» прп. Иоанна Синайского, известное на Руси с XII века, получило широкое распространение в средние века в монашеской среде, о чем говорит значительное количество рукописей, сохранившихся в монастырских библиотеках и дошедших до нас (см.: Попова, 2016).

В XIX веке интерес к «Лествице» вышел за пределы монастырей, чему во многом способствовала переводческая деятельность в Оптиной Пустыни старца Макария Оптинского (Иванова), а также его ученика и сподвижника прп. Амвросия Оптинского (Гренкова), после смерти своего учителя, подготовившего к изданию «Лествицу» на так называемом «полуславянском» языке (Лествица, 1862), и в том же году на русском языке (известном как

Оптинский перевод 1862 г.)[1] (см.: Каширина, 2018; Попова, 2024, с. 279–292). Естественно предположить, что «Лествица» нашла отражение в эпистолярном наследии прп. Амвросия Оптинского. Но в Оптиной Пустыни переводили и других святых отцов и хорошо знали святоотеческую литературу. Сравнение количества обращений к «Лествице» и к другим святоотеческим творениям в письмах прп. Амвросия Оптинского показало явное преимущество в цитировании «Лествицы». Из опубликованных 432 писем к монашествующим в 47 письмах приводится 67 упоминаний «Лествицы» или имени святого Иоанна Лествичника в разных формах – прямого или непрямого цитирования, отсылок к самой книге. Для сравнения укажем: не менее известный труд прп. аввы Дорофея «Душеполезные поучения» упоминается 18 раз, «Добротолюбие» – 31, прп. Исаак Сирин – 36, свт. Василий Великий – 5 раз.

Как очевидно, «Лествица» по сравнению с другими творениями святых отцов, занимает в письмах прп. Амвросия особое место, что ставит вопрос о роли этого творения в эпистолярном наследии оптинского старца.

Обратимся к письмам монашествующим[2] прп. Амвросия, включающим цитаты из творений святых отцов, чей опыт он передавал своим ученикам, в том числе и в духовных посланиях. По слову В.В. Кашириной, «переписка со своими учениками воспринималась оптинскими старцами как часть пастырского служения» (Каширина, 2007а, с. 102)). Некоторые из писем публиковались с ведома старца и по его согласию еще при его жизни; впоследствии сложилась история изданий писем оптинских старцев, продолжающаяся и по сей день. Укажем на электронную публикацию неизданных ранее писем прп. Амвросия, осуществлённую С.О. Захарченко, см.: (Эпистолярное наследие). Назвать изученными духовные письма прп. Амвросия и других оптинских старцев нельзя, что отмечала В.В. Каширина (см.: Каширина, 2007а, с. 102).

Духовные письма являются особым жанром эпистолярной литературы, активное изучение которого началось на рубеже XX – XXI века и ведется сейчас[3], см.: (Смолина, 2016, с. 2023; Каширина, 2007б, 2013; Шкуропацкая; Захарченко). Относимые к так называемым *частным*, они отражают личные отношения пишущего с адресатом, при этом личное становится универсальным, обращенным к любому христианину. Жанровая природа духовных писем определяется особым характером взаимоотношений автора письма – духовного отца/учителя/наставника – с адресатом, часто его духовным чадом/учеником, либо человеком, ищущим духовной помощи, на что указывает А.Н. Смолина, говоря о специфике речевого жанра духовного письма, см.: (Смолина, 2016, с. 385). Об отношениях старца и его ученика

[1] Сопоставление цитат из писем старца с книгой «Лествица» в оптинском переводе на русский язык 1862 г. мы проводим по ее репринтному изданию Свято-Троицкой Сергиевой Лавры 1898 г. (Лествица, 1994). Ссылки далее приводятся рядом с цитатой в тексте статьи в круглых скобках, с указанием номера «Слова» и стиха.

[2] Анализ писем проводится по изданию, объединившему опубликованные в 1908–1909 годах два выпуска «Собрания писем Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к монашествующим» с указанием нумерации и названия писем. См.: (Собрание писем Оптинского старца Амвросия, 2012). Далее в тексте ссылки приводятся по этому изданию в круглых скобках рядом с цитатой.

[3] Заметим, что жанр духовных посланий древнерусского периода, типологически близкий духовному письму XIX – XX вв., исследовался, см.: (Понырко, 1992; Антонова, 2011; Демин, 1964, и др.).

как о духовном таинстве пишет И.М. Концевич: «отношение старца к ученику именуется в аскетике духовным таинством, оно находится под водительством Духа Святаго» (Концевич, 2009, с. 257). Разрабатывая «жанровый портрет духовного письма», А.Н. Смолина указывает на ключевую его особенность – «православно-исихастскую идейность» (Смолина, 2023, с. 10). Об Оптиной Пустыни как «очаге исихастской традиции» (Хоружий, 2000, с. 227) пишет С.С. Хоружий, указывая на деятельность оптинских подвижников в области переводов святоотеческой литературы и, главное, на их старческое служение. Именно со *старчеством,* «очагом» которого в XIX в. была Оптина пустынь, ученый связывает «русское Исихастское возрождение» (Хоружий, 2000, с. 230), которое касалось не только традиционной для монашества духовной связи старца (наставника) и монаха (послушника), но преобразовалось «в институт духовного руководства…» (Хоружий, 2000, с. 231), что нашло свое выражение в духовных письмах старцев.

Помня о специфике этого жанра, обратимся к анализу смысловой роли цитаты из «Лествицы» в посланиях монашествующим[4] прп. Амвросия Оптинского, а также рассмотрим особенности его отношения к тексту «Лествицы», характер цитирования, отражающий специфику восприятия *чужого* слова как *своего*, что обусловлено нахождением всех участников коммуникации (автора письма, адресата и автора цитаты) внутри Церковного Предания. Важно помнить о том, что прп. Иоанн Лествичник и прп. Амвросий Оптинский создают свои тексты, решая конкретные задачи духовного руководства и исходя из личного аскетического опыта.

Отметим особенность употребления цитат из «Лествицы» в письмах оптинского старца, предпочитавшего *непрямое цитирование*. Из общего количества упоминаний «Лествицы» (67) мы обнаружили 40 случаев непрямого цитирования; 8 отсылок к книге «Лествица» с указанием конкретной степени («Слова») и стиха; 7 цитат *почти* дословных, с минимальными изменениями, касающимися лексики; 9 прямых цитат, из которых 4 даны по «полуславянскому» переводу 1862 г., 5 – по русскому переводу «Лествицы» того же года. Что касается случаев «почти» дословного цитирования (по отношению к изданиям 1962 г.), мы не исключаем возможного обращения прп. Амвросия к другим переводам «Лествицы», которые были на тот момент в Оптиной пустыни. Важно отметить тот факт, что лексические несовпадения в цитатах такого рода никак не влияют на смысл приводимой цитаты[5].

Специфика содержания посланий старца определяется тем, что все темы и мотивы подчиняются главной цели духовного письма к монашествующим – руководства в их монашеском делании, суть которого заключается в ведении ими *духовной борьбы (брани)* со своими грехами и духами зла.

Письма структурируются по тематической доминанте. Из общего количества посланий к монашествующим (47), мы выделили 5 писем с *темой послушания*, 5 писем с *темой монашества (пострига)*, 4 письма с *темой болезней и скорбей*, 1 письмо по *теме духовного руководства* (из раздела книги «Слово пастырю»). Оставшиеся 32 письма можно отнести к

[4] Анализ духовных писем прп. Амвросия Оптинского мирянам см.: (Дорофеева, 2025, 2026)

[5] Мы не ставим перед собой текстологической задачи – выявления возможных иных версий перевода «Лествицы», используемых прп. Амвросием для цитирования.

теме духовной брани или *борьбы*, которая, как мы отметили выше, является главной в письмах монашествующим. Письма с этой темой тоже можно структурировать уже по тематике страстей, с которыми ведет монашествующий борьбу (уныния, чревоугодия, тщеславия, самочиния, гордости, плотской брани, и т.д.). Конечно, такое деление относительно. Так, например, трудно выделить письма с главной *темой смирения*, которое осмысливается прп. Амвросием как ключевая добродетель и как *условие* или *способ* достижения вершины добродетелей, то есть совершенства, почему мотив смирения и является сквозным в письмах. В итоге, все темы и мотивы в духовных посланиях старца сводятся к аскетике и связаны между собой, причем принцип этой связи в письмах прп. Амвросия отвечает таковому в творении прп. Иоанна Лествичника, что говорит о сходстве прп. Амвросия с прп. Иоанном Лествичником в понимании ими законов духовной борьбы и соотношения между собой и страстей, и добродетелей, выстраивающих лестницу, ведущую как вверх к совершенству и спасению, так и вниз к падению и гибели. Обратим внимание на особенность этой связи, определяющей характер соотношения тем и мотивов: каждая ступень в «Лествице» после ее достижения человеком не остается внизу и не отделяется от последующих ступеней, а становится неотъемлемым содержанием всего духовного пути монаха. Каждая следующая добродетель, к которой переходит подвижник, содержит в себе достигнутое им ранее, утрата же какой-либо добродетели неизменно ниспровергает человека с *любой* ступени, о чем свидетельствует и известная византийская икона XII в. «Лествица райская». Об этом пишет прп. Иоанн Лествичник в «Слове 9»: «Добродетели, *будучи связаны одна с другою* (курсив в цитатах здесь и далее мой – *Л.Д.*), произволяющего возводят на небо; а страсти, одна другую рождая, и одна другою укрепляясь, низвергают в бездну» (9:1).

Ключевая в письмах монашествующим тема *духовной брани* отвечает главной цели подвижника (монашество – это путь подвижнический): бороться со своими страстями и вести духовную брань с духами тьмы, в соответствии со словами апостола Павла: «Яко несть наша брань к *(противу)* крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным» (Еф. 6: 12). Эту цитату из послания апостола Павла приводит прп. Амвросий в одном из писем (№ 662), но опора на нее чувствуется во всех его посланиях, особенно обращенных к теме борьбы с помыслами, которая встречается достаточно часто. Заметим, что здесь и обнаруживается принципиальное отличие писем старца к мирянам и к монашествующим. Конечно, тема духовной борьбы сопровождает и письма мирянам, но эта борьба направлена прежде всего и главным образом *к своим страстям*, действие которых в человеке раскрывает старец своим адресатам, см.: (Дорофеева, 2025, 2026]. В то время как в письмах монашествующим значительная их часть обращена к проявлениям *борьбы с духами злобы*, с бесовскими нападениями, которые часто действуют через помыслы, возбуждающие различные страсти. В этом смысле письма старца своим духовным дочерям-монахиням напоминают древние патерики с их сюжетами нападений бесов на монахов, разного рода страхований или явлений в виде ангелов для искушения и погубления впавшего в *прелесть* [6] монаха, подверженного гордыне, и т.д. Цитируя

[6] Слово «прелесть» в православной аскетике означает состояние самообольщения, самообмана, либо помрачения душевных сил человека под воздействием злых духов, опирающихся на гордость в человеке, как об этом пишет

«Лествицу», как правило, старец, выбирает цитаты, обращается к степеням, относимым исследователями этого творения, структурировавших его в соответствии с темами каждой главы-ступени[7], ко второй части – *борьбы против грехов* (Слова 8 – 23) и к третьей части – плодов подвижничества, или степеням христианского совершенства (Слова 24 - 30). Обратимся к анализу цитирования «Лествицы» в связи тематикой «духовной брани».

В письме «*Об искушениях диавольских и о борьбе с ними*» (№ 476) речь идет о внутренней борьбе с помыслами. Прп. Амвросий пересказывает детально письмо монахини, перечисляя ее искусительные помыслы, говорящие о ведомой ею духовной борьбе. По всей вероятности, его адресат проходит период, который соответствует ступеням лествицы прп. Иоанна Лествичника, относимым к частям *борьбы с пороками* и *плодов подвижничества*. Описание старцем смены у монахини помыслов, посылаемых бесами, соотносится с описанием таковых в «Лествице» (26:8).

Таблица / Table

Прп. Иоанн Лествичник	Прп. Амвросий Оптинский, письмо № 476
«Во всех деланиях, которыми стараемся угодить Богу, бесы выкапывают нам три ямы. Во-первых, борются, чтобы воспрепятствовать нашему доброму делу» (26:8)	«Описываешь ты, какие с тобой были вражеские искушения: сперва тоска и страх; потом скорбь до исступления ума, что не застала брата; …несытая любовь к родным» (543)
«Во-вторых, когда они в сем первом покушении бывают побеждены, то стараются, чтобы сделанное не было по воле Божией» (26:8)	«помысл высокоумия с самонадеянностью, что без помощи Божией, своей силой, ты можешь устоять» (543)
«А если тати оные в сем умышлении не получают успеха: тогда уже тихим образом приступивши к душе нашей, ублажают нас, как живущих во всем Богоугодно» (26:8)	«…помысл горделивый и тщеславный стал внушать, что ты уподобилась уже святым <…> тебе все сильнее стало казаться, что ты пришла в меру совершенства, и что естество души твоей так бело, как снег…» (543)

Письмо открывает внутреннюю жизнь монахини последней трети XIX в. и свидетельствует о сходстве с описаниями духовной брани подвижников из древних житий, патериков, описывающих впадение в прелесть монаха, не очищенного от гордыни, и реальность воздействия бесовской силы на душу человека. Это говорит об универсальности духовных законов и неизменности логики духовного возрастания, его этапов. Прп. Амвросий обращается к авторитету прп. Иоанна Лествичника, поясняя причину такого бедственного состояния сестры-монахини, в котором она оказалась по причине принятия помысла о своем совершенстве: «Тебе сильно казалось, что действительно пришла в меру совершенства, а сама

свт. Игнатий Брянчанинов: «прелесть есть страстное или пристрастное уклонение души ко лжи на основании гордости», см.: (Игнатий (Брянчанинов) святитель).

[7] О структуре творения «Лествица» в соответствии с тематикой см.: (Игум. Дионисий (Шлёнов), свящ. Андрей Кордочкин).

пишешь, что голова пустая, душа как разграбленная храмина, что с трудом привыкаешь к устной молитве, а четочного правила ни разу не выполнила, потому что как только за него берешься, начинает тебя сильно ломать» (544). Делается отсылка к «Лествице» с указанием конкретной ступени: «Святой Иоанн Лествичник говорит, что *неоткрываемые духовному отцу помыслы в дела происходят* (ст. 26, отд. 21), и что, напротив, открываемые язвы в горшая не простираются, но паче врачуются» (544). В словах старца прямо указывается причина такой победы «врага»: неоткрываемые помыслы духовному отцу ведут к этапу их воплощения в «дела». При этом заметим, что текст, к которому делается отсылка: «(степень 26, отделение 21)», содержит совсем не эту мысль, но мысль о «блудодейственном волке», т.е. страсти блуда, который побеждается посыланием телесной болезни, исцеляющей душевную страсть[8]. Можно предположить, что старец через обращение к Лествичнику, указывает, какую именно страсть скрыла от него его духовная дочь, по причине чего и попущены вражеские помыслы, для борьбы с которыми ей не хватает своих сил. Он же указывает на источник противостояния помыслам – в обращении за помощью к Христу и Приснодеве Марии. И о необходимости противостояния гордыни смирением.

В письме «*Главная причина искушений – высокоумие. Перечисляет искушения, коих причина – самообольщение*» (№ 479) все его темы объединены одной духовной проблемой монахини – «высокоумия» и связаны с «мысленной бранью». Старец последовательно перечисляет ее помыслы и тут же раскрывает смысл каждого помысла, указывая на их единый источник – «высокоумие». Прп. Амвросий в этом письме говорит о «смущении» ее ума «всякими внушениями и предположениями», которым она доверяет, потому и «мысленная брань» «происходит от этого доверия вражеским внушениям» (550): «главная же причина мысленной твоей брани – великое твое *высокоумие*, которое во всем проглядывает» (550). К авторитету Лествичника он прибегает для объяснения тонкого различия «хранения ума» и «хранения помыслов: «Святой Иоанн Лествичник говорит: «Елико отстоят востоцы от запад, толико хранение ума выше хранения помыслов, и несравненно труднее оного». («Иное хранение помыслов, а иное – блюдение ума; и елико востоцы отстоят от запад, столько последнее делание выше первого, хотя и несравненно труднее его» (26:78))». Тем самым он раскрывает истинное её духовное состояние, которое она, видимо, описывала в своем письме, считая себя победившей «бесовское наругание» (551) «хранением ума»: «мы с тобою и помыслов своих не умеем хранить как должно, то откуда же возьмется у нас хранение ума? Твое спокойствие было не хранение ума, а явная подсада вражия» (551). Оттуда же и мысли монахини о желании к уединению, на что не дает своего благословения прп. Амвросий, и ее сильное желание умереть при отсутствии боязни смерти, что он называет «обольщением вражьим», и мысль о том, что она наделена высоким саном, что отрицает старец. Наконец, он приводит цитату из письма своей ученицы о том, что она желает «непрестанно чистым умом и сердцем славословить Господа» (551), на что приводит опять непрямую цитату из

[8] «Приметил я, что иногда блудодейственный волк усиливает болезни недугующих, и в самых болезнях производит движения и истечения. Ужасно было видеть, что плоть, среди лютых страданий, буйствует и неистовствует. <…> И еще обратился, и увидел тяжко страждущих, которые телесным недугом, как бы некоторою епитимиею избавились от страсти душевной; и я прославил Бога, брение брением исцелившего» (26:21)

«Лествицы»: «… по словам святого Лествичника, и взойдя на всю лествицу добродетелей, человек должен молиться о помиловании…» (552). (Ср.: «Хотя бы ты взошел на всю лествицу добродетелей, однако и тогда молись о прощении грехов» (28:13)). В этом письме мы видим образец духовного старческого руководства, спасающего свое чадо от впадения в «прелесть» и обнажающего суть «невидимой брани». В этом письме старец в большей мере обличает, наставляет, тон достаточно строгий, что указывает на серьезность опасности, в которой находится его духовная дочь.

Во многом интонация письма и характер наставления зависят от адресата, как и характер цитирования, который при сохранении его основного смысла, всегда отвечает духовному состоянию конкретного человека, получая дополнительные коннотации. В письме «*Диавол ничего не может сделать человеку, если он сам добровольно не согласится прежде на какой-либо грех*» (№ 481) в центре находится мотив духовной борьбы с *искушением*. Здесь целью является не столько обличение греховности ученицы, как в приведенном нами предыдущем письме, сколько раскрытие законов духовной брани и желание помочь ей в этой невидимой борьбе со злом. Старец укрепляет свою ученицу, поддерживает, вдохновляет, помогает устоять и победить в искушениях, которые бывают «докучливые», или «устрашающие» (553). И, как и в других письмах, называя «вражий» помысел, он тут же объясняет его происхождение и следом дает рекомендацию, как его побороть, указывая средства. Так встраивается и цитата из «Лествицы» в отношении «хульных помыслов»: указывается причина их нападения на человека (монаха, прежде всего): во-первых, «от зависти вражией» (554), во-вторых, за «горделивое самомнение, или осуждение других» (554) со стороны самого человека. Соответственно, оружием против них является самоукорение и обращение к помощи святых, в данном случае – к словам святого прп. Иоанна Лествичника: «…благовременно иногда произноси против оных слова святого Иоанна Лествичника: "Иди за мною, сатано! Господу Богу моему поклонюся и Тому Единому послужу, а болезнь твоя и слово сие да обратится на главу твою, и на верх твой хула твоя да взыдет в сем и в будущем веце"» (554). (Ср.: «…иди за мною сатано: Господу Богу моему поклонюся и Тому Единому послужу; *"болезнь* же твоя и слова твои *обратятся на главу* твою, *и на верх* твой *снидет хула* твоя в нынешнем веке и в будущем" (Пс.7:17)» (здесь курсив издателя – *Л.Д.*) (23:48)). В данном случае цитата используется не только как духовный совет, или раскрытие козней бесовских, а как действенная сила, *средство* в борьбе с силами зла. Такое отношение к слову святого, написанному много веков назад, говорит о том, что автор этих писем находится внутри Священного Предания, время им осмысливается как вечность, а пространство является духовным.

Тема духовной брани часто в письмах связана с грехом *гордости* и мотивом *прелести*. В письме «*Если хочешь избавиться от гордости и самомнения, то прежде всего требуется покорность воле Божией*» (№ 482) старец пишет своей ученице о *«прелести вражией*» (555), о помыслах, которые от беса находят на монашествующего. Он объясняет, откуда у его чада возникла мрачная тоска и мысль о самоубийстве, и как к этому должно относиться, и что делать. Через все письмо проходит мысль о необходимости смирения и терпения для избавления «от гордости и самомнения» (556). Прп. Амвросий пишет об осторожности в отношении к видениям, предупреждая: «Никаким видениям не верь» (556), о необходимости

«удерживать» Иисусову молитву, подкрепляя парафразом цитаты из «Лествицы»: «"Именем Иисуса бей ратники", – говорит Лествичник. Велика сила этого имени» (ср. русский перевод: «бей супостатов именем Иисусовым» (21:7). Полуславянкий пер.: «именъмъ Иисуса Христа поражай душевныхъ супостатовъ»[9] (21:7)). Приводит мысль Лествичника из «Слова 21. О малодушной боязливости, или страховании», вдохновляя свою ученицу на битву, в которой оружием является призывание имени Бога.

Приведенную выше цитату о «ратниках» как «супостатах» мы встречаем в письмах прп. Амвросия не единожды в связи с переживаемым адресатом чувством страха, который и в системе «Лествицы», и у прп. Амвросия понимается как греховная страсть. В письме «*Не должно под предлогом страха быть избранной в начальницы, думать о переходе в другое место*» (№ 478) речь идет об искушениях. Прп. Амвросий отвечает на мысль монахини, пожелавшей, чтобы ее не сделали начальницей, то есть настоятельницей, перебраться в другой монастырь. Старец разоблачает ложность этой мысли, которая не соответствует воле Божией, или Промыслу. Все письмо – это разоблачение действий темной силы, лукавства и коварства. И здесь он прибегает к авторитету Лествичника, упоминая его имя дважды. Вначале он приводит пример из творения об искушении помыслами одного подвижника: «Святой Лествичник пишет, что один искусный подвижник отражал козни вражии их же оружием. Когда они приводили его в отчаяние, то он говорил себе и врагам: «Как же вы не так давно хвалили меня и приводили в высокоумие», – и через это отражал злой умысел вражий. Если же враги опять переметывались на другую сторону и начинали хвалить, и подавать поводы к высокоумию и самомнению, то старец тут отвечал: "Как же вы не так давно приводили меня в отчаяние; ведь это одно другому противоречит"» (549–550), тем самым показывая способ борьбы с помыслом. Цитата непрямая, дается парафраз стиха из «Слова 25. Об искоренителе страстей, высочайшем смиренномудрии, бывающем в невидимом чувстве». Старец передает *мысль* Лествичника, ср.: «К одному из рассудительнейших братий бесы приступили очевидно и ублажили его. Но сей премудрый сказал им: «Если бы вы перестали хвалить меня в душе моей, то из отшествия вашего я заключил бы, что я велик; если же не перестанете похвалять меня, то из похвалы вашей вижу мою нечистоту, ибо *нечист пред* Господом *всяк высокосердый* (Притч. 16: 5). Итак, или отойдите, чтобы я почел себя за великого человека, или хвалите, и я посредством вас приобрету больше смирения». Сим обоюдным изречением они так были поражены, что тотчас исчезли»[10] (25:13)

Вторую цитату – о главном способе побеждать врага именем Иисусовым – старец приводит в конце письма: «Не нашей меры восставать против злохитрых врагов, а всего вернее со смирением прибегать всегда к помощи и заступлению Божественному, призывая на помощь Самого Господа и Пречистую Его Матерь, как советует святой Лествичник: «Именем Иисусовым отражай ратники» (550). Эта цитата, уже приводимая нами выше, непрямая, относится к частотным, встречается в ряде писем применительно к действию молитвы как оружия против «козней вражеских».

[9] Мы не исключаем наличия известного прп. Амвросию перевода «Лествицы», в котором вместо слова «супостаты» стоит слово «ратники», что никак не влияет на смысл данного высказывания: эти слова здесь являются синонимами.

[10] Эта мысль звучит неоднократно в «Лествице», см.: (15:33; 22:42)

Обратим внимание на *мотив искушения*, который сопровождает практически все письма старца с темой духовной брани. Слово «искушение» – одно из самых частотных в письмах прп. Амвросия. Понятие искушения относится к ключевым в православной аскетике и означает как навязывание греха через страстную природу человека, так и испытание через внешние обстоятельства – скорби, болезни и пр. Главное в понятии искушения – его особая роль в аскетическом пути подвижника, как и любого христианина, стремящегося к спасению. Эта роль заключается в испытании *свободы выбора* человека. Как отмечает автор статьи в «Православной энциклопедии», «…христианская традиция называет искушением все то, что испытывает силу устремления человека к Богу и ставит его перед сознательным выбором» (Свящ. Димитрий Артемкин). Письма прп. Амвросия, прибегающего к «Лествице» для пояснения своей мысли, раскрывают смысл этого понятия как средства разделения людей на телесных (плотских) и духовных, для чего в двух письмах приводится цитата из Евангелия от Матфея о разделяющем мече Христовом, соединенная с цитатой из «Лествицы». В письме «*Многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Божие*» (№ 397) в связи с переносимыми им самим болезнью и множеством дел, старец пишет: «Все это сходится к тому, что тесен и прискорбен *путь вводяй в живот* (Мф. 7: 14), и что *многими скорбьми подобает нам внити во Царствие Божие* (Деян. 14: 22). И не вотще Господь говорит в Евангелии: *не приидох воврещи мир* на землю, *но мечь* (Мф. 10: 34). А святой Иоанн Лествичник прибавляет: «чтобы разлучить миролюбивых от Боголюбивых, славолюбивых от смиренномудрых» (курсив в цитате издателя – *Л.Д.*). (Ср.: «Не приидох, – говорит Господь, – мир воврещи на землю» (Мф.10:34), т. е. мир между родителями и их сынами и братьями, желающими Мне работать, но брань и меч, чтобы боголюбивых отлучить от миролюбивых, вещественных от невещественных (плотских от духовных), славолюбивых от смиренномудрых...» (3:15)). Как мы видим, здесь прп. Амвросий приводит непрямую и неполную цитату, цель которой – размышление о тяготах и скорбях, которые несет каждый христианин.

Та же цитата, как и в предыдущем случае, вместе с евангельской приводится и в письме «*Искушения неприятны, но полезны*» (№ 411) с тем же смыслом об искушениях как мече, разделяющем «боголюбивых от миролюбивых, и смиренномудрых от славолюбивых». Каждый христианин должен претерпевать искушения, и если он относится к ним духовно, с терпением несет скорби, то обретает истинное смирение и является «боголюбивым» и «смиренномудрым», духовным, а не плотским. Таким образом, само искушение понимается как меч, которым является выбор человека – по какую сторону от этого меча ему встать. Отметим особенность жанрового содержания этого письма, которое заключается в сочетании *поучения* (назидания) и *толкования*, причем, поучение уже вырастает из толкования и призвано помочь адресату в его духовной борьбе.

Ограниченные рамками статьи, не будем более умножать примеры цитирования «Лествицы» в письмах монашествующим прп. Амвросия, поскольку это принципиально не изменит общих выводов.

Все приводимые цитаты, парафразы или идеи свт. Иоанна Лествичника в письмах прп. Амвросия монашествующим носят сугубо аскетический характер, и, в отличие от писем мирянам, направлены к проблемам духовной – невидимой – борьбы (брани), что объясняет

преимущественное обращение автора писем к ступеням, посвященным темам борьбы со страстями.

Письма с темой духовной брани в качестве основной включают целый ряд мотивов, соответствующих, во-первых, тематике борьбы с собственными телесными и душевными страстями – чревоугодия, блудной страсти, тщеславия, часто своеволия, уныния и др.; во-вторых, темам невидимой войны с духами злобы, что сопровождается мотивами искушения, «прелести», борьбы с помыслами, молитвы Иисусовой как орудия борьбы, смирения, послушания как способов противостояния духовным нападениям «врага».

Рассмотрение способа и форм цитирования «Лествицы» прп. Амвросием Оптинским ясно говорит о свободном, творческом отношении его к цитируемому тексту. Большинство цитирований дается в непрямой форме, используются парафразы, в ряде случаев цитата «приписывается» прп. Иоанну Лествичнику, при этом, хотя отсутствует в его тексте как таковая, всегда отражает мысль или идею, присутствующую в его творении. Цитата здесь выполняет не роль «чужого» слова, включенного в «свой» текст, но она является «своей». Слова прп. Лествичника (как и других святых отцов) осваиваются старцем через личный аскетический опыт вначале как мысль, идея, получая в его собственной духовной практике подтверждение их истинности, затем *передаются* адресату (монашествующему) как соборный духовный опыт – святоотеческое Предание. Специфика цитирования в духовных письмах и определяется причастностью всех участников (автора письма и адресата, цитируемых отцов) одному Преданию – Священному. Здесь можно говорить об особого рода диалогизме, в котором находятся (при каждом цитировании) три участника: адресат, задавший вопрос – отвечающий автор письма – автор приводимой цитаты. Причем, между двумя последними происходит диалог *согласия*, что обеспечено их единством в отношении к Истине, которая открыта ими во Христе. Наверное, в идеале именно о таком диалогизме говорил М. Бахтин, который писал о диалоге как «…равноправности сознаний в отношении к истине (понятой отвлеченно и системно)» (Бахтин, 1979, с. 309). В контексте святоотеческой литературы, к каковой относятся и духовые письма старцев, эта мысль Бахтина получает подтверждение и развитие: диалогизм здесь – это не встреча точек зрения, разных или согласных, но отдельных. А это синергия голосов, равноправных в отношении к Истине, явленной в личности Христа и живущей в Предании Церкви.

Список источников / References

1. Антонова, М.В. (2011). Древнерусское послание XI–XIII веков: поэтика жанра: монография. Брянск: Курсив.
   Antonova, M.V. (2011). Old Russian epistle of the 11th-13th centuries: Poetics of the genre: Monograph. Bryansk: Kursiv. (In Russ.).
2. Артемкин, Д., свящ. Искушение. Православная энциклопедия, 27. URL: https://www.pravenc.ru/text/674970.html (дата обращения: 18.07.2026).
   Artemkin, D., Priest. Temptation. Orthodox Encyclopedia, 27. (In Russ.). URL: https://www.pravenc.ru/text/674970.html (viewed: 18.07.2026).

3. Бахтин, М.М. (1979). Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство.
Bakhtin, M.M. (1979). Aesthetics of verbal creativity. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).
4. Демин, А.С. (1964). О литературном значении древнерусских письмовников. Русская литература, 4, 165—170.
Demin, A.S. (1964). On the literary significance of ancient Russian letter writers. Russian Literature, 4, 165—170. (In Russ.).
5. Дионисий (Шлёнов), игум., Кордочкин, А., свящ. Иоанн Лествичник. Православная энциклопедия, 24, 404—431. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Lestvichnik/lestvitsa-ili-skrizhali-dukhovnye/ (дата обращения: 07.08.2026).
Dionysius (Shlenov), Abbot, Kordochkin, A., Priest. John Climacus. Orthodox Encyclopedia, 24, 404—431. (In Russ.). URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Lestvichnik/lestvitsa-ili-skrizhali-dukhovnye/ (viewed: 07.08.2026).
6. Дорофеева, Л.Г. (2025). «Лествица» прп. Иоанна Синайского в духовных письмах мирянам прп. Амвросия Оптинского. Функция цитат. Новый филологический вестник, (4), 83—94.
Dorofeeva, L.G. (2025). "The Ladder" of St. John of Sinai in the spiritual letters to the laity of St. Ambrose of Optina: The function of quotations. New Philological Bulletin, (4), 83—94. (In Russ.).
7. Дорофеева, Л.Г. (2026). Мотивы «Лествицы» прп. Иоанна Синайского в духовных письмах прп. Амвросия Оптинского мирянам. Слово.ру: балтийский акцент, 1(16), 54—70.
Dorofeeva, L.G. (2026). Motifs of the "Ladder" of St. John of Sinai in the spiritual letters of St. Ambrose of Optina to the laity. Slovo.ru: Baltic accent, 1(16), 54—70. (In Russ.).
8. Захарченко, С.О. (2020). Жанровые особенности писем преподобного Макария Оптинского к А.Н. Глебовой и А.И. Воейковой. В: Евангельский текст в русской словесности: Сборник тезисов докладов X Всероссийской научной конференции (с международным участием) 21–24 сентября 2020 г. (с. 101–105). Петрозаводск: Издательство ПетрГУ.
Zakharchenko, S.O. (2020). Genre features of the letters of St. Macarius of Optina to A.N. Glebova and A.I. Voeikova. In: The Gospel Text in Russian Literature: Collection of Abstracts of the Reports of the X All-Russian Scientific Conference (with International Participation) September 21-24, 2020 (pp. 101–105). Petrozavodsk: PetrGU Publishing House. (In Russ.).
9. Игнатий (Брянчанинов), святитель. О молитве Иисусовой: Беседа старца с учеником. Полное собрание творений и писем: В 8 т.: Т. 1. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ignatij_Brjanchaninov/tom1_asketicheskie_opyty/26#source (дата обращения: 07.08.2026).
Saint Ignatius (Brianchaninov). On the Jesus Prayer: A conversation between an elder and a disciple. Complete works and letters: In 8 vols.: Vol. 1. (In Russ.). URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ignatij_Brjanchaninov/tom1_asketicheskie_opyty/26#source (viewed: 07.08.2026).

10. Каширина, В.В. (2007а). Преподобный Амвросий Оптинский как литератор. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, 4(48), 101—105.
Kashirina, V.V. (2007a). Venerable Ambrose of Optina as a writer. Bulletin of Tambov University. Series: Humanities, 4(48), 101—105. (In Russ.).

11. Каширина, В.В. (2007б). Феномен духовного письма. Русская словесность: Научно-теоретический и методический журнал, (1), 73—80.
Kashirina, V.V. (2007b). The phenomenon of spiritual writing. Russian Literature: Scientific, Theoretical and Methodological Journal, (1), 73—80. (In Russ.).

12. Каширина, В.В. (2013). Духовное письмо как жанр: на примере оптинского эпистолярия. Православное книжное обозрение, 7(31), 58—67.
Kashirina, V.V. (2013). Spiritual letter as a genre: On the example of Optina epistolary. Orthodox Book Review, 7(31), 58—67. (In Russ.).

13. Каширина, В.В. (2018). История подготовки к изданию «Лествицы» в переводе Оптиной пустыни. Богословский вестник, 4(31), 239—260.
Kashirina, V.V. (2018). History of preparation for the publication of "The Ladder" in the Optina Pustyn translation. Theological Bulletin, 4(31), 239—260. (In Russ.).

14. Концевич, И.М. (2009). Стяжание Духа Святого. М.: Институт русской цивилизации.
Kontsevich, I.M. (2009). Acquisition of the Holy Spirit. Moscow: Institute of Russian Civilization. (In Russ.).

15. Лествица возводящая на небо. (1862). Издание первое. Москва: Синодальная типография.
The Ladder ascending to heaven. (1862). First edition. Moscow: Synodal Printing House. (In Russ.).

16. Преподобного отца аввы Иоанна Лествица. (1994). [Печоры]: Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. (Репринт изд.: Преподобного отца аввы Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе. С алфавитным указателем. Пятое издание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. [Сергиев Посад]: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1898).
The Reverend Father Abba John of the Ladder. (1994). [Pechory]: Holy Dormition Pskov-Pechersky Monastery. (Reprint of the publication: The Reverend Father Abba John, Abbot of Mount Sinai, The Ladder, in Russian translation. With an alphabetical index. Fifth edition of the Kozelsk Vvedenskaya Optina Hermitage. [Sergiev Posad]: Holy Trinity Lavra of St. Sergius, 1898). (In Russ.).

17. Понырко, Н.В. (1992). Эпистолярное наследие Древней Руси, XI–XIII вв.: исследования, тексты, переводы. Санкт-Петербург: Наука. Санкт-Петербургское отделение.
Ponyrko, N.V. (1992). Epistolary heritage of Ancient Rus, XI-XIII centuries: Research, texts, translations. St. Petersburg: Nauka. St. Petersburg branch. (In Russ.).

18. Попова, Т.Г. (2016). Русские рукописи «Лествицы» Иоанна Синайского. Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология,

1(46), 93—101.
Popova, T.G. (2016). Russian manuscripts of "The Ladder" of John of Sinai. Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University. Series 3: Philology, 1(46), 93—101. (In Russ.).

19. Попова, Т.Г. (2024). Житие прп. Иоанна Лествичника в византийской и славяно-русской традициях (лингвотекстологический аспект). В: О.В. Губарева, Л.Г. Дорофеева, Т.Г. Попова, Лествица в слове и образе. Иконография и агиография «Лествицы» Иоанна Синайского: монография (с. 193–315). Калининград: Полиграфычъ.
Popova, T.G. (2024). Life of St. John Climacus in the Byzantine and Slavic-Russian traditions (linguo-textological aspect). In: O.V. Gubareva, L.G. Dorofeeva, T.G. Popova, Ladder in word and image: Iconography and hagiography of the "Ladder" of John of Sinai: Monograph (pp. 193–315). Kaliningrad: Poligrafych. (In Russ.).

20. Смолина, А.Н. (2016). Духовное письмо как жанр русской словесности. Мир науки, культуры, образования, 2(57), 384—387.
Smolina, A.N. (2016). Spiritual writing as a genre of Russian literature. World of Science, Culture, Education, 2(57), 384—387. (In Russ.).

21. Смолина, А.Н. (2023). Русское духовное письмо XX века: мировоззренческие основания, композиция, стиль. Москва: Издательский дом ЯСК.
Smolina, A.N. (2023). Russian spiritual writing of the twentieth century: Ideological foundations, composition, style. Moscow: YASK Publishing House. (In Russ.).

22. Собрание писем Оптинского старца Амвросия: к 200-летию со дня рождения преподобного Амвросия Оптинского. (2012). Козельск: Изд-во Введенского ставропигиального мужского монастыря «Оптина Пустынь».
A collection of letters of the Optina Elder Ambrose: On the 200th anniversary of the birth of St. Ambrose of Optina. (2012). Kozelsk: Publishing House of the Vvedensky Stavropegic Monastery "Optina Pustyn". (In Russ.).

23. Хоружий, С.С. (2000). О старом и Новом. СПб.: Алетейя.
Khoruzhy, S.S. (2000). About the old and the new. St. Petersburg: Aleteya. (In Russ.).

24. Шкуропацкая, М.Г. (2016). Духовное письмо как проявление синтеза искусственной и естественной форм письменно-речевой деятельности. В: Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты: Сборник научных трудов. Часть V (с. 54—67). Кемерово: Кемеровский государственный университет.
Shkuropatskaya, M.G. (2016). Spiritual writing as a manifestation of the synthesis of artificial and natural forms of written speech activity. In: Natural written Russian speech: Research and educational aspects: Collection of scientific papers. Part V (pp. 54—67). Kemerovo: Kemerovo State University. (In Russ.).

25. Эпистолярное наследие преподобного Амвросия Оптинского. URL: https://philolog.petrsu.ru/amvrosy/index.html (дата обращения: 07.08.2026).

The epistolary legacy of St. Ambrose of Optina. (In Russ.). URL: https://philolog.petrsu.ru/amvrosy/index.html (viewed: 07.08.2026).

Информация об авторе

Людмила Григорьевна Дорофеева, доктор филологических наук, доцент, профессор Института русской филологии и медиатехнологий, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (ФГАОУ ВО «БФУ им. И. Канта»), Калининград, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3622-8379, e-mail: lgdorofeeva@mail.ru

Information about the author

Lyudmila G. Dorofeeva, Doctor of Science (Philology), Associate Professor, Professor, Institute of Russian Philology and Media Technologies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3622-8379, e-mail: lgdorofeeva@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 08.08.2026
Поступила после рецензирования 28.08.2026
Принята к публикации 10.09.2026
Опубликована 30.09.2026

Received 2026.08.08
Revised 2026.08.28
Accepted 2026.09.10
Published 2026.09.30

Язык и текст
2026. *13*(3), 68–76.
https://doi.org/10.17759/langt.2026130306
ISSN 2312-2757 (online)

Language and Text
2026. *13*(3), 68–76.
https://doi.org/10.17759/langt.2026130306
ISSN 2312-2757 (online)

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ | WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

Научная статья | Original paper

От имени к «Розе»: тетрадь 1813 года из собрания А. Барановского и лицейская традиция утраченного стихотворения Пушкина

С.М. Капилупи✉
Университет Саленто, Лечче, Италия
✉ stefanomaria.capilupi@unisalento.it

Резюме

Контекст и актуальность. В статье рассматривается проблема возможной связи рукописной тетради 1813 г. из собрания Андрея Барановского с ранним школьно-лицейским слоем пушкинской традиции о розе, известным по свидетельству Ивана Пущина об утраченном стихотворном упражнении на уроке Николая Кошанского. **Цель**. Определить научный статус найденного текста, подписанного фамилией «Пушкин», не смешивая вопрос об авторстве с вопросом о рукописном свидетельстве. **Методы и материалы**. Применяются историко-литературный, текстологический и источниковедческий методы: сопоставляются известные редакции «Розы» 1815 и 1817–1819 гг., академический комментарий, свидетельство Пущина, состав тетради и устная история ее передачи от Юрия Мейера к Барановскому. **Результаты.** Показано, что текст из собрания Барановского не совпадает с канонической «Розой» и не может быть автоматически включен в корпус Пушкина, однако его форма, тема, дата и подпись образуют значимый комплекс признаков. **Выводы**. Делается вывод о необходимости публикации материала по правилам археографии и дальнейшей палеографической и кодикологической экспертизы; до этого текст следует рассматривать как возможный школьный, копийный или мемориальный след утраченного лицейского стихотворения.

Ключевые слова: Пушкин, «Роза», Царскосельский лицей, Кошанский, Пущин, Дельвиг, рукописная традиция, архив русского зарубежья, Андрей Барановский

Для цитирования: Капилупи, С.М. (2026). От имени к «Розе»: тетрадь 1813 года из собрания А. Барановского и лицейская традиция утраченного стихотворения Пушкина. *Язык и текст, 13*(3), 68—76. https://doi.org/10.17759/langt.2026130306

© Капилупи С.М., 2026

CC-BY-NC

Капилупи С.М. (2026)
От имени к «Розе»: тетрадь 1813 года из собрания А. Барановского и лицейская традиция утраченного стихотворения Пушкина
Язык и текст, *13*(3), 68—76.

Capilupi S.M. (2026)
From the name to the “Rose”: the 1813 notebook from A. Baranovsky’s collection and the lyceum tradition of a lost poem by Pushkin
Language and Text, *13*(3), 68—76.

From the name to the “Rose”: the 1813 notebook from A. Baranovsky’s collection and the lyceum tradition of a lost poem by Pushkin

S.M. Capilupi✉
University of Salento, Lecce, Italy
✉ stefanomaria.capilupi@unisalento.it

Abstract

Context and relevance. The article examines the possible connection between a manuscript notebook dated 1813 from Andrey Baranovsky’s collection and the early school-Lyceum layer of the Pushkinian tradition of the rose, known from Ivan Pushchin’s testimony about a lost verse exercise written during Nikolai Koshansky’s lesson. **Objective.** To define the scholarly status of the text signed with the surname “Pushkin” without conflating the problem of authorship with that of manuscript evidence. **Methods and materials.** The study uses historical-literary, textual and source-critical methods: it compares the known versions of “The Rose” from 1815 and 1817–1819, the academic commentary, Pushchin’s testimony, the composition of the notebook and the oral history of its transmission from Yuri Meyer to Baranovsky. **Results.** The analysis shows that the Baranovsky text cannot be identified with the canonical “Rose” or automatically included in Pushkin’s corpus. Its form, theme, date and signature nevertheless constitute a significant set of features. **Conclusions.** The article concludes that the material should be published according to archaeographic standards and subjected to further paleographic and codicological examination.

Keywords: Pushkin, “Rose”, Tsarskoye Selo Lyceum, Koshansky, Pushchin, Delvig, manuscript tradition, Russian emigration archive, Andrey Baranovsky

For citation: Capilupi, S.M. (2026). From the name to the “Rose”: the 1813 notebook from A. Baranovsky’s collection and the lyceum tradition of a lost poem by Pushkin. *Language and Text*, *13*(3), 68—76. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/langt.2026130306

Постановка вопроса

История ранней пушкинской «Розы» принадлежит к числу тех малых филологических сюжетов, где краткость текста не уменьшает сложности проблемы. В академической традиции давно различаются по крайней мере два уровня: сохранившееся стихотворение «Роза», известное в ранней редакции 1815 г. и в позднейшей редакции 1817–1819 гг., и более ранний школьный эпизод, рассказанный И. И. Пущиным и связанный с уроком русской словесности у Н. Ф. Кошанского. Этот эпизод особенно важен потому, что речь идет не о позднейшей литературной легенде, а о воспоминании ближайшего лицейского товарища Пушкина.

Новый материал, находящийся в собрании А. Барановского, делает этот вопрос вновь актуальным. По свидетельству Барановского, небольшая тетрадь 1813 г. была передана ему в начале 1990-х гг. Ю. К. Мейером, одним из последних хранителей лицейской памяти в русской

эмиграции. В тетради, наряду с копиями стихотворений Карамзина, Батюшкова и Жуковского, находится краткое стихотворение о розе, подписанное фамилией «Пушкин». В настоящее время копия этого материала находится в Пушкинском Доме (Институте русской литературы Российской академии наук) и является предметом экспертного рассмотрения. Само по себе это не доказывает авторства А. С. Пушкина, однако совпадение темы, формы двух четверостиший, ранней даты и лицейского контекста слишком существенно, чтобы быть отнесенным к области простой случайности.

Задача настоящей статьи состоит не в том, чтобы объявить текст из собрания Барановского новым автографом Пушкина. Такой вывод был бы преждевременным без полной кодикологической и палеографической экспертизы. Речь идет о другом: о необходимости включить этот текст в научное обсуждение как возможный свидетель утраченного школьно-лицейского слоя, который предшествует известным редакциям «Розы».

Формула, вынесенная в заглавие, — «от имени к “Розе”» — имеет не доказательное, а герменевтическое значение. Речь идет о переходе от имени «Пушкин», оставленного в тетради как краткая подпись и как загадка атрибуции, к розе как культурному символу памяти, утраты и возможного узнавания. В этом смысле сюжет вызывает дальние ассоциации с романом У. Эко *Il nome della rosa*, где имя и след становятся частью интеллектуального расследования (Эко, 1980), с фильмом В. Аллена *The Purple Rose of Cairo*, построенным как история перехода между экраном и жизнью[1], а также с дантовской перспективой книги Л. Гаргиуло *Dalla selva alla rosa*, где путь от «selva» к «rosa» обозначает движение от утраты и странствия к высшей форме смысла (Гаргиуло, 1990). Эти ассоциации не являются аргументами атрибуции; они лишь показывают, почему сама история потерянной и возможной вновь найденной розы оказывается столь семантически насыщенной.

Известная традиция «Розы» и утраченный лицейский текст

Академическое издание фиксирует раннюю редакцию «Розы», датируемую предположительно 1815 г. Она печатается по основному тексту автографа в лицейской тетради Пушкина, до поправок, и сопоставляется с рядом копий: в тетрадях Ф. Ф. Матюшкина, И. В. Помяловского, в архиве А. М. Горчакова и в тетради Н. В. Всеволожского (Пушкин, 1999, с. 107). Позднейшая редакция относится к 1817–1819 гг.; именно она была напечатана Пушкиным в «Стихотворениях А. Пушкина» 1826 г. и затем вошла в издание 1829 г. (Пушкин, 1999, с. 287).

Однако комментарий академического тома 1999 г. указывает на обстоятельство, принципиальное для нашего сюжета: «Розе» предшествовало другое стихотворение Пушкина на близкую тему. Оно было связано с уроком Кошанского и, по свидетельству Пущина, состояло из двух четверостиший; Кошанский взял рукопись себе, а сам текст до нас не дошел (Пушкин, 1999, с. 767). Эпизод датируется концом марта — апрелем 1812 г. Там же отмечается, что это стихотворение, возможно, входило в рукописный журнал «Неопытное перо», издававшийся Пушкиным, А. А. Дельвигом и Н. А. Корсаковым (Пушкин, 1999, с. 767).

[1] Аллен, В. (реж.). (1985). Пурпурная роза Каира [Фильм]. США.
Allen, W. (dir.). (1985). The Purple Rose of Cairo [Film]. USA. (In English).

Следовательно, научная традиция сама различает три объекта: школьное стихотворение 1812 г., известное по воспоминанию Пущина; раннюю редакцию «Розы» 1815 г.; переработанную редакцию 1817–1819 гг. Это различение особенно важно: текст Барановского не обязан совпадать с канонической «Розой», чтобы иметь отношение к пушкинской теме розы. Напротив, его значение, если оно подтвердится, может состоять именно в принадлежности к предшествующему, утраченному уровню.

Стиховедческое описание известной «Розы» также показывает, что речь идет о самостоятельной, тщательно организованной миниатюре. Б. В. Томашевский относил ее к строфе из двенадцати коротких стихов со схемой AbAbCbCdEdE (Томашевский, 1958, с. 108). Это не совпадает с текстом Барановского, состоящим из двух четверостиший и заключительной строки. Такое расхождение является доводом против прямого отождествления с редакциями 1815 и 1817–1819 гг., но не против связи с утраченным упражнением, которое Пущин как раз описывал как «два четверостишия».

Текст из собрания А. Барановского

В переданной Барановским записи стихотворение читается следующим образом:

Роза спелая созреет
Побледнеет и умрет
Но листочек отлетевший
Дух приятный издает
Наша молодость минется
С ней почиет красота
Но в замену остается
Дар безценный — доброта!
Там счастье где любовь
Пушкин

Текст по своему характеру заметно отличается от сохранившейся «Розы» Пушкина. В нем нет противопоставления розы и лилеи, нет анафорической конструкции «Не говори», нет той элегической лаконичности, которая определяет известный пушкинский текст. Перед нами скорее нравоучительная миниатюра школьного типа: роза увядает, но сохраняется благоухание; молодость и красота проходят, но остается доброта. Именно эта школьность может быть прочитана двояко. С одной стороны, она мешает прямой атрибуции зрелому авторскому стилю. С другой — она вполне соответствует ситуации учебного задания, выполненного мальчиком-лицеистом.

С этим связана и собственная аргументация Барановского. Он видит в простоте текста не только школьную наивность, но и особую легкость, которая, по его мнению, уже предвосхищает пушкинский гений. Эта легкость объясняется им тем, что поэтическое сознание юного Пушкина с самого начала свободно от тяжелой немецкой инерции и внутренне ориентировано на французскую ясность, естественность и подвижность формы. Возможное возражение состоит в том, что русская поэзия начала XIX в. в целом уже была обращена к французским образцам, в том числе через опыт Жуковского. Однако Барановский проводит здесь различие: у Жуковского, как он полагает, заметен процесс освобождения от

предшествующей немецкой романтической зависимости, тогда как у Пушкина эта свобода присутствует как исходное качество, почти как врожденная поэтическая легкость.

Особое значение имеет строка «Там счастье где любовь». Она близка к финалу басни В. Л. Пушкина «Голубка и Бабочка», опубликованной в «Вестнике Европы» в 1803 г.: «Там счастье, где любовь: оно вас ожидает» (Пушкин В. Л., 1803). Это совпадение нельзя игнорировать. Оно допускает возможность влияния Василия Львовича, семейной литературной памяти или позднейшей контаминации. Но оно не отменяет другого обстоятельства: сама тетрадная атрибуция «Пушкин» в 1813 г. возникает в контексте, когда Александр Сергеевич еще не был публично известным поэтом. Поэтому вопрос должен ставиться не в форме жесткой альтернативы «А. С. Пушкин или В. Л. Пушкин», а шире: какой именно пушкинский материал, авторский, семейный, школьный или копийный, был зафиксирован в этой тетради?

Именно здесь возникает наиболее серьезная альтернативная версия: речь может идти не об Александре Сергеевиче, а о Василии Львовиче Пушкине. Барановский возражает против такого решения тем, что старший Пушкин прежде всего известен как автор басен и стихотворных нравоучительных текстов, тогда как в тетрадной «Розе» он усматривает не басенную тяжеловесность, а легкость и непосредственность юного лирического жеста. Тем не менее сама близость заключительной формулы к басне «Голубка и Бабочка» требует сохранить эту версию в поле обсуждения: она не снимает гипотезу о раннем пушкинском следе, но заставляет рассматривать текст как возможный узел семейной, школьной и литературной памяти.

Поэтому наиболее продуктивной является рабочая гипотеза: текст Барановского представляет собой не третью редакцию известной «Розы», а самостоятельный свидетель традиции о школьной «розе» Пушкина. Он может быть копией, сокращением, пересказом по памяти или нравоучительной переработкой утраченного текста. В любом из этих случаев его научное значение сохраняется, поскольку он оказывается связанным с той самой лакуной, которую академический комментарий обозначает как существовавшее, но не дошедшее до нас стихотворение.

Происхождение тетради: Мейер, Дельвиг и лицейская эмиграция

Устная история тетради имеет самостоятельное значение. По рассказу А. Барановского, тетрадь была подарена ему Ю. К. Мейером, лицеистом ускоренного выпуска 1917 г. Юрий Константинович Мейер (1897–1994) известен как автор воспоминаний «Записки последнего кирасира», опубликованных в «Российском архиве»[2] (Мейер, 1995, с. 547–601). Уже один этот факт помещает фигуру Мейера в документированное пространство русской военной и лицейской эмиграции.

Исторический фон такой передачи подтверждается исследованиями об Обществе бывших воспитанников Императорского Александровского лицея и его архиве в эмиграции. Л. В. Климович показывает, что лицеисты-эмигранты стремились сохранить корпоративную

[2] Мейер, Ю. К. [б. г.]. Мейер Юрий Константинович. Русская армия в Великой войне. URL: https://ria1914.info/index.php?title=Мейер_Юрий_Константинович (дата обращения: 15.06.2026).
Meyer, Yu. K. [n.d.]. Meyer Yurii Konstantinovich. Russkaya armiya v Velikoi voine [The Russian army in the Great War]. URL: https://ria1914.info/index.php?title=Мейер_Юрий_Константинович (viewed: 15.06.2026). (In Russ.).

память, документы, фотографии, переписку и артефакты, связанные с дореволюционным лицеем (Климович, 2018, с. 18–30). Архивная работа в этой среде была не случайной частной страстью, а частью особого культа лицейского братства, в котором память о Пушкине занимала центральное место.

С этим кругом связан и барон Андрей Дмитриевич Дельвиг, представитель младшей линии рода Дельвигов, связанной с семьей лицейского друга Пушкина А. А. Дельвига. Он числится среди воспитанников ускоренного выпуска 1917 г. Александровского лицея и после революции оказался в эмиграции[3]. По сообщению Барановского, Мейер рассказывал ему, что вопрос о тетради и о «Розе» он обсуждал именно с Дельвигом как наследником лицейской фамильной памяти. Этот разговор не привел к окончательному решению: Мейер был весьма расположен к мысли о пушкинской природе текста, но ни он, ни Дельвиг не считали возможным дать полностью однозначное утверждение без дополнительных оснований. В данной статье этот рассказ рассматривается как важное свидетельство истории бытования рукописи и как показатель того, что проблема осознавалась внутри самой поздней лицейской среды.

По словам Барановского, передавая ему тетрадь, Мейер сообщил, что остальную часть находившихся у него лицейских материалов он намерен передать в один из американских научных или архивных центров. Это свидетельство важно не как готовая архивная сигнатура, а как указание на возможное рассеяние поздней лицейской памяти между частными собраниями и институциональными фондами русского зарубежья. Основной архивный комплекс Императорского Александровского лицея в эмиграции в опубликованных источниках связывается прежде всего с Dépôt «Lycée Alexandre» Королевского музея армии и военной истории в Брюсселе (Климович, 2018; Мамонтова, 2001). Вместе с тем существование лицейской организации в США и наличие материалов Ю. К. Мейера в Bakhmeteff Archive Колумбийского университета (Мейер, б. д.) показывают, что отдельные документы, копии или личные архивные материалы лицеистов могли оказаться и в американских собраниях. Поэтому вопрос о том, какой именно американский центр имел в виду Мейер, остается открытым. Даже если конкретная тетрадь не имеет пока публичной архивной сигнатуры, сам маршрут «последний лицеист — американское научное или архивное собрание — частная коллекция Барановского — Пушкинский Дом» не противоречит известной истории русской диаспоры.

Собрание А. Барановского как контекст находки

Личность владельца тетради в данном случае не является внешней деталью. А. Барановский известен как литератор, историк, художник и собиратель рукописей, старопечатных и редких изданий[4]. Его коллекция включает материалы разных эпох: рукописи, письма, редкие тексты,

[3] Список выпускников Александровского лицея. [б. г.]. Рувики. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Список_выпускников_Александровского_лицея (дата обращения: 15.06.2026).
Spisok vypusknikov Aleksandrovskogo litseya [List of graduates of the Alexander Lyceum]. [n.d.]. Ruwiki. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Список_выпускников_Александровского_лицея (viewed: 15.06.2026). (In Russ.).

[4] Барановский, А. [б. г.]. О себе самом. URL: https://gub191025.wixsite.com/andreybaranovsky/about (дата обращения: 15.06.2026).
Baranovsky, A. [n.d.]. O sebe samom [About myself]. URL: https://gub191025.wixsite.com/andreybaranovsky/about (viewed: 15.06.2026). (In Russ.).

документы, связанные с русской культурой XVIII–XX вв. Именно такого рода частные собрания нередко сохраняют предметы, которые не попали в государственные фонды или остались на периферии больших архивных передач.

В рассказе Барановского важен не только факт владения, но и характер обнаружения: стихотворение было замечено среди других редкостей, внутри небольшой тетради 1813 г., а не как отдельный предмет, созданный для демонстрации сенсации. Это обстоятельство снижает вероятность намеренно эффектной атрибуции. Тетрадь нуждается не в журналистском объявлении, а в спокойной научной публикации: факсимиле, дипломатическая транскрипция, описание бумаги и чернил, сведения о переплете, составе тетради, почерках и возможных владельческих пометах.

Критерии проверки и границы гипотезы

Осторожная реакция специалистов Пушкинского Дома (Института русской литературы Российской академии наук), где в настоящее время находится копия материала и проводится его экспертное рассмотрение, понятна и методологически оправданна. В пушкинской текстологии нельзя признать новый текст только на основании подписи «Пушкин» и тематического совпадения. Необходимо установить, что страница с данным стихотворением принадлежит той же рукописной и материальной фазе, что и тетрадь 1813 г.; что запись не является позднейшей вставкой; что почерк, орфография и бумага соответствуют предполагаемому времени; что возможные следы происхождения согласуются с лицейской или послелицейской средой.

Однако осторожность не должна сводиться к простому отказу от обсуждения. Даже если почерк не принадлежит известным лицеистам из ближайшего круга Пушкина, это не уничтожает проблему. Пущин прямо говорит о рукописи, взятой Кошанским; следовательно, дальнейшее бытование текста могло происходить вне привычной цепочки пушкинских автографов и лицейских копий. Копия могла быть сделана учеником, преподавателем, владельцем рукописного журнала, позднейшим хранителем школьных материалов или участником лицейской мемориальной культуры.

Нужно также отделить авторство от свидетельства. Даже если окажется, что текст Барановского не является автографом А. С. Пушкина, он может сохранить ценность как документ раннего восприятия или бытования пушкинского имени. Если же подтвердится, что запись действительно относится к 1813 г. и находится в органическом составе тетради, вопрос станет еще острее: почему в тетради этого времени появляется стихотворение о розе, подписанное «Пушкин», и каким образом оно соотносится с рассказом Пущина?

Заключение

Тетрадь 1813 г. из собрания А. Барановского не может быть немедленно включена в корпус произведений А. С. Пушкина. Для этого не хватает необходимых филологических процедур: полного факсимиле, кодикологического описания, экспертизы бумаги и чернил, палеографического заключения и документированной истории владения. Но это не означает, что находка должна быть оставлена за пределами науки.

Напротив, именно потому, что академическая традиция признает существование утраченного стихотворения о розе, предшествовавшего известной «Розе», текст Барановского получает особое значение. Он находится не рядом с канонической редакцией 1815 г., а рядом с той лакуной, которую обозначает воспоминание Пущина. Его форма двух четверостиший, тема розы, ранняя дата тетради и подпись «Пушкин» образуют совокупность признаков, достаточную для постановки вопроса о новом рукописном свидетеле.

Оптимальная научная формула на данном этапе такова: тетрадь Барановского содержит текст, который не является простой редакцией известной «Розы», но может представлять собой копийный, школьный или мемориальный след утраченного лицейского стихотворения Пушкина о розе. Поэтому дальнейшая работа должна состоять не в полемике вокруг готового ответа, а в публикации материала по правилам археографии и текстологии. Только после этого можно будет решить, имеем ли мы дело с пушкинским текстом, с пушкинской традицией или с выразительным документом лицейской памяти.

Список источников / References

1. Алексеев, М. П. (1972). Споры о стихотворении «Роза». В: Пушкин: Сравнительно-исторические исследования (с. 326—377). Л.: Наука.
   Alekseev, M. P. (1972). Spory o stikhotvorenii «Roza» [Debates on the poem “Rose”]. In: Pushkin: Sravnitel'no-istoricheskie issledovaniya [Pushkin: Comparative-historical studies] (pp. 326—377). Leningrad: Nauka. (In Russ.).
2. Климович, Л. В. (2018). Общество бывших воспитанников Императорского Александровского лицея и его архив в эмиграции (1920–1930-е годы). Россия и современный мир, 2, 18—30. https://doi.org/10.31249/rsm/2018.02.02
   Klimovich, L. V. (2018). Obshchestvo byvshikh vospitannikov Imperatorskogo Aleksandrovskogo litseya i ego arkhiv v emigratsii (1920–1930-e gody) [The Society of former students of the Imperial Alexander Lyceum and its archive in emigration]. Rossiya i sovremennyi mir, 2, 18—30. (In Russ.). https://doi.org/10.31249/rsm/2018.02.02
3. Мамонтова, Е. (2001). Опись фонда Ассоциации бывших воспитанников Императорского Александровского лицея, хранящегося в Королевском музее армии и военной истории Бельгии. Брюссель: Фонд сохранения русского наследия в Европе.
   Mamontova, E. (2001). Opis' fonda Assotsiatsii byvshikh vospitannikov Imperatorskogo Aleksandrovskogo litseya, khranyashchegosya v Korolevskom muzee armii i voennoi istorii Bel'gii [Inventory of the Association of former students of the Imperial Alexander Lyceum, kept in the Royal Museum of the Army and Military History of Belgium]. Brussels: Fond sokhraneniya russkogo naslediya v Evrope. (In Russ.).
4. Мейер, Ю. К. (1995). Записки последнего кирасира. В: Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. (Вып. 6, с. 547—601). М.: Студия ТРИТЭ.
   Meyer, Yu. K. (1995). Zapiski poslednego kirasira [Notes of the last cuirassier]. In: Rossiiskii arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. (Issue 6, pp. 547—601). Moscow: Studiya TRITE. (In Russ.).

5. Пушкин, В. Л. (1803). Голубка и Бабочка. Вестник Европы, 11(18), 118—119.
Pushkin, V. L. (1803). Golubka i Babochka [The dove and the butterfly]. Vestnik Evropy, 11(18), 118—119. (In Russ.).
6. Пушкин, А. С. (1999). Полное собрание сочинений: в 20 т. Т. 1: Лицейские стихотворения. 1813–1817. СПб.: Наука.
Pushkin, A. S. (1999). Polnoe sobranie sochinenii: v 20 t. T. 1: Litseiskie stikhotvoreniya. 1813–1817 [Complete works in 20 vols. Vol. 1: Lyceum poems]. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.).
7. Пущин, И. И. (2001). Записки о Пушкине. М.: Захаров.
Pushchin, I. I. (2001). Zapiski o Pushkine [Notes on Pushkin]. Moscow: Zakharov. (In Russ.).
8. Томашевский, Б. В. (1958). Строфика Пушкина. В: Пушкин: Исследования и материалы (Т. 2, с. 49—184). М.; Л.: Изд-во АН СССР.
Tomashevsky, B. V. (1958). Strofika Pushkina [Pushkin's stanza forms]. In: Pushkin: Issledovaniya i materialy [Pushkin: Studies and materials] (Vol. 2, pp. 49—184). Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ. (In Russ.).
9. Gargiulo, L. (1990). Dalla selva alla rosa [From the dark wood to the rose]. Milano: Signorelli. (In Italian).
10. Eco, U. (1980). Il nome della rosa [The Name of the Rose]. Milano: Bompiani. (In Italian).

Информация об авторе

Стефано Мария Капилупи, профессор семиотики текста, Университет Саленто, Лечче, Италия, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0063-8197, e-mail: stefanomaria.capilupi@unisalento.it

Information about the author

Stefano Maria Capilupi, Professor of Text Semiotics, University of Salento, Lecce, Italy, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0063-8197, e-mail: stefanomaria.capilupi@unisalento.it

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 17.06.2026
Поступила после рецензирования 28.08.2026
Принята к публикации 10.09.2026
Опубликована 30.09.2026

Received 2026.06.17
Revised 2026.08.28
Accepted 2026.09.10
Published 2026.09.30

Язык и текст
2026. *13*(3), 77–85.
https://doi.org/10.17759/langt.2026130307
ISSN 2312-2757 (online)

Language and Text
2026. *13*(3), 77–85.
https://doi.org/10.17759/langt.2026130307
ISSN 2312-2757 (online)

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ | WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

Научная статья | Original paper

Авраам Норов и его интеллектуальное окружение: к реконструкции эпистолярной картины мира

Ю.С. Мартовалиева✉
Независимый исследователь, Москва, Российская Федерация
✉ am4043@disroot.org

Резюме

Контекст и актуальность. В статье представлена литературоведческая реконструкция фигуры А.С. Норова (1795–1869), министра народного просвещения, путешественника и литератора, в контексте русской эпистолярной и публицистической культуры николаевской и пореформенной эпох. **Цель** исследования – выявить специфику интеллектуальных и духовных связей Норова и их влияние на формирование раннего консервативно-охранительного дискурса. **Материалы и методы.** Материалом послужили письма, путевые очерки и мемуарные свидетельства современников (Н.В. Гоголя, М.П. Погодина, П.А. Вяземского, С.П. Шевырёва, А.С. Хомякова, святителя Игнатия Брянчанинова). Метод исследования включает лингвокультурный и текстологический анализ эпистолярного наследия. **Результаты** показывают, что языковая картина мира Норова характеризовалась «двойной перспективой» (сопряжение библейского Востока и православной Москвы), органичным использованием церковнославянской лексики и риторической стратегией «тихого убеждения». **Выводы.** Норов сыграл ключевую роль в генезисе охранительной словесности, предложив модель, в которой просвещение мыслилось как продолжение веры, что впоследствии было унаследовано и трансформировано в полемических текстах К.П. Победоносцева и Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: А.С. Норов, Н.В. Гоголь, русская эпистолярия XIX века, охранительная словесность, путевые очерки, интеллектуальные связи московских славянофилов, министр народного просвещения

Для цитирования: Мартовалиева, Ю.С. (2026). Авраам Норов и его интеллектуальное окружение: к реконструкции эпистолярной картины мира. *Язык и текст, 13*(3), 77—85. https://doi.org/10.17759/langt.2026130307

© Мартовалиева Ю.С., 2026

CC-BY-NC

Мартовалиева Ю.С. (2026)
Авраам Норов и его интеллектуальное окружение: к реконструкции эпистолярной картины мира
Язык и текст, *13*(3), 77—85.

Martovalieva Yu.S. (2026)
Avraam Norov and his intellectual environment: towards the reconstruction of the epistolary picture of the world
Language and Text, *13*(3), 77—85.

Avraam Norov and his intellectual environment: towards the reconstruction of the epistolary picture of the world

Yu.S. Martovalieva✉
Independent Researcher, Moscow, Russian Federation
✉ am4043@disroot.org

Abstract

Context and relevance. This article presents a literary reconstruction of the figure of A. S. Norov (1795–1869), Minister of Public Education, traveler, and man of letters, within the context of Russian epistolary and publicistic culture of the Nicholas I and post-reform eras. The **aim** of the study is to identify the specifics of Norov's intellectual and spiritual connections and their influence on the formation of early conservative discourse. **Materials and methods.** The material includes letters, travel sketches, and memoir evidence from contemporaries (N. V. Gogol, M. P. Pogodin, P. A. Vyazemsky, S. P. Shevyrev, A. S. Khomyakov, and St. Ignatius Brianchaninov). The method involves linguocultural and textological analysis of the epistolary heritage. The **results** show that Norov's linguistic picture of the world was characterized by a "double perspective" (conjugation of the Biblical East and Orthodox Moscow), organic use of Church Slavonic vocabulary, and a rhetorical strategy of "quiet persuasion". **Conclusions.** Norov played a key role in the genesis of conservative literature, proposing a model in which education was conceived as a continuation of faith, which was later inherited and transformed in the polemical texts of K. P. Pobedonostsev and F. M. Dostoevsky.

Keywords: A.S. Norov, N.V. Gogol, Russian epistolography of the 19th century, conservative literature, travel sketches, intellectual networks of Moscow Slavophiles, Minister of Public Education

For citation: Martovalieva, Yu.S. (2026). Avraam Norov and his intellectual environment: towards the reconstruction of the epistolary picture of the world. *Language and Text*, *13*(3), 77—85. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/langt.2026130307

Фигура Авраама Сергеевича Норова занимает в истории русской мысли особое, до сих пор не до конца оцененное место. Интеллектуальный вклад Норова носил уникальный характер, органично соединяя в себе опыт высокого государственного служения, академическую эрудицию и талант писателя, глубокую личную религиозность (Дылевский, 1871, Никитенко, 1870, Сачкова, 2016).

Герой войны 1812 года, министр народного просвещения, председатель Археографической комиссии, писатель, библиофил, А.С. Норов тесно общался с культурной элитой XIX века. Этот факт его биографии подтверждают экспонаты коллекции, среди которых имеется много писем от выдающихся людей эпохи.

Авраам Сергеевич Норов (1795–1869) родился в родовом имении отца в Саратовской губернии 22 октября 1795 года в селе Ключи Балашовского уезда Саратовской губернии (ныне Ртищевский район Саратовской области) в знатной семье. Будущий министр и путешественник происходил из старинного дворянского рода, известного с XV века, внесённого в шестую часть родословной книги. Вотчина Норовых находилось в с. Нижний Якимец Раненбургского уезда, ныне Новодеревенского района.

Отец — отставной майор, саратовский губернский предводитель дворянства. Будущий писатель получил домашнее образование, продолженное в Благородном пансионе при Московском университете, который не закончил.

Однако 10 марта 1810 года, сдав экзамены на звание юнкера, Норов был определён в лейб-гвардии артиллерийскую бригаду в Санкт-Петербурге. 30 июня 1811 года он был произведён в портупей-юнкера, а 25 декабря 1811 года получил звание прапорщика [4, 7]. С первых дней семнадцатилетний юноша участвовал в Отечественной войне 1812 года в составе 1-й Западной армии. В Бородинском сражении прапорщик 2-й легкой роты гвардии артиллерии Норов, командуя полубатареей из двух пушек, защищавших Семёновские (Багратионовы) флеши, был тяжело ранен в правую ногу (ему ядром оторвало ступню). Ногу пришлось ампутировать по колено (впоследствии арабы прозвали его «отец деревяшки»)

Несмотря на инвалидность, А.С. Норов не оставил военную службу и только в 1823 году, уже в звании полковника, перешёл на гражданскую службу. Занимал разнообразные должности по различным ведомствам. В 26 лет стал полковником, затем на статской службе – чиновником для особых поручений. Не сломленный тяжелым ранением, он посвятил себя изучению иностранных языков, древней истории, литературы и собственному литературному творчеству.

С 1813 года литература стала его основным занятием. А.С. Норов обладал большими лингвистическими способностями, в совершенстве знал французский, английский, немецкий, итальянский, латинский, греческий. Итальянским он овладел в совершенстве, знал его до тонкостей, включая, например, сицилийский диалект. Он владел также и некоторыми славянскими языками (чешским и лужицким), арабским, а также древнееврейским языком. Печатал поначалу преимущественно переводы из Вергилия и Горация, позднее – отрывки из дидактической поэмы «*Об астрономии».*

В 1818 году он был принят в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств, в 1819 году – в Общество любителей российской словесности. Норов печатал во многих журналах как переводы, так и оригинальные стихи; с 1821 тяготел к итальянской поэзии. В 1823 получил чин полковника, в 1827 служил в министерстве внутренних дел. В 1830-х удельный вес поэзии снизился. Результатом путешествия в Палестину, Малую Азию и Иерусалим (1834–1836 годы) стала книга «Путешествие по святым местам» (1838).

Брат Норова – Василий Сергеевич, был декабристом, да и сам Авраам Сергеевич был близко знаком со многими декабристами. Он часто встречался с А.С. Пушкиным, В.А. Жуковским, П.А. Чаадаевым, О.И. Сенковским, В.Ф. Одоевским и П.А. Вяземским.

В 1840 году А.С. Норов стал членом Российской академии, в 1849 году – сенатором, в 1851 году – действительным членом Академии наук по отделению русского языка и словесности. В 1854–1859 годы он был министром народного просвещения. Он осуществил полный перевод

Анакреона (по-видимому, в поздние годы), считающийся его высшим достижением. Стихи Норова собраны не были.

В 1821–1822 годах Норов совершил первое заграничное путешествие, посетив Германию, Францию, Италию и Сицилию. О путевых впечатлениях он рассказал в ряде очерков и стихотворений («Поездка в Овернь», «Литературный вечер в Риме», «Остров Нордерней. Послание к Д.П. Глебову» и других), которые были напечатаны в различных русских периодических изданиях. Его первой книгой стало «Путешествие по Сицилии в 1822 году» (Норов, 1828, Дергачев, 2012а, Дергачев, 2012б). В 1827 году А.С. Норов, будучи чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел, был прикомандирован к адмиралу Д.Н. Сенявину, с которым он совершил два заграничных плавания, в частности, участвовал в проведении русских судов до Портсмута и обратно. В результате в «Литературной газете» Дельвига-Пушкина в 1830 году появился очерк Авраама Сергеевича «Прогулка в окрестностях Лондона» с указанием: «Виндзор, августа 20, 1827». 8 августа 1834 года А.С. Норов увольняется в отпуск и отправляется как паломник-исследователь в путешествие на Святую землю для поклонения Гробу Господню.

Он побывал в Палестине, Малой Азии и Иерусалиме. При изучении и описании Палестины и окружающих её стран Авраам Сергеевич руководствовался, с одной стороны, текстом Библии, с другой, принимал во внимание открытия историков и филологов-ориенталистов. Он старался избегать описания тех мест, о которых уже имелись сведения других путешественников. Авраам Сергеевич одним из первых россиян совершил путешествие по Египту и Нубии, на парусном судне он проплыл весь Нил и исследовал Северный Судан. Учёный собрал ценный материал по географии, экономике и культуре населяющих эти страны народов. Результатом этого путешествия, длившегося с 1834 по 1836 год, стали книги «Путешествие по Святой Земле в 1835 году» (1838) и «Путешествие по Египту и Нубии в 1834—1835гг.» (1840) (Норов, 1838, Норов, 1840). Описания всех путешествий А.С. Норова были собраны в 5 томов и изданы в 1854 году в Санкт-Петербурге.

В 1822 году, совершив путешествие на Сицилию, А.С. Норов написал первую книгу в жанре записок путешественника. Его «Путешествие по Сицилии в 1822 году» было опубликовано в популярной петербургской типографии Сытина в 1828 году. Оно представляет замечательный синтез географических, исторических и искусствоведческих сведений, густо сдобренных литературными экскурсами в античное прошлое и объединенных удивительным талантом автора. После путешествия образы прекрасной Италии не покидают автора, и он в 1823 году пишет замечательное стихотворение «Ночь на Средиземном море». Оригинальные стихотворения, переводы, прозаические произведения А.С. Норова были опубликованы в таких известных изданиях как «Полярная Звезда», «Сын отечества», «Русский Инвалид», «Благонамеренный», «Московский Вестник», «Соревнователь» и пр.

Живя в Петербурге, он сохранял связи с московскими литераторами, участниками Общества друзей и Общества любомудрия (С.Е. Раичем, Д.В. Веневитиновым, Д.П. Ознобишиным, С.А. Соболевским) (Котельников, 2004, Прозоров, 1974). Подобно участникам Общества друзей, Норов, кроме своих оригинальных произведений (например, дидактическая поэма «Об астрономии»), печатал много переводов. Сначала из Вергилия и Горация, затем из итальянской поэзии (П. Ролли, Петрарка, Данте, Ариосто); известны его переводы из А. Шенье.

Не менее существенной представляется интонационная организация его текстов. Даже в официальных документах и докладах Норов избегал риторики приказов и выстраивал аргументацию таким образом, что административная необходимость обосновывалась через категории нравственного долга, исторической преемственности и веры. Именно в этих текстах формируется языковая модель, впоследствии унаследованная К. П. Победоносцевым и, отчасти, Ф. М. Достоевским: модель, в которой «просвещение» мыслится как продолжение «веры», а государственная служба приравнивается к послушанию (Аблязов, 2018, Богданова, 2015, Мельников, 2003, Полунов, 2011, Прозоров, 1974, Репников, 2006, Соболевский, 1869, Цыганков, 2017, Шмелева, 2015). Эта картина мира, лишенная позднейшей полемической агрессии, отличается мягкостью и убеждающей интонацией, что свидетельствует об органичном происхождении охранительного дискурса из религиозно-философской традиции 1830–1840-х годов, а не исключительно как реакции на революционные события 1848 года.

Архивные материалы свидетельствуют о том, что, занимая высокие государственные посты, Норов неоднократно оказывал негласную поддержку литераторам, оказавшимся в сложной ситуации. В отличие от открытого меценатства М. П. Погодина, тактика Норова носила скрытый, опосредованный характер: он ходатайствовал за молодых авторов, способствовал смягчению цензурных ограничений и рекомендовал к изданию труды, которые в иных инстанциях могли быть расценены как неблагонадежные.

Особо тесную связь личного и служебного характера А.С. Норов имел с П.А. Вяземским. Ветераны войны 1812 г., они в дальнейшем тесно сотрудничали на государственной службе. А.С. Норов участвовал в битве на Багратионовых флешах в чине прапорщика гвардейской артиллерии, где и был тяжело ранен, а П.А. Вяземский также добровольно вступил в ополчение, служил адъютантом у генерала Милорадовича. Оба они впоследствии оставили ценные воспоминания о Отечественной войне.

Период службы Норова в министерстве (1853–1858) совпал с ужесточением цензурного режима в конце правления Николая I и последующей либерализацией при Александре II. Документы эпохи позволяют говорить о том, что Норов проводил политику «умеренного охранительства», стремясь не допустить распространения «вредных направлений», но при этом избегая избыточного давления на словесность. Его переписка с видными славянофилами (А. С. Хомяковым, И. В. Киреевским), требующая дальнейшего текстологического изучения, способна пролить свет на механизмы взаимодействия между официальной властью и инакомыслящей интеллектуальной элитой в этот переходный период.

Самый тесный период отношений Норова и П.А. Вяземского начался в 1855 г. после воцарения императора Александра II, П.А. Вяземский был назначен товарищем (заместителем) министра Норова. Проработав под началом Норова до 1856 г., Вяземский возглавил Главное управление цензуры. Вместе с Норовым они руководили подготовкой первых цензурных реформ, стремясь ослабить жесткий контроль над печатью и развить образование.

Так, им удалось ликвидировать Высший цензурный комитет, главное репрессивное ведомство конца правления Николая I, вернув цензурные функции под управление Министерства народного просвещения; разрешить новые периодические издания, определившие позже эпоху реформ Александра II, таких как «Русский вестник» М. Н. Каткова (1856 г.); провели цензурную амнистию, разрешив цензорам допускать к печати статьи с

критическим разбором недостатков государственного управления, открыв дорогу публикациям Н.А. Добролюбова и Н.Г. Чернышевского; подготовили циркуляр, позволивший начать дискуссию о грядущей отмене крепостного права.

Именно перу П.А. Вяземского принадлежи стихотворение «Памяти Авраама Сергеевича Норова», написанное после смерти друга, в котором он вспоминает его жизненный путь, называя его «белоснежным» (Вяземский, 1896).

Лингвокультурный анализ текстов Норова позволяет выделить особенность его языковой картины мира. Во-первых, это наличие «двойной перспективы»: постоянное сопряжение образов библейского Востока (Иерусалим, Синай, Египет) и православной Москвы. Для Норова Россия мыслилась не только как наследница Византии, но и как духовное продолжение библейского пространства: восточные топосы органично вплетаются в его письма, написанные в столичных кабинетах.

Во-вторых, органичное использование церковнославянской лексики и синтаксических конструкций. Архаизмы в речи Норова не являются стилизацией в духе «бесед» А. С. Шишкова; они обусловлены его глубокой вовлеченностью в патристику и привычкой к чтению оригинальных текстов Отцов Церкви.

В-третьих, риторическая стратегия «тихого убеждения». Норов предпочитал увещевать, а не обличать, его интонация, лишенная как холодной отстраненности позднего Победоносцева, так и страстной напряженности Достоевского, характеризует его как носителя той традиции, для которой слово было прежде всего свидетельством истины, а не оружием в идеологической борьбе.

Оценка фигуры Норова его позднейшими современниками (1870–1880-е годы) свидетельствует о восприятии его как представителя уходящей эпохи. Для таких мыслителей, как К.Н. Леонтьев или К.П. Победоносцев, Норов оставался авторитетным предшественником, однако его «тихая» и «семейная» манера выражения мыслей контрастировала с византийской суровостью и полемической остротой, ставшими идеалом для нового поколения консерваторов.

Норов принадлежал к тому поколению, для которого охранительное мировоззрение было органичной формой существования, а не реакцией на внешние вызовы. Его кончина в 1869 году совпала с периодом, когда консервативная словесность уже приобрела ярко выраженный полемический характер. Тем не менее, в текстах Ф.М. Достоевского (в частности, в «Дневнике писателя») можно обнаружить отголоски именно норовской интонации «тихого увещевания», трансформированной, однако, в соответствии с психологической глубиной и драматизмом пореформенной эпохи.

Введение в научный оборот архивного эпистолярного наследия А. С. Норова остается актуальной исследовательской задачей. Материалы, хранящиеся в ОР РНБ, РГАЛИ и ОР РГБ (Ф. 201), требуют систематической текстологической обработки, атрибуции и комментирования. Подготовка академического собрания его писем позволит не только реабилитировать фигуру Норова в истории русской литературы, но и существенно уточнить представления о генезисе и эволюции консервативного дискурса в России XIX века. Свою знаменитую коллекцию рукописей, в том числе древних, А.С. Норов пожаловал Румянцевскому музею. В настоящее время Собрание его рукописей хранится в ОР РГБ в

Фонде 201«Собрание Авраама Норова», которое «содержит 57 номеров разнообразных рукописных материалов».

Список источников / References

1. Аблязов, К.А. (2018). А.С. Норов: во главе российского просвещения. Власть, (2), 78—83.
Ablyazov, K.A. (2018). A.S. Norov: at the head of Russian education. Vlast', (2), 78—83. (In Russ.).
2. Богданова, О.А. (2015). Историческая поэтика русской эпистолографии. М.: Языки славянской культуры.
Bogdanova, O.A. (2015). Historical poetics of Russian epistolography. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russ.).
3. Вяземский, П.А. (1896). Памяти Авраама Сергеевича Норова: стихотворение. В: С.Д. Шереметев (Ред.), Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского: в 12 томах. Том 12 (Стихотворения 1863–1877 гг.) (с. 402—406). Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича.
Vyazemsky, P.A. (1896). In memory of Avraam Sergeevich Norov: a poem. In: S.D. Sheremetev (Ed.), Complete collection of works of Prince P.A. Vyazemsky: in 12 volumes. Vol. 12 (Poems 1863–1877) (pp. 402—406). St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha. (In Russ.).
4. Дергачева, И.В., Дергачев, В.В. (2017). О критерии адекватности художественного вымысла в изображении Отечественной войны 1812 г. (к вопросу о полемике А.С. Норова с Л.Н. Толстым). Язык и текст, 4(2), 32—39.
https://doi.org/10.17759/langt.2017040204
Dergacheva, I.V., Dergachev, V.V. (2017). On the criterion of the adequacy of artistic fiction in the depiction of the Patriotic War of 1812 (on the issue of the polemic between A.S. Norov and L.N. Tolstoy). Yazyk i tekst, 4(2), 32—39. (In Russ.).
https://doi.org/10.17759/langt.2017040204
5. Дергачев, В.В. (2012а). «Путешествие по Сицилии в 1822 г.» А.С. Норова (к вопросу об особенностях жанра путешествия). Мир науки, культуры, образования, (4), 62—64.
Dergachev, V.V. (2012a). "Journey to Sicily in 1822" by A.S. Norov (on the issue of the features of the travel genre). Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya, (4), 62—64. (In Russ.).
6. Дергачев, В.В. (2012б). Традиции жанра «Хождения» в произведениях русских путешественников XIX века на примере произведений А.С. Норова. Мир науки, культуры, образования, (4), 64—67.
Dergachev, V.V. (2012b). Traditions of the "Walking" genre in the works of 19th-century Russian travelers using the example of the works of A.S. Norov. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya, (4), 64—67. (In Russ.).
7. Дергачев, В.В. (2012). Война 1812 г. в воспоминаниях современника. Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки, (4), 212—220.
Dergachev, V.V. (2012). The War of 1812 in the memoirs of a contemporary. Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki, (4), 212—220. (In Russ.).

8. Дылевский, Е. (1871). Авраам Сергеевич Норов. Странник, 12.
Dylevsky, E. (1871). Avraam Sergeevich Norov. Strannik, 12. (In Russ.).
9. Котельников, В.А. (2004). Достоевский и русская словесность его времени. СПб.: Наука.
Kotelnikov, V.A. (2004). Dostoevsky and the Russian literature of his time. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.).
10. Мельников, Н.Н. (2003). Историческая поэтика русской эпистолярной прозы. М.: Наследие.
Melnikov, N.N. (2003). Historical poetics of Russian epistolary prose. Moscow: Nasledie. (In Russ.).
11. Никитенко, А.В. (1870). Авраам Сергеевич Норов. Биографический очерк, читанный в торжественном собрании Императорской Академии наук 29-го декабря ординарным академиком А.В. Никитенко. СПб.: Типография Академии наук.
Nikitenko, A.V. (1870). Avraam Sergeevich Norov. A biographical sketch read at the solemn meeting of the Imperial Academy of Sciences on December 29 by ordinary academician A.V. Nikitenko. St. Petersburg: Tipografiya Akademii nauk. (In Russ.).
12. Норов, А.С. (1828). Путешествие по Сицилии в 1822 г. Ч. 1, 2. СПб.: Типография А.С. Смирдина.
Norov, A.S. (1828). Journey to Sicily in 1822. Parts 1, 2. St. Petersburg: Tipografiya A.S. Smirdina. (In Russ.).
13. Норов, А.С. (1838). Путешествие по Святой Земле в 1835 году. М.: В Университетской типографии.
Norov, A.S. (1838). Journey to the Holy Land in 1835. Moscow: V Universitetskoy tipografii. (In Russ.).
14. Норов, А.С. (1840). Путешествие по Египту и Нубии в 1835 году. М.: В Университетской типографии.
Norov, A.S. (1840). Journey to Egypt and Nubia in 1835. Moscow: V Universitetskoy tipografii. (In Russ.).
15. Полунов, А.Ю. (2011). К.П. Победоносцев в общественной борьбе. М.: РОССПЭН.
Polunov, A.Yu. (2011). K.P. Pobedonostsev in the public struggle. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.).
16. Прозоров, В.В. (1974). Русская эпистолярная проза XIX века. Л.: Наука.
Prozorov, V.V. (1974). Russian epistolary prose of the 19th century. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
17. Репников, А.В. (2006). Консервативные модели российской государственности. Ростов н/Д: Изд-во РГУ.
Repnikov, A.V. (2006). Conservative models of Russian statehood. Rostov-on-Don: RGU Publ. (In Russ.).
18. Сачкова, Г.С. (2016). А.С. Норов в дореволюционной российской историографии. Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история, (5), 5—8.
Sachkova, G.S. (2016). A.S. Norov in pre-revolutionary Russian historiography. Aktual'nye

voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiya, politologiya, filosofiya, istoriya, (5), 5—8. (In Russ.).

19. Смолин, М.Б. (2010). Русский консерватизм в XIX веке. М.
Smolin, M.B. (2010). Russian conservatism in the 19th century. Moscow. (In Russ.).
20. Соболевский, С.А. (1869). Библиотека А.С. Норова. Русский архив, (4).
Sobolevsky, S.A. (1869). Library of A.S. Norov. Russkiy arkhiv, (4). (In Russ.).
21. Цыганков, Д.А. (2017). К.П. Победоносцев: между верой и властью. М.
Tsygankov, D.A. (2017). K.P. Pobedonostsev: between faith and power. Moscow. (In Russ.).
22. Шмелева, А.В. (2015). «Надо жить народной жизнью…»: К.П. Победоносцев о главных свойствах отечественной литературы. Язык и текст, 2(3), 53—58.
https://doi.org/10.17759/langt.2015020307
Shmeleva, A.V. (2015). "We must live the people's life...": K.P. Pobedonostsev on the main properties of domestic literature. Yazyk i tekst, 2(3), 53—58. (In Russ.).
https://doi.org/10.17759/langt.2015020307

Информация об авторе

Юлия Салимжановна Мартовалиева, независимый исследователь, главный выпускающий редактор русской службы Russia Today, военный корреспондент, Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0009-0001-2395-3483, e-mail: am4043@disroot.org

Information about the author

Yulia S. Martovalieva, Independent Researcher, Main Editor of “Russia Today”, Military Correspondent, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0009-0001-2395-3483, e-mail: am4043@disroot.org

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 01.08.2026 — Received 2026.08.01
Поступила после рецензирования 28.08.2026 — Revised 2026.08.28
Принята к публикации 10.09.2026 — Accepted 2026.09.10
Опубликована 30.09.2026 — Published 2026.09.30

Язык и текст
2026. *13*(3), 86–100.
https://doi.org/10.17759/langt.2026130308
ISSN 2312-2757 (online)

Language and Text
2026. *13*(3), 86–100.
https://doi.org/10.17759/langt.2026130308
ISSN 2312-2757 (online)

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ | WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

Научная статья | Original paper

Новонайденный список Сибирской летописи И.Л. Черепанова: состав и особенности рукописной традиции

В.А. Мельничук[1]✉, **В.В. Подопригора**[2]
[1] Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация
[2] Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация
✉ meln@g.nsu.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Поздний этап регионального, в том числе сибирского, летописания – середина XVIII–XIX вв., отмеченный тенденциями трансформации традиционных жанров исторического повествования под воздействием зарождающегося академического, научного дискурса с соответствующими принципами критического отношения к источнику и пониманием прошлого, продолжает оставаться недостаточно изученным. **Цель.** Ввести в научный оборот новый, ранее не привлекавшийся исследователями Архивный список Сибирской летописи XVIII в. тобольского ямщика Ивана Леонтьевича Черепанова, представить его краткое археографическое описание и выяснить его место в рукописной традиции летописи. **Гипотеза.** Включение новонайденного Архивного списка в контекст текстологического изучения Летописи И.Л. Черепанова способствует уточнению представлений об этапах работы книжника, использованных источниках и уровне авторского самосознания. **Методы и материалы.** Благодаря применению комплекса специальных методов археографии (кодикологического, палеографического, филигранологического) и литературного источниковедения (текстологический метод) проведено комплексное исследование Архивного списка в контексте его взаимосвязей с прочими списками (Пермским, Музейным, Мазуринским), а также памятниками иркутского летописания. **Результаты.** Установлена дата создания рукописи и процесс ее редактирования. Выявлены сюжетные особенности списка в описании родословной Ермака, помещенной в экспозиции всего повествования, рассмотрен состав известий XVII в., вектор их редактирования через сопоставление, выявлен комплекс иркутских известий XVIII в. **Выводы.** Проведенный анализ позволяет рассматривать введенный в научный оборот список, как черновую рукопись, подвергшуюся

© Мельничук В.А., Подопригора В.В., 2026

CC-BY-NC

целенаправленной авторской правке, не находящей аналогии в других ранних списках памятника.

Ключевые слова: позднее летописание, Летопись сибирская Ивана Черепанова, историография, Сибирь, Архивный список, археография

Благодарности. Авторы благодарят зав. сектором книжных памятников Пермского краеведческого музея О.А. Баталову за предоставленную возможность ознакомиться с текстом списка ПКМ № 16916/775; заведующую научно-исследовательским отделом рукописей Библиотеки Российской Академии наук М.В. Корогодину, научного сотрудника научно-исследовательского отдела рукописей Библиотеки Российской Академии наук Н.Н. Литвину за предоставленную возможность ознакомиться с текстом списка БАН 1.5.90.

Для цитирования: Мельничук, В.А., Подопригора, В.В. (2026). Новонайденный список Сибирской летописи И.Л. Черепанова: состав и особенности рукописной традиции. *Язык и текст, 13*(3), 86—100. https://doi.org/10.17759/langt.2026130308

Newly discovered copy of the Siberian chronicle by I.L. Cherepanov: composition and features of textual tradition

V.A. Melnichuk[1]✉, **V.N. Podoprigora**[2]
[1] Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation
[2] State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation
✉ meln@g.nsu.ru

Abstract

Context and relevance. The late stage of regional chronicles, including that of Siberia, spanning the mid-18th to the 19th centuries, remains insufficiently studied. This period was marked by a visible transformation of traditional historical narrative genres shaped by the influence of an emerging academic and scientific discourse with its principles regarding critical approaches to source and special understanding of the past. **Objective.** The purposes of this study are to introduce into scientific circulation a new, previously unexamined Archival copy of the 18th-century Siberian Chronicle written by the Tobolsk coachman Ivan Leontievich Cherepanov, to provide its brief archaeographical description, and to determine its place within the manuscript tradition of the chronicle. **Hypothesis.** Integrating the newly discovered Archival copy into the textual study of Ivan Cherepanov's Chronicle helps clarify the stages of the scribe's work, the sources utilized, and the level of his authorial self-awareness. **Methods and materials.** By applying a comprehensive set of specialized methods from archeography (including codicological, paleographical, and filigranological analyses) and those of literary source studies (specifically textual criticism), this study conducts a multifaceted examination of the Archival copy. This analysis is contextualized through its relationships with other copies – namely the Perm, Museum, and Mazurin ones – as well as monuments of Irkutsk chronicle tradition. **Results.** The

study establishes the date of the manuscript's creation and reconstructs its editing process. It highlights the narrative features of the copy regarding Yermak's genealogy, positioned at the exposition of the entire narrative. Furthermore, the paper examines the compilation of 17th-century accounts, determines the trajectory of their textual revision through comparative analysis, and identifies a specific complex of 18th-century Irkutsk accounts. **Conclusions.** The analysis demonstrates that this newly introduced copy functions as a draft manuscript that underwent targeted authorial revision – a phenomenon that finds no analogy in other early copies of the oeuvre.

Keywords: late chronicle tradition, Ivan Cherepanov's Siberian Chronilce, historiography, Siberia, Archival copy, archaeography

Acknowledgements. The authors are grateful to head of book monuments of Perm Local History Museum O.A. Batalova for providing access to the text of PLHM no. 16916/775, to head of the scientific research department of manuscripts at Russian Academy of Sciences Library M.V. Korogodina and researcher of the scientific research department of manuscripts at Russian Academy of Sciences N.N. Litvina for permission to view the copy RASL 1.5.90.

For citation: Melnichuk, V.A., Podoprigora, V.V. (2026). Newly discovered copy of the Siberian chronicle by I.L. Cherepanov: composition and features of textual tradition. *Language and Text, 13*(3), 86—100. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/langt.2026130308

Введение

«Летопись Сибирская» Ивана Леонтьевича Черепанова, литературный памятник XVIII в. – произведение, характеризующее собой определенный этап развития самосознания сибиряков второй половины XVIII в. (Очерки русской литературы Сибири, 1982, с. 173), завершающее основной этап развития сибирского летописания. Исследователями сибирского летописания (Дергачева-Скоп, 1965, с. 145) она рассматривается как одна из составных частей того «моста», который, по словам С.Н. Азбелева, еще в конце XVII в. был проложен «между летописной формой исторического повествования и первыми исследовательскими работами XVIII века» (Азбелев, 1958, с. 283). Историческая наука, шагнувшая в это время значительно вперед, дала возможность автору сделать свой труд историографическим: он не просто компилировал, а критически сопоставлял версии своих разнообразных источников. Летопись составлена с использованием различных исторических, географических сочинений, записей самого И.Л. Черепанова, доведенных до 1756 г.

Памятник заключает в себе известия, почерпнутые из разных источников, которые в отдельном виде до нас не дошли или пока не найдены. Это, например, «Описание о сибирских народах» – не сохранившийся отдельно труд С.У. Ремезова, известный лишь по выпискам из него, приведенным Черепановым.

В летописи, занимающей более пятисот листов, рассматривается несколько типов событий: жизнеописание Ермака (в основном его походы, встречи со Строгановыми, продвижение вдоль рек Чусовой и Серебряной, сражения с Кучумом и царевичем Маметкулом), различные мирные договоры; церковная тема (Жития сибирских архиереев Иоанна (Максимовича), Филофея (Лещинского) и др., сказания о чудотворных иконах). Рассказывается о

строительстве сибирских городов – Сургута, Тюмени, Березова, Кузнецка, Красноярска, Томска и др.; о формировании властных структур, о сибирских народах – их происхождении, нравах, обычаях; о географических открытиях и заселении Сибири, например, о походах Ерофея Хабарова, Дмитрия Зиновьева, Семена Дежнёва и др. для создания эффекта достоверности. Приводятся статистические данные относительно природных богатств; описываются небесные знамения. По-видимому, Черепановым были привлечены материалы городских архивов – с их использованием описаны события, так или иначе связанные с Тобольском, главным административным центром Сибири: различные распоряжения от царского двора, списки воевод в городах, строительство церквей, смена архиереев.

Рукописная традиция Сибирской летописи И.Л. Черепанова

История изучения Летописи Черепанова рассмотрена в статье В.А. Мельничук (Мельничук, 2026). К приведенному в работе списку работ стоит добавить работу И.Л. Маньковой, в которой летопись рассмотрена как источник для реконструкции ландшафта Тобольска второй половины XVII в. (Манькова, 2025). Специальное исследование Черепановской летописи посвятил Л.А. Ситников, выполнивший археографический обзор известных в науке списков (Ситников, 1980). Им описаны ранние списки XVIII в.: список Пермского краеведческого музея XVIII в.[1], Музейный[2]; Мазуринский[3], список Тобольской духовной семинарии (не сохранился, но есть описание, выполненное Л.Н. Майковым). Исследователь описал также несколько списков XIX в.: рукопись, побывавшая в руках Н.М. Карамзина и принадлежавшая графу Н.П. Румянцеву[4]; Указы Екатерины II сибирскому губернатору, генерал-поручику Д.И. Чичерину и Черепановская летопись[5]; список, выполненный по распоряжению Н.И. Абрамова и выкупленный на рынке в Тобольске в 30-е гг. XX в.; список, сделанный в 1891 г. для Тобольского музея Е.В. Кузнецовым[6]; список, принадлежавший инженеру Колывано-Воскресенских заводов П.К. Фролову, который передал его Г.И. Спасскому, опубликовавшему отрывки из него; список, который в 1868 г. был привезен из Семипалатинска или Омска.

Сравнивая состав известий и разночтения в доступных списках, Л.А. Ситников выделил редакции памятника. К I он относит Пермский список, а также часть Мазуринского. Эти две рукописи, по мнению исследователя, имели общий протограф, при этом сложно сказать, что первичнее. Источники: печатное издание «Описания сибирского царства» Г.Ф. Миллера, Есиповская летопись, «Описание о поставлении городов и острогов», сведения об астрономических явлениях. По сравнению со списками I редакции, как отмечает исследователь, в Музейном списке есть пропуски слов, фрагментов предложений, что заставляет считать его вторичным. Он относится ко II редакции. Музейный список, по наблюдениям Л.А. Ситникова, близок больше к Мазуринскому, чем к Пермскому. I и II редакции отличаются тем, что II распространена за счет обильного привлечения историографических источников, среди которых статьи из журнала «Ежемесячные сочинения

[1] ПКМ № 16916/775 (далее – Пермский).
[2] РГБ, ф. 178 (Музейное собрание), № 2214.
[3] РГАДА, ф. 196 (Коллекция Ф.Ф. Мазурина), № 1542, т. 1; №1543, т. 2.
[4] РНБ, ф. 550 (ОСРК), F.IV.324.
[5] РГБ, ф. 205 (собр. ОИДР), № 232.
[6] ТИАМЗ КП 12531.

к пользе и увеселению служащие». Часть Мазуринского списка, названная II редакцией, после дополнения комплексом статей, переписанных почерками II и V, приобрела вид третьей редакции. Для состава этой редакции характерно привлечение актовых, документальных источников. В конце 80-х, а скорее, в начале 90-х, Черепанов делит Мазуринский список на две части, переплетает его. Так появляется IV редакция. Если II и III редакции заканчивались послесловием, то в самый конец IV редакции Черепанов вносит статью «Открытие наместничества в Тобольску 2 сентября 1782 году». Наконец, еще один список XVIII в. Черепановской летописи – Семинарский, не включивший в себя «Предисловие» и «Послесловие», отнесен исследователем к V редакции (Ситников, 1980, с. 166–172).

Новонайденный список Сибирской летописи И.Л. Черепанова

В настоящей работе рассмотрен Архивный список Черепановской летописи, не привлекавшийся ранее к исследованию рукописной традиции памятника. Он хранится в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН[7]. Рукопись формата in folio, на 251 л., в картонном переплете, покрытом мраморной кожей. Писана на белой книжной бумаге ручной выделки второй половины XVIII в., отечественного производства. Филиграни: 1) герб Ярославской губернии (тип 3) // ЯФЗ (Клепиков, 1959, № 787 – 1750, 1752): лл. 1–38, 57–68, 143–146; 2) герб Ярославской губернии // ЯМЗ (Клепиков, 1959, № 762 – 1753 г.): лл. 39–56, 69–72, 78–83, 106, 11, 112–142, 153–164, 170–174; 3) СТ // ФМ (Клепиков, 1959, № 746 – 1763 г.): лл. 73–77, 84–105, 107–110, 147–152, (на лл. 149, 150 с деформированной бумажной формы: СТ//М), 193, 241, 242, 245, 246, 247, 248, 249; 4) СТ в фигурной рамке ФМ в фигурной рамке (Клепиков, 1978, № 744 – 1758 г.): лл. 165–169, 175; 5) РФ (лигатура) К (все в круге) // ПР (в круге) (Клепиков, 1959, № 509 – 1762, 1767): лл. 175–187, 190–192, 194; 6) РФ ФК (лигатура) // «1779 года» (Участкина, № 398): л. 188; 7) литеры «ФМВ» (фрагмент) (л. 244); 8) герб Ярославской губернии (тип 4) // ЯМАЗ (Клепиков, 1959, № 748 – 1763–1766 гг.): лл. 243, 250–251.

Рукопись писана скорописью середины XVIII в. нескольких рук, в том числе почерком И.Л. Черепанова, часть параграфов переписана характерной скорописью писца Музейного списка[8]. В рукописи множество следов правки: в основном она вносилась поверх вычищенного старого текста, но на части листов – над строкой или на полях[9].

На листах рукописи множество помет и записей типа пробы пера и хозяйственного характера («брано муки пшеничные 12 пудов»), сделанных скорописью разных рук середины XIX в.[10] В записях упоминается крестьянин Михайло Васильев из деревни Яремино Романово-Борисоглебского уезда Ярославской губернии[11], а также дата – «1843 г.», что указывает на место бытования рукописи в XIX в.

[7] СПбИИ РАН, кол. 238 (коллекция Н.П. Лихачева), оп. 1, ед. хр. № 494 (далее – Архивный список).
[8] Там же. Л. 243–243 об., 250.
[9] Там же. Л. 241, 241 об., 242, 245–247.
[10] Там же. Л. 1, 5. 6 об., 49, 49 об., 56 об., 57 об., 70, 72, 79 об., 80, 82 об., 87 об., 96, 99–99 об., 104, 108, 108 об., 109 об., 112 об., 117, 117 об., 119, 119 об., 120, 125, 125 об., 137, 137 об., 139, 139 об., 142 об., 147 об., 148, 148 об., 153 об., 154 об., 155 об., 156 об., 157 об., 161 об., 163 об., 164, 164 об., 167 об., 168 об., 171, 171 об., 174 об., 176 об., 180 об., 187 об., 190 об., 194 об., 195 об., 197, 197 об., 198, 198 об., 203 об., 204 об., 205 об., 207 об., 209 об., 210, 211 об., 214 об., 215, 216 об., 223, 223 об., 227, 227 об., 228 об., 240 об., 251 об.
[11] Там же. Л. 198 об.

Родословие Ермака в Архивном списке Летописи И.Л. Черепанова

Повествование в Архивном списке – как и во всех остальных, кроме Пермского, имеющего утрату листов в начале, – начинается с рассказа о происхождении Ермака. При сопоставлении, например, с Музейным списком, оно более кратко представляет события. В частности, меньше деталей содержится про деда Афанасия. В Архивном о нем говорится кратко: «Дед его был суждалец и посадской человек, жил в нищете, от хлебной скудости сошел в Володимер, именем его звали Афонасей Григорьев сын Аленин, и тут воспитал двух сынов: Родиона да Тимофея, кормился извозом и был из найму в подводах на муромских лесах и пойман, сидел в тюрьме, оттуда бежал с женою и з детми»[12]. В Музейном списке приведены некоторые подробности, например, сказано, что дед Ермака воспитывал детей во Владимире, что он некоторое время пребывал в муромских лесах, поясняется, почему он вынужден был переехать в «Поволжский уезд»: «…: Дед его был города Суздаля посадской человек, а жил в великой скудости и искал своей нищете перемены, старался сыскать себе пропитание, того ради перешел он в город Володимер. Именем ево звали Афонасей Григорьев сын, а прозванием Аленин. И тут в Володимере вскормил он двух сынов, которых именами звали перваго Родионом, а другова Тимофеем, и с ними кормился извозом. И в некоторое время оной Афанасей был из найму в подводах у некоторых воров на муромских лесах, и с ними пойман, сидел в тюрме. И по случаю из оной тюрьмы бежал, а более в городе жить ему было нельзя, то он взял с собой жену и детей, с ними переехал в уезд Повольской, и там вскоре умер»[13].

В другом фрагменте в Музейном списке содержатся характеристики Ермака, которых нет в Архивном; сказано об одаренности героя от природы; о том, что его артель умножилась до знатного числа: «После той работы принял смелость и прибрав дружину себе малую и пошел от работы на розбой, и от них назвался атаманом, и прозван Ермаком. Ермак сказуется дорожной артелной таган, а по-волски жерновной рушной камень»[14]; «И от той работы вступил он в такую (еще ево к тому *природа одаровала),* прибрал к себе прежде неболшую артель и с тою пошел он от работы на разбои, артельщики видели ево смелость и проворство – для того по выбору назвали ево атаманом, а потом *артель ево*, или лутче сказать шайка разбойническая, так *до знатнаго числа умножилася.* Еще когда он находился в работе на судах, тогда он Василей назван был от товарищев Ермаком для ево оказаных услуг при варении артелной каши, а Ермак по-их назывался дорожной артелной таган, либо по волскому наречию также ермаком жерновой ручной камень называется, которым знаменованием теж ево к артелям услуги показывает»[15].

Первая годовая статья Архивного списка относится к 1577 г., под которым очень кратко излагаются события, освещенные в Музейном более подробно в разделе «Предъуведомление». Рассказывая о том, как Ермак начал чинить разбои (с 1572 г.) при державстве государя царя и великого князя Иоанна Васильевича, собрав отовсюду беглецов, книжник – автор Архивного списка не приводит комментарии, которые читаются в Музейном: казаки «безрассудной своей

[12] Там же. Л. 1. Авторский текст в статье передается кириллическим шрифтом с заменой всех букв, вышедших из употребления; слова под титлами раскрываются на основе современной орфографии; особенности орфографии сохранены. Принцип пунктуации и использование прописных букв – современный.
[13] РГБ, ф. 178 (Музейное собрание), № 2214. Л. 5.
[14] СПбИИ РАН, кол. 238 (коллекция Н.П. Лихачева), оп. 1, ед. хр. № 494. Л. 1.
[15] РГБ, ф. 178 (Музейное собрание), № 2214. Л. 5 об.

дерзостью так осмелились, что уже и чужестранных послов … грабили», казаки пришли к Строгановым «не с такими разбойническими поступками, какие они на реке Волге чинить … однако же и не со всех так смирно, чтоб сих гостей опасатися причины не было»[16]. Автор Музейного пишет о том, что Строгановы, опасаясь от Ермака худых следствий, приятно его приняли.

Особенности состава известий в Архивном списке

Архивный список, представляющий, как можно судить по набору водяных знаков, ранний этап в рукописной традиции Летописи И.Л. Черепанова, имеет смысл сравнить в первую очередь с другими близкими ему по времени, в первую очередь с Пермским. Этот список по филиграням датирован Л.А. Ситниковым началом 1760-х гг. (Ситников, 1980, с. 157) и отражает первую редакцию по предложенной исследователем классификации.

Часть разночтений между списками носит механический характер, скорее всего, они вызваны невнимательностью писца или дефектами оригинала, либо же нехваткой бумаги, выделенной под каждую годовую статью. Так, наблюдаются отличия в расположении параграфов внутри годовых статей (например, статьи 1602, 1639, 1646, 1649 г.). Сюда же можно отнести обрывы текста в статьях 1605, 1626, 1646, 1664 гг., где перечни поставленных в сибирские города воевод в Пермском списке оказываются полнее, чем в Архивном, в котором писцу не хватило выделенного места на листах. Также в Архивном списке совершенно отсутствуют статьи за 1620, 1634 и 1667–1713 гг.

Гораздо больший интерес представляют расхождения двух списков в составе годовых статей. Их обнаруживается не так много, но они явно свидетельствуют о том, что Пермский список отражает более раннее состояние текста, тогда как Архивный содержит дополнительные параграфы и даже целую добавленную годовую статью.

Речь идет о статье 1638 г. В Пермском списке (а также в Музейном) она состоит только из одного параграфа – о вызове в Москву из Тобольска воеводы Михаила Темкин-Ростовского. В то же время в статье за 1638 г. Архивного списка первый параграф совпадает с другими ранними списками, однако после него помещены еще три, посвященные известиям о Восточной Сибири: походу енисейского десятника Елисея Бузы до устья реки Яны, сведениям о реке Амуре, добытым томскими казаками и енисейским атаманом Максимом Перфильевым от тунгусов, а также о неудачном посольстве Василия Старкова и Степана Неверова к Алтын-хану – правителю монгольского Хотогойтского ханства.

Далее внутри статьи 1641 г. вклеен один лист[17] с еще одним вариантом статьи 1638 г. Ее первый параграф также сообщает об отъезде в Москву тобольского воеводы М.М. Темкина-Ростовского, а второй, написанный другим почерком, весьма близким к тому, который Л.А. Ситников атрибутировал самому Ивану Черепанову (Ситников, 1980, с. 164), посвящен описанию печатей сибирских городов и острогов (Тобольска, Верхотурья, Березова, Мангазеи, Тары, Тюмени, Туринска, Пелыма, Сургута, Томска, Енисейска, Кетска, Нарыма,

[16] Там же. Л. 6.
[17] СПбИИ РАН, кол. 238 (коллекция Н.П. Лихачева), оп. 1, ед. хр. № 494. Л. 193–193 об.

Красноярска, Кузнецка, Иркутска, Илимска, Якутска), утвержденных грамотой Михаила Федоровича от 6 февраля [7]143 (1635) г.[18]

В ряде статей за вторую половину XVII в. в составе Архивного списка также обнаруживаются добавленные параграфы с известиями, касающимися Иркутска и Восточной Сибири, которые отсутствуют в Пермском. Статья 1652 г. в Пермском состоит только из одного параграфа, тогда как в Архивном она включает и четвертый, явно вписанный позже на свободном месте листа[19]. В нем сообщается об отправке из Тобольска в посольство «в Мунгалскую землицу» сына боярского Ерофея Заболоцкого и его убийстве бурятами за Байкалом «близ Прорвы», где впоследствии был основан монастырь, названный Посольским[20]. В статье 1653 г. в Архивном списке добавлен § 5 – о походе енисейского сотника Петра Бекетова через Байкал до реки Шилки и основании Нерчинского острога. Внесенный в более позднее время параграф под номером 5 читается и в статье 1665 г.: здесь рассказано об основании Селенгинского острога пятидесятником Гаврилой Ловцовым и десятниками Любимом Федоровым и Осипом Васильевым.

Отметим, что эти добавленные параграфы Архивного списка отсутствуют и в другом представителе ранней рукописной традиции летописи – Музейном списке. Вместо них там читаются: в статье 1652 г. – 3 параграфа об экспедициях Семена Дежнева в низовья Анадыря, пятидесятника Ивана Реброва на Колыму и десятника Никиты Прокопьева на Амур с приложением географического описания бассейна реки, в статье 1653 г. – параграфы 5–7 снова посвящены известиям о Приамурье; статья 1665 г. соответствует по составу Пермскому списку и не содержит дополнительных параграфов.

Редактирование известий в Архивном списке

Выше, в кратком описании Архивного списка была отмечена редакторская правка некоторых параграфов, которую можно соотнести, судя по почерку, с работой самого И.Л. Черепанова. Приведем в табл. два примера такой переработки лаконичных летописных известий в более пространный рассказ, в который вводятся новые детали.

Таблица / Table

Правка известий в Архивном списке
Edition of chronicle entries in the Archival copy

Пермский список	Архивный список

[18] Вероятно, И. Черепанов использовал для этого параграфа документ, известный по «Описи спискам Тобольской архивы» Г.Ф. Миллера, – «Роспись государевым царевым и великого князя Михайла Федоровича сибирским печатям, какова в котором городе или в остроге и что на которой вырезано и на ней подписано» (Актовые источники по истории России и Сибири, 1993, с. 187), а под 1638 г. разместил потому, что в статье был только один параграф и оставалось более чем полтора чистых листа.

[19] СПбИИ РАН, кол. 238 (коллекция Н.П. Лихачева), оп. 1, ед. хр. № 494. Л. 210 об.

[20] Ныне – Посольский Спасо-Преображенский монастырь Улан-Удэнской епархии Бурятской митрополии Русской Православной Церкви.

1714 г., § 2: Из Якуцка послан в Анадырской острог прикащиком дворянин Афанасей Петров и походом из Анадырского и казаками по дороге Камчатской от немирных иноземцов Олюторской острог земляной взял боем и построил новой деревянной острог *(л. 273)*	*1714 г., § 2:* Из Якуцка послан в Анадырский острог прикащиком дворянин Афанасей Петров. По прибытии свое[м] в Анадырско[й] собра[л] команду казаков и с ними вступ[ил] в поход из Анадырского по дороге Камчатской для усмирения бунтующих олюторцов и встреч[аю]щихся их всех побеждал и засе[дших в] Олюторском остроге в земляном взял приступом, и по покорении их из главных взял аманатов и построил новой деревянной острог, а после того в нем оставил неск[ольких] казаков вместо г[…] обжидал из Камчатскаго острога [сбор]щиков с ясашною казкою *(л. 241)*
1715 г., § 2: По указу правителствующаго Синода определено быть в Сибирской епархии преждебывшему митрополиту Филофею, которой посхимился и имя ему в схимонашестве наречено Феодором и трудился в проповеди Слова Божия в Остяцкой стране он преосвященный схимонах Феодор и принял вторично Сибирской епархии в Тоболску престолоправление духовных дел *(л. 274)*	*1715 г., § 2:* По указу Святейшаго правителствующаго Синода в Тоболск на место умершаго митрополита Иоанна определен в Сибирскую епархию преждебывшей митрополит Филофей, которой для бывшей ему болезни оставя епархию посхимился и имя ему в схимонашестве наречено Феодор, по облехчению от болезни трудился в проповеди Слова Божия в Остяцкой стране, о чем уже в прошедших летах [по]мянуто. Он преосвященный схимонах Феодор и принял вторично Сибирской епархии в Тоболску и вступил в престолоправление духовных дел *(л. 242)*

Комплекс иркутских известий в Архивном списке

Интерес представляет еще одна характерная особенность Архивного списка – введение иркутских известий XVIII в. в годовые статьи 1715, 1716, 1717 гг. Их исследование позволяет поставить вопрос об их отношения к известным ранним иркутским летописным источникам. Древнейшая сохранившаяся редакция относится к 1763 году, она дошла до нас в списке, близком к этой дате. Летопись 1763 г.[21] года продолжена в других списках до 1776 г.[22], 1781

[21] ИрГУ 9/57, ф. ВСОРГО, № 31217
[22] ТИАМЗ, № 7164

г.[23], 1794 г.[24] При этом изложение не просто копируется, но подвергается некоторой обработке. В летописях 1776 и 1781 гг. устаревшие выражения заменены на более современные. В списке 1776 г. много новых известий о строительстве и освещении церковных зданий, в списке 1781 г. эти сведения внесены в основной текст. В списке 1794 г. есть несколько новых сообщений о городских происшествиях до 1763 г. (Очерки русской литературы Сибири, 1982, с. 175).

В статье 1715 г. и в Архивном, и в Мазуринском списках сообщается о приезде китайских послов, встрече их подполковником Ступиным, прибытии в Иркутск целовальников с китайским караваном, приезд из Москвы князя Александра Долгорукого, фиксируется смерть Григория Осколкова.

О целенаправленном интересе составителя Архивного списка к Иркутску свидетельствует подборка выписок о распространении в окрестностях Байкала пушного (соболя, белки) и морского (нерпы) зверя и ценах на него в Иркутске[25]. Эти выписки выбраны из февральского, мартовского и апрельского выпусков «Ежемесячных сочинений к пользе и увеселению служащих» за 1756 г., в которых печаталось «Продолжение Описания о сибирских торгах» Г.Ф. Миллера.

В статье 1717 г. в Архивном и Мазуринском списках совпадают известия о купце Василии Иванове: о его поездке для торговли в Сургут, объясняется, что он за каким-то препятствием не был в Китае; сказано о приезде Андрея Позднякова с сообщением о рождении царевны Маргариты Петровны. В Архивном списке имеются сообщения, отсутствующие в Мазуринском списке: о приезде из Тобольска полковника Якова Елчина, о наборе им в свою команду боярских детей и детей из казаков, отъезде в Якутск; о строительстве церкви Воздвижения Креста. Эти известия читаются также в списках иркутских летописей XVIII в.[26] Сообщение о приезде Федора Юринского изложено подробнее в Мазуринском списке: «Отправленной в Китайское государство с караваном купец Федор Юринской принимал в Иркутску корованную мяхкую рухлядь и сам он ездил для тогожь приему в города Мангазею и Якутск»[27]. В Архивном списке сказано более лаконично: «Отправленной в Китай купчина Федор [Ю]ринской приимать корованную казну из Иркутска сам он ездил в Манг[азею] и Якутск»[28].

Неясен источник сообщения, содержащего детальное описание городовой стены, построенной от каменной Спасской церкви. Оно отсутствует в просмотренных нами списках иркутских летописей: Списке Сибиряковых, Летописи Губернского города Иркутска, Тобольском списке, списке БАН: «На погорелом месте в Иркутску построен вновь деревянной город, начата городовая стена от каменной Спаской церкви четвероуголно с тремя по углам и двумя в середине западной и восточной стен башнями и двоими воротами: одне под показанною башнею с восточной стороны, а другие – в северной стене. Длиною северная и полуденная стороны по 69, восточная и западная стороны 64½ сажени вышиною стены 3

[23] РГАДА, ф. 183. № 60.
[24] БАН 1.5.90.
[25] СПбИИ РАН, кол. 238 (коллекция Н.П. Лихачева), оп. 1, ед. хр. № 494. Л. 243–243 об.
[26] БАН, 1.5.90 (1794 г.) и ТИАМЗ, № 7164 (1776 г.).
[27] РГАДА ф. 196 (Коллекция Ф.Ф. Мазурина), № 1543, т. 2. Л. 179.
[28] СПбИИ РАН, кол. 238 (коллекция Н.П. Лихачева), оп. 1, ед. хр. № 494. Л. 250 об. – 251.

сажени, 5 футов. Около той крепости рва не было. Северною стороною стоит по берегу реки Ангары, в которой стене каменная канцелярия и деревянной губернаторской дом, в полуденной – помянутая каменная Спаская церковь. Внутри строения деревяннаго: обвахта, шетная, канцелярия, рентерея, артилерийской цегаус и каменной пороховой погреб»[29].

Отметим интерес И.Л. Черепанова к подробному описанию городской стены. Он вполне согласуется со строительной деятельностью Черепанова: известно, что в марте 1769 г. он руководит возведением Омского кафедрального собора, к 1780-м гг. относятся его архитектурно-художественные работы на юге Сибири. В 1781 г. он заключает подряд на изготовление и роспись иконостаса в Петропавловске, тогда же приглашен для работы в Ямышевскую крепость, к 1788 г. относится работа в Бийской крепости по возведению церкви и т.п. (Ситников, 1980, с. 174–175).

Добавим к этому, что в Мазуринском списке под 1661 г. помещен чертеж города Тобольска. Он сопровожден перечнем 46 объектов, отмеченных на чертеже с записью: «При строении городовом в сем лете сообщается тех времен настоящий план». Сравнение с чертежами С.У. Ремезова, явившимися обобщением географических открытий XVII в. из Хорогафической чертежной книги Сибири, выявляет разницу в изображении города. Ремезов расширяет пространство, уменьшая масштаб Тобольска, тогда как Черепанов крупным планом дает именно город, что симптоматично. Детальное описание городской стены может трактоваться в контексте символики, нагруженной важными еще для средневекового сознания смыслами [30], направленной на локализацию города в пространственно-временных координатах. Возможно, такое внимание жителя Тобольска И.Л. Черепанова к Иркутску вызвано также образованием Иркутской губернии в 1764 г. Его интересовало появление в Сибири еще одного центра, связанного с Тобольском (не только в административном отношении, но через личность святителя Филофея (Феодора) (Лещинского) и в церковном плане.

Заключение

Вводимый в научный оборот Архивный список относится к самым ранним этапам рукописной традиции Сибирской летописи И.Л. Черепанова. Однако он не представляет первую редакцию в чистом виде, как показывает сравнение состава известий с Пермским списком. Его основная часть была переписана в конце 1750-гг., позднее, видимо, к рукописи были подшиты листы на бумаге более поздней выделки (1760-е гг.). Работа по правке и дополнению годовых статей Архивного списка шла, по всей видимости, независимо от создания редакции, представленной Музейным списком, который уже не содержал отдельной статьи 1577 г. – ее материал был помещен в «Предуведомлении», а также был дополнен

[29] СПбИИ РАН, кол. 238 (коллекция Н.П. Лихачева), оп. 1, ед. хр. № 494. Л. 251.

[30] «Следует сказать об особом значении городской стены в сознании древнерусского человека. Не вызывает сомнений ее сакральная роль. Это представление идет из глубины веков … Такое восприятие было со временем перенесено на городскую стену, защищавшую местные святыни» (Курбатов, Фролов, Фроянов, 1988, с. 295). Включение Иркутска и Прибайкалья в хронотоп истории Сибири в составе России выступает на первый план уже в первом добавленном в Архивный список иркутском известии в статье 1652 г. об основании на месте убиения Николая Заболоцкого – направленного из Тобольска посланника – монастыря, впоследствии получившего имя Посольского. Это способствовало сакрализации самой его миссии, а через нее и места основания города.

известиями об освоении русскими Чукотки и Приамурья в статьях за 1650-е гг., которые отсутствуют в Архивном списке. Важнейшим дополнением стал комплекс иркутских известий, а также заимствованный из какой-то другой рукописи второй параграф статьи 1638 г. с описанием печатей сибирских городов и острогов. Часть иркутских известий представляет собой оригинальные сообщения, не известные по другим памятникам сибирского летописания XVIII–XX вв. Установление их источников и поиск взаимосвязей с традицией иркутского городового летописания представляется перспективным направлением исследования. Таким образом, рассмотренный в статье список можно оценить как уникальный источник – черновую рукопись, позволяющую составить представление о последовательности и характере работы летописца.

Список источников / References

1. Азбелев, С.Н. (1958). Развитие летописного жанра в Новгороде в XVII в. Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л, 15, 251–283.
   Azbelev, S.N. (1958). Evolution of chronicle genre in Novgorod in the 17th c. Proceedings of the Department of Old Russian Literature. 15, 251–283. (In Russ.).
2. Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г.Ф. Миллера (1993). Т. 1. Новосибирск.
   Acts and documents relating to Russian and Siberian history of 16th–18th centuries in G.F. Müller’s archives (1993). Vol. 1. (In Russ.).
3. Дергачева-Скоп, Е.И. (1965). Из истории литературы Урала и Сибири 17 века. Свердловск.
   Dergacheva-Skop, E.I. (1965). From the history of the Ural and Siberia of the 17th century. Sverdlovsk. (In Russ.).
4. Клепиков, С.А. (1959). Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М.
   Klepikov, S.A. (1959). Watermarks and stamps on paper of Russian and foreign production of the XVIII–XX centuries. M. (In Russ.).
5. Клепиков, С.А. (1978). Филиграни на бумаге русского производства XVIII – начала XX века. М.
   Klepikov, S.A. (1978). Watermarks on paper of the Russian production of 18th – early 20th centuries. Moscow. (In Russ.).
6. Курбатов, Г.Л., Фролов, Э.Д., Фроянов, И.Я. (1988). Христианство: Античность, Византия, Древняя Русь. Ленинград.
   Kurbatov, G.L., Frolov, E.D., Froyanov, I.Ya. (1988). Christianity: Classical Antiquity, Byzantium, Old Russia. Leningrad. (In Russ.).
7. Манькова, И.Л. (2025). Чертеж из «Летописи Сибирской» Ивана Черепанова как источник для реконструкции культурного ландшафта Тобольска второй половины XVII в. Историческая география. 4 (3), 36–51. https://doi.org/10.58529/2782-6511-2025-4-3-36-51

Mankova, I.L. (2025). A Drawing from the Cherepanov Chronicle as a Source for Reconstructing the Cultural Landscape of Tobolsk in the Second Half of the 17th Century. Historical Geography Journal. 4 (3), 36–51. (In Russ.). https://doi.org/10.58529/2782-6511-2025-4-3-36-51

8. Мельничук, В.А. (2026). Предисловие в Сибирской летописи Ивана Черепанова: авторская концепция истории. Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 25. М., 719–743. https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2026-25-719-743
   Melnichuk, V.A. (2026). Preface in the Siberian Chronicle by Ivan Cherepanov: Author's Concept of History. Hermeneutics of Old Russian Literature. Iss. 25. Moscow, 719–743. (In Russ.). https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2026-25-719-743
9. Очерки русской литературы Сибири. Т. 1: Дореволюционный период. (1982). Новосибирск.
   Essays on Russian literature of Siberia. Vol. 1. Pre-Revolutionary period. (1982). Novosibirsk. (In Russ.).
10. Ситников, Л.А. (1980). Археографический обзор списков Черепановской летописи. Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 154–175.
    Sitnikov, L.A. (1980). Archaeographic review of the copies of Cherepanov's Chronicle. Siberian Source Studies and Archaeography. Novosibirsk, 154–175. (In Russ.).
11. Uchastkina, Z.V. (1962). A history of Russian hand paper-mills and their watermarks. Hilversum.

Приложение / Appendix

1. РГБ, ф. 178 (Музейное собрание), № 2214. Сибирская летопись Ивана Леонтьевича Черепанова. Третья четверть XVIII в. 510 л.
RSL (Russian State Library), f. 178 (Museum Collection), no. 2214. Siberian Chronicle by Ivan Cherepanov. Third quarter of the 18th c. 510 f.
2. ПКМ № 16916/775. Летопись тобольская. 323 л.
PLHM (Perm Local History Museum), no. 16916/775. Tobolsk Chronicle. 323 f.
3. СПбИИ РАН, колл. 238 (коллекция Н.П. Лихачева), оп. 1, д. 494. Летопись Сибирская Черепановская (1577–1718). Вторая половина XVIII в. 251 л.
SPbIH RAS (St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences), coll. 238 (N.P. Likhachev's collection), inv. 1, no. 494. Siberian Cherepanov Chronicle (1577–1718). Second half of the 18th century. 251 f.
4. РГАДА, ф. 196 (Коллекция Ф.Ф. Мазурина), оп. 1, № 1542, т. 1. Летопись Сибирская (1572–1680). 335 л.
RSAAA (Russian State Archive of the Ancient Acts), f. 196 (F.F. Mazurin's collection), inv. 1, no. 1542. Vol. 1. Siberian Chronicle (1572–1680). 335 f.
5. РГАДА, ф. 196 (Коллекция Ф.Ф. Мазурина), № 1543, т. 2. Летопись Сибирская (1681–1760). 378 л.
RSAAA (Russian State Archive of the Ancient Acts), f. 196 (F.F. Mazurin's collection), inv. 1, no. 1543. Vol. 2. Siberian Chronicle (1681–1760). 378 f.

6. РНБ, ф. 550 (ОСРК), F.IV.324. Сибирская летопись. Первая четверть XIX в. 214 л.
RNL (Russian National Library), f. 550, F.IV.324. Siberian Chronicle. First quarter of the 19th c. 214 f.
7. РГБ, ф. 205 (собр. ОИДР), № 232. Сборник сибирский (Указы Екатерины II Сибирскому губернатору, генерал-поручику Д.И. Чичерину и Черепановская летопись). 220 л.
RSL (Russian State Library), f. 205 (collection of the Society of the Russian history and antiquities). Siberian miscellany (Decrees of Catherine 2nd to Siberian governor, general-lieutenant D.I. Chicherin and Cherepanov's Chronicle). 220 f.
8. ТИАМЗ КП 12531. Летопись Сибирская тобольского ямщика Ивана Черепанова. 1891 г. 462 с.
THAMR (Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve) KP 12531. Siberian Chronicle by Tobolsk coachman Ivan Cherepanov. 1891. 462 p.

Информация об авторах

Валентина Александровна Мельничук, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории археографии и источниковедения, доцент кафедры источниковедения литературы и древних языков Гуманитарного института, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0009-0000-5379-2898, meln@g.nsu.ru

Василий Вячеславович Подопригора, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела редких книг и рукописей, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8655-3217, podoprigora@spsl.nsc.ru

Information about the authors

Valentina A. Melnichuk, Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Archeography and Source Studies Laboratory, Associate Professor of the Department of Ancient Languages and Literature Source Studies, Institute of Humanities, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0009-0000-5379-2898, meln@g.nsu.ru

Vasiliy V. Podoprigora, Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Department of Rare Books and Manuscripts, The State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8655-3217, podoprigora@spsl.nsc.ru

Вклад авторов

Мельничук В.А. — идеи исследования; историография; текстологическое исследование родословия Ермака и известий XVIII в.; аннотирование, написание и оформление рукописи; сбор и анализ данных, формулировка результатов исследования.

Подопригора В.В. — археографическое описание; текстологическое исследование известий XVII в.; аннотирование, написание и оформление рукописи; сбор и анализ данных; формулировка результатов исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Valentina A. Melnichuk — ideas; historiography; textual study of the genealogy of Yermak and the chronicle entries of the 18th c.; annotation, writing and design of the manuscript; data gathering and analysis; formulation of research results.

Vasiliy V. Podoprigora — archaeographic description; textual study of the genealogy of the chronicle entries of the 17th c.; annotation, writing and design of the manuscript; data gathering and analysis; formulation of research results.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 01.08.2026
Поступила после рецензирования 28.08.2026
Принята к публикации 10.09.2026
Опубликована 30.09.2026

Received 2026.08.01
Revised 2026.08.28
Accepted 2026.09.10
Published 2026.09.30

Язык и текст
2026. *13*(3), 101–116.
https://doi.org/10.17759/langt.2026130309
ISSN 2312-2757 (online)

Language and Text
2026. *13*(3), 101–116.
https://doi.org/10.17759/langt.2026130309
ISSN 2312-2757 (online)

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ | WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

Научная статья | Original paper

«Дума» М.Ю. Лермонтова в контексте историко-литературного процесса: смысл заглавия и память жанра

А.Л. Сахарчук✉
Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация
✉ sakharchukann@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления поэтики заглавия стихотворения М.Ю. Лермонтова «Дума» в контексте литературного процесса 1810–1840-х годов, общественных споров о судьбе России и эволюции поэтической системы Лермонтова. Особый интерес представляет переосмысление традиции «думы», связанной с исторической и народно-поэтической традицией К.Ф. Рылеева и получившей развитие в творчестве А.В. Кольцова и И.С. Тургенева. **Целью** исследования является выявление специфики заглавия «Думы» с учетом историко-культурного контекста, литературной традиции и развития поэтики позднего Лермонтова. **Материалы и методы.** Материалом исследования стали стихотворение М.Ю. Лермонтова «Дума», одноименные произведения К.Ф. Рылеева, А.В. Кольцова и И.С. Тургенева, а также «Казачья колыбельная песня» и «Молитва» Лермонтова. Использованы историко-литературный, сопоставительный методы и подходы к анализу поэтики заглавия. **Результатом** исследования стало выявление смысловых акцентов заглавия «Дума», связывающих произведение с традицией исторической и гражданской думы, романтической медитацией и народно-поэтической традицией. Установлено, что Лермонтов переосмысливает жанровую номинацию в связи с темами судьбы поколения, национальной общности и нравственно-религиозных ориентиров. **Выводы.** Заглавие «Дума» определяет характер трагического размышления о современном поколении и одновременно задает обращенность к читателю. Сопоставление со стихотворениями «Казачья колыбельная песня» и «Молитва» позволяет рассматривать эти произведения как условный жанровый триптих, объединенный темой национальной общности и духовного поиска. В «Думе» Лермонтов переосмысливает традицию жанра, соединяя элегическое, сатирическое и риторическое начала.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, «Дума», «Казачья колыбельная песня», «Молитва» (1839), поэтика заглавия, религиозно-символическая

© Сахарчук А.Л., 2026

CC-BY-NC

направленность, философская лирика, творческая концепция М.Ю. Лермонтова, стратегия озаглавливания

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 26-18-00293, https://rscf.ru/project/26-18-00293/.

Для цитирования: Сахарчук, А.Л. (2026). «Дума» М.Ю. Лермонтова в контексте историко-литературного процесса: смысл заглавия и память жанра. *Язык и текст*, *13*(3), 101—116. https://doi.org/10.17759/langt.2026130309

M.Yu. Lermontov's "Duma" in historical and literary context: the title and genre memory

A.L. Sakharchuk✉
State University of Education, Moscow, Russian Federation
✉ sakharchukann@gmail.com

Abstract

Context and relevance. The relevance of this study lies in the need to examine the poetics of the title of Mikhail Lermontov's poem *Duma* ("The Thought") the literary process of the 1810s–1840s, contemporary debates on Russia's historical destiny, and the development of Lermontov's poetic system. Particular attention is paid to the reinterpretation of the *duma* tradition, associated with the historical and folk-poetic tradition of Kondraty Ryleev and further developed in the works of Alexey Koltsov and Ivan Turgenev. The **aim** of this study is to identify the specific features of the title *Duma* with regard to its historical and cultural context, literary tradition, and the development of Lermontov's late poetic style. **Materials and methods.** The study examines Lermontov's poem *Duma*, poems with the same title by Ryleev, Koltsov, and Turgenev, as well as Lermontov's *The Cossack Lullaby* and *Prayer*. The study employs historical-literary and comparative methods, along with approaches to the analysis of title poetics. **Results.** The study identifies the semantic emphases of the title *Duma*, which connect the poem with the traditions of the historical and civic *duma*, Romantic meditation, and folk poetry. Lermontov's reinterpretation of the genre designation is shown to be associated with the themes of the fate of his generation, national community, and moral and religious values. **Conclusions.** The title *Duma* establishes the poem's mode of tragic reflection on the contemporary generation while also addressing the reader directly. Comparison with *The Cossack Lullaby* and *Prayer* makes it possible to regard these poems as a conventional generic triptych united by the themes of national community and spiritual quest. In *Duma*, Lermontov reinterprets the genre tradition by combining elegiac, satirical, and oratorical elements.

Keywords: Mikhail Lermontov, Duma, The Cossack Lullaby, Prayer (1839), title poetics, religious and symbolic orientation, philosophical poetry, Lermontov's creative concept, titling strategy

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number 26-18-00293, https://rscf.ru/en/project/26-18-00293/.

For citation: Sakharchuk, A.L. (2026). M.Yu. Lermontov's "Duma" in historical and literary context: the title and genre memory. *Language and Text, 13*(3), 101—116. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/langt.2026130309

Введение

Актуальность исследования поэтики заглавия стихотворения М.Ю. Лермонтова «Дума» лежит в плоскости разрешения парадокса широкой известности проблематики, связанной с интерпретацией жанровой природы произведения, аккумулировавшей множественные представления об использовании автором синтеза стилей, однако недостаточно глубоко фокусирующейся при этом на возможных истоках творческих интенций собственно озаглавливания произведения: с учетом общественного и литературного процессов эпохи, специфических обстоятельств его создания и мировосприятия поэта, достигшего своей поэтической зрелости. Вместе с тем, «думская» тематика, связанная с размышлениями о судьбе России и ее месте в мире (ее истоки наиболее рельефно прослеживаются в цикле исторических дум декабриста К.Ф. Рылеева), представленная в поэтических и публицистических сочинениях разных авторов (А.В. Кольцова, И.С. Тургенева и др.), представляет особый интерес в контексте своего влияния на литературный процесс эпохи. Настроенность на осмысление судьбы России и роли в ней «думающего поколения» становится одной из центральных литературных тем 1830-х гг.; как замечал Б.М. Эйхенбаум: «Основные мотивы «Думы» характерны не для одного Лермонтова: это мотивы эпохи» (Эйхенбаум, 1961, с. 109). Анализируя жанровую эволюцию лирики позднего Лермонтова, исследователь писал: «Он ученик и наследник декабристов, но не их эпигон. Все его усилия направлены на то, чтобы, овладев традицией, найти самостоятельный и новый путь», обозначив, таким образом перспективу интерпретации заглавия «Думы» в широком историко-поэтическом контексте. В обозначенном ключе интерпретации представляется оправданным выдвижение *гипотезы* о том, что углублению понимания авторского замысла и своеобразия жанровой природы «Думы» может способствовать фокусирование на смысловых акцентах, реализованных в заглавии произведения, с учетом литературного процесса эпохи и историко-культурных аспектов создания произведения. Важно при этом не выпускать из внимания то обстоятельство, что тематическая направленность творчества Лермонтова в 1837-1839 гг. сопряжена с глубоким осмыслением поэтом принципа народности как системы нравственных ориентиров, заданных православной системой ценностей (Щеблыкин, 2014, с. 892); в этот период создана историческая поэма в народном стиле «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (1837), написаны «Казачья колыбельная песня» (1838), «Молитва» (1839) и другие произведения в народно-поэтической традиции; о синтезе авторского видения и народной традиции (и преобразовании фольклорных элементов – «синтеза народной традиции на разных уровнях поэтического текста» (Ходанен, 2024, с. 561) в лермонтовском творчестве этого периода заключает Л.А. Ходанен. *Целью исследования* является выявление специфики поэтики заглавия «Думы» М.Ю. Лермонтова с учетом трех взаимосвязанных аспектов: развития лермонтовской поэтической системы, общественно-идеологического контекста эпохи (связанного со спорами о судьбе России) и динамики

литературного процесса Золотого века, проявляющейся в эволюции художественных методов реализации принципа народности, литературной полемике и интертекстуальных связях. *Основными задачами исследования* являются: обобщение имеющихся научных представлений по существу рассматриваемой проблемы озаглавливания, сопоставление стратегий озаглавливания одноименных произведений эпохи (в творчестве К.Ф. Рылеева, А.В. Кольцова и И.С. Тургенева); анализ жанровой специфики лермонтовского стихотворения в разрезе процесса интеграции в литературном процессе принципа народности с учетом сквозной «народно-поэтической» тематики (отраженной в стихотворениях М.Ю. Лермонтова «Казачья колыбельная песня» (1838) и «Молитва» (1839)) и общего историко-литературного контекста.

Материалы и методы

Проведенное исследование предполагало, в первую очередь, выявление специфических особенностей «жанрового» озаглавливания стихотворения Лермонтова «Дума», для чего был определен корпус поэтических произведений 1810-1830-х годов, содержащих сходные номинации в заглавии или подзаголовке (К.Ф. Рылеева, А.В. Кольцова и И.С. Тургенева); кроме того, в фокус исследования были включены лирические произведения Лермонтова, написанные в 1838-1839 годах, имеющие иные «жанровые заглавия»: песня, молитва. Исследование поэтических текстов ограничено русской поэтической практикой Золотого века и не включает отсылок к возможным влияниям западной поэзии, о котором, в частности, пишет Б.М. Эйхенбаум (Лермонтов, 1935-1937, с. 195) (по мнению исследователя, в тексте «Думы» видны следы поэтических приемов Henri-Auguste Barbier в его сборниках «Jambes» (1832) и «Il Pianto» (1833)), поскольку в «произведениях-источниках», не обнаруживается тактики озаглавливания, сходной с лермонтовской. Помимо корпуса поэтических произведений анализировались тексты публицистического характера (написанные М.М. Сперанским, С.Д. Нечаевым, П.И. Руничем, П.Я. Чаадаевым и др.), в которых в разных контекстах использовалось понятие «дума» как маркер общественно-исторического самосознания. В работе нашли применение историко-биографические и научно-филологические источники, характеризующие период создания и публикации лермонтовского стихотворения, а также реакции современников на его появление. «Дума» была впервые напечатана в «Отечественных записках» («Отечественные записки: учено-литературный журнал на 1839 год», 1839, т. I, № 1, с. 148—149) и вошла в прижизненный сборник «Стихотворений» поэта (СПб, 1840, стр. 45—48). Известен автограф произведения: в альбоме В. С. Одоевской (РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 55. Л. 3 — ст. 29–30 с подписью «Лермонтов»). Поскольку заглавие произведения прямо указывает на его жанр, важным методологическим вектором исследования стало обращение к критико-литературным оценкам, раскрывающим жанровую специфику стихотворения. Методология литературно-критической рефлексии, связанной с поэтикой стихотворения, была задана еще В.Г. Белинским, отметившим «алмазную крепость стиха, громовую силу бурного одушевления, исполинскую энергию благородного негодования», «глубокую грусть» (Белинский, 1953-1959, т. 4, с. 521) и обличительный пафос лермонтовской *«сатиры»*, при этом нельзя не отметить определенную сложность переосмысления содержания и целеполагания жанра сатиры в размышлениях критика: «Если под «сатирою» должно разуметь не невинное зубоскальство веселеньких остроумцев, а громы негодования, грозу духа, оскорбленного позором общества, - то «Дума» Лермонтова есть сатира, и сатира есть законный род поэзии» (Белинский, 1953-1959, т. 4, с.

522). Позже, Б.М. Эйхенбаумом и другими крупными исследователями первой трети – середины XX века был определен ключевой подход к пониманию жанра лермонтовской «Думы», на который опирается, в частности, данное исследование, а именно – принцип жанрового синтеза. При этом следует оговориться, что образующие синтез комбинации жанров в интерпретациях разных исследователей были различными; с целью отражения этой важной части научной аргументации был проведено соответствующее исследование релевантных источников. Анализ смысловых интенций заглавия базируется на типологии В.И. Тюпы (выделившего три основные типа интенций с точки зрения теории коммуникации) с учетом необходимости адаптации современных аналитических подходов к рассмотрению особенностей историко-культурного и литературно-творческого контекста изучаемого периода (Тюпа, 2001).

Результаты

В комментариях к Полному собранию сочинений К.Ф. Рылеева 1971-го года «думы» определяются как поэтические рассказы, стиль которых интегрирует романтическую и национальную традицию (обращение к русской старине и фольклору): «Поиски героического начала в фольклоре и древней литературе, характерные прежде всего для декабристов, привели к тому, что Рылеев заинтересовался думами, т.е. историческими песнями и сказаниями украинского и польского фольклора» (Рылеев, 1971, с. 16). Размышляя о жанре «дум», А.А. Бестужев, определял их как «исторические гимны» (Бестужев, 1823), Ф.В. Булгарин как промежуточный жанр («род стихотворений») между героидою и гимном (Булгарин, 1823), а П.В. Вяземский – как синтез повествовательного и лирического начала: «По содержанию своему относятся они к роду повествовательному, а по формам своим к лирическому» (Вяземский, 1823). Показательно, что, несмотря на то, что современники К.Ф. Рылеева отмечали новаторскую линию поэта в жанровой (родовой) модификации дум, художественная их ценность признавалась не всеми. Так, Н.П. Огарев писал: «В «Думах» видна благородная личность автора, но не видно художника»; «он поставил себе невозможную задачу сочетания исторического патриотизма с гражданскими понятиями своего времени…» (Огарев, 1860). Помимо апелляции к народно-исторической проблематике у «дум» К.Ф. Рылеева была также обозначена их специфическая задача – «Возбуждать доблести сограждан подвигами предков» (Бестужев, 1823), которую можно определить (пользуясь современным научным языком, не искажающим, впрочем, историко-культурной данности) как рецептивную интенцию – то есть направленность художественного текста на диалог с читателем; В.И. Тюпа определил рецептивную «интенцию заглавия» как «соотнесенность текста с сотворческим сопереживанием читателя» (Тюпа, 2001, с. 140-141).

Помимо «дум» К.Ф. Рылеева, к моменту работы Лермонтова над «Думой» традиция одноименной номинации уже получила определенное развитие. А.В. Кольцов осмыслял жанр «думы» в ключе создания собственного лирического цикла («Молитва» (Дума), «Царство мысли (Дума)», «Человеческая мудрость (Дума)» и др.). В 1837 году было написано, а в 1838 году издано стихотворение И.С. Тургенева «Вечер» (с подзаголовком «Дума»), предлагавшего свою жанровую трактовку. Очевидно, литература отвечала на высокий градус общественной риторики, актуализировавшей в 1830-е годы «думские» обсуждения, о чем, в частности, свидетельствуют, например, политико-реформаторские концепции М.М. Сперанского (Муравьева, 1999). В конце 1830-х годов образованной частью общества широко обсуждалось

«Философическое письмо» П.Я. Чаадаева (опубликованное в 1836 в московском журнале «Телескоп»), всколыхнувшее всю читающую аудиторию; а ряд положений, касающихся исторического пути России, оказался предметом серьёзных разногласий среди современников и последующих исследователей. Используемые автором публицистические приемы провоцировали активную полемику, часто – возмущение и, в определенной степени, оправданный протест; характерно, например, такое его суждение: «Мы растём, но не созреваем; движемся вперёд, но по кривой линии, то есть по такой, которая не ведёт к цели. Мы подобны тем детям, которых не приучили мыслить самостоятельно; в период зрелости у них не оказывается ничего своего; всё их знание — в их внешнем быте, вся их душа — вне их» (Чаадаев, 1991, т. 1, с. 326). В «Апологии сумасшедшего» (1837) П.Я. Чаадаев, рассуждая о необходимости последовательного интеллектуального развития русского общества, употребляет слово «дума»: «тогда раскроются понемногу все силы глубокомыслия и стройная дума» (Чаадаев, 1991, т. 2, с. 128-129). Э.Э. Найдич, анализируя линию, связывающую публицистику П.Я. Чаадаева с лермонтовской «Думой», подчеркивает особую риторическую выразительность чаадаевского текста: «В первом «Философическом письме» притягательной для Лермонтова была выраженная в блестящей публицистической форме критика современности. Эта критика отчасти отразилась в «Думе» (1838)» (Найдич, 1994, с. 89). И хотя на современном этапе изучения творчества Лермонтов убедительно доказано, что в своем творчестве поэт не вполне согласен с «пессимистическим взглядом, характерным для П. Я. Чаадаева»
(Аринштейн, 1981, с. 421), и не является по своим идейно-политическим взглядам близким декабристам, а публицистический вектор в «думах» К. Ф. Рылеева и в позднем творчестве П. Я. Чаадаева («философические письма»), и в «Думе» Лермонтова отражает разные модели публичного обращения, объединяющим звеном является активная обращенность к ценностно-смысловым ориентирам эпохи и к читателю как их носителю.

Б.М. Эйхенбаум отмечал эволюцию творческого мышления М.Ю. Лермонтова, переход от жанрового к тематическому принципу; а, характеризуя своеобразие поэтических средств, использованных при создании «Думы», говорил о содержательном и собственно жанровом синтезе: «сочетание негодования с грустью – сатиры с элегией» (Эйхенбаум, 1961, с. 52). По мнению исследователя, к моменту создания «Думы» М.Ю. Лермонтов испытывал «недоверие к традиционной лирике» (Эйхенбаум, 1961, с. 54) и искал форму творческого самовыражения в русле исторических традиций ««гражданственности», критики общественного, культурного и политического строя России» (Эйхенбаум, 1961, с. 51), «гражданской и поэтической декларации» (Эйхенбаум, 1961, с. 55). Несколько иначе определила жанровый синтез «Думы» Л.И. Гинзбург: М.Ю. Лермонтов, по ее мнению, снял окончательно противопоставление элегии (умеренность и тишина,) и оды (торжество и грохот), показав, что «можно в одном и том же стихотворении говорить «об самом себе», «об своих скорбях и наслаждениях» и в то же время метать перуны «в супостатов»» (Гинзбург, 1941, с. 54). Наряду с этим, в творческом сознании позднего Лермонтова происходит изменение самой стихотворной речи, вбирающей в себя «любые слова», становящиеся «потенциальными носителями поэтических значений, поэтических ценностей» (Гинзбург, 1941, с. 15). В.В. Виноградов обратил внимание на общие черты - схожесть образов и стилистики «Героя нашего времени» с образами «Думы» и «публицистическим стилем Чаадаева», напомнив, что влияние чаадаевских идей отмечал еще В.Г. Белинский (Виноградов, 1941, с. 619). Е.Н. Михайлова предположила, что «Дума» могла

бы быть «жанровым обозначением» стихотворений Лермонтова, в которых «портрет людей современного поколения превращается в философско-исторический этюд и публичную речь», подчеркивая, таким образом, наличие в нем ораторской речи (Михайлова, 1941, с. 143). Серьезная научная работа, развернутая в связи с 100-летней годовщиной гибели Лермонтова (основные выводы по которой приведены выше) в 1941 году, позволила исследователям глубже осмыслить поэтику «Думы», выдвинуть и развить идею синтеза жанров, воплощенного в произведении; вместе с тем, очевидно, что обоснованные ими различные межжанровые комбинации (сатира и элегия, элегия и ода, элегия и жанр публицистики/ораторской речи, др.) были достаточно далеки от традиционного понимания «дум» в народно-поэтическом духе (в ключе малороссийского (украинского) и польского фольклора).

В современном литературоведении подчеркивается жанровая связь «Думы» с исповедями, молитвами, снами, посвящениями, признаниями и др., позволяющими, как заключила В.Н. Аношкина-Касаткина, сосредоточиться на особых «состояниях душевной жизни» (Аношкина-Касаткина, 2013, с. 28), к которым относится «осознание и понимание общечеловеческой греховности» (Киселева, 2010, с. 69), «катастрофические переживания поэтом человеческой богооставленности» (Гулин, 2023, с. 22) и др. Сопоставляя «думы» Лермонтова и Тютчева, В.Н. Аношкина-Касаткина делает заключение об их общих жанровых признаках – направленности «на внешнюю действительность», в отличие от элегии, фокусирующейся на внутренних переживаниях лирического героя (Аношкина-Касаткина, 2013, с. 28). А.И. Журавлева, в свою очередь, находит сходство лермонтовской «Думы» с «элегической медитацией другого поэта-декабриста, А. Одоевского» («Что вы печальны, дети снов…»), определяя жанр произведений как расширение границ традиционной элегии до масштабов философско-онтологического размышления о путях развития человечества (Журавлева, 2002, с. 38). На близость осмысления Лермонтовым и Одоевским судьбы своего поколения обращал внимание и В.И. Коровин, заключавший, что социальная дума – это особое поэтическое видение поэта: «Дума для Лермонтова не только логически обнаженная поэтическая мысль, но и жанровое определение целого ряда стихотворений» (Коровин, 1981, с. 336). Исследуя творческие интенции, обусловившие создание «Думы» в общественно-литературном контексте 1830-х годов, Н.П. Сысоева приходит к мысли о том, что Лермонтов своим стихотворением стремился «побудить его <молодое поколение> и следующие поколения к духовному самовозрождению, к будущему, достойному истории их великой страны и великих и героических предков» (Сысоева, 2013, с. 156). На ораторском воздействии стиха, для которого характерно «слово обостренное, сложное по звучанию и семантике» (Тынянов, 1977, с. 249), делают акцент М.А. Кирсанов (заслуга Лермонтова состоит «в распространении ораторского начала с жанра оды на жанр думы» (Кирсанов, 2017, с. 181)), Т.В. Ковалева (««дума» как образец декламационного жанра» (Ковалева, 2015, с. 124)) и другие исследователи. Приведенный научный обзор показывает, что в литературоведении сосуществуют различные, обусловленные особой природой текста «Думы», разнообразием методологии и эволюцией взглядов в науке, мнения относительно жанра произведения. Современная методология позволяет взглянуть на него также и через призму озаглавливания.

Для творчества Лермонтова периода «поэтической зрелости» (начиная с 1837 года) (Гулин, 2023, с. 12-13) характерно соединение народнопоэтического начала с нравственно-религиозным осмыслением истории: «В необычайно короткое время появились тогда почти

все самые просветленные его творения. Особое место среди них принадлежит стихотворению «Бородино» и «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (Гулин, 2023, с. 12). Расширение круга общения (особенно значимым было знакомство Лермонтова с декабристами: А.И. Одоевским, В.М. Голицыным, С.И. Кривцовым, А.И. Вегелиным, В.Н. Лихаревым, Н.И. Лорером и др. на Кавказе во время его первой ссылки в 1837 г.) (Лермонтовская энциклопедия, 1981, с. 129) и укрепление литературных связей, в частности, с А.А. Краевским, знакомство с которым дало поэту возможность широкого общения в литературно-журнальном мире, – способствовали углублению осмысления гражданской и народно-исторической проблематики. Следствием происходивших контактов с критиками и читательским восприятием могли быть как жанровые и стилистические эксперименты, так и собственно выстраивание диалога с читателем.

С особенностями рецептивной интенции «Дум» К.Ф. Рылеева (обращенностью к простому народу с целью его просвещения) Лермонтов мог познакомиться как по книгам (и журналам) из семейной библиотеки Столыпиных (Вера Николаевна Столыпина приходилась Лермонтову двоюродной бабушкой, ее супруг – Аркадий Алексеевич Столыпин был другом К. Ф. Рылеева), так и из библиотеки Московского университетского благородного пансиона. Известен факт, который, возможно, указывает на особый интерес юного Лермонтова к поэзии Рылеева: К.Ф. Рылеев посвятил стихотворение Вере Николаевне Столыпиной после смерти ее мужа, Аркадия Алексеевича Столыпина в 1825 г.:

Не отравляй души тоскою,
Не убивай себя: ты мать;
Священный долг перед тобою
Прекрасных чад образовать. (Рылеев, 1971, с. 414):

В отличие от дум К.Ф. Рылеева, написанных в 1821-1823 годах, «Думы» А.В. Кольцова и И.С. Тургенева (стихотворения, имеющие «думу» в качестве подзаголовка с целью жанровой номинации произведений) (Тургенев, 1978, т. 1), появившиеся спустя полтора десятилетия, не несут в себе героической и декламационной коннотации, уступая место философским размышлениям. Примечательно, что «думы» обоих поэтов были напечатаны в «Отечественных записках» в начале 1838 года и могли обратить на себя внимание Лермонтова, приготовлявшего для публикации в этом журнале рукопись «Тамбовской казначейши». В.Г. Белинский называл думы А.В. Кольцова особым и оригинальным родом стихотворений, хотя и не сравнимым «в достоинстве с его песнями» (Белинский, 1953-1959, т. 9, с. 526), своего рода философской лирикой, поэтика которой сводится к «образам и складу чисто русскому», «представляющим собой первую высшую ступень простого русского человека в стремлении к нравственно-идеальному развитию» и обращенные к «избранным натурам в простом народе». Анализируя содержание дум А.В. Кольцова, В.Г. Белинский восторгается строками из «Молитвы» (1836), символизирующими острое противоречие между глубокой верой поэта и экзистенциальным сомнением:

Спаситель, спаситель!
Чиста моя вера,
Как пламя молитвы!
Но, боже, и вере

Могила темна!

Что слух мой заменит?

Потухшие очи?

«Дума» («Вечер (Дума)») И.С. Тургенева также посвящена раздумьям о смысле жизни, повторяя элегические мотивы «Стено», написанной в 1834 г., близкие романтической традиции:

Все тихо: звука нет! всё тихо: нет движенья!

Везде глубокий сон – на небе, на земле;

Лишь по реке порой минутное волненье:

То ветра вздох; листа неслышное паденье;

Везде покой – но не в моей душе. (Тургенев, 1978, с. 442)

Поэтическое мышление Лермонтова периода написания «Думы» отличает зрелость и глубокий уровень ощущения причастности к национальной традиции, *медитативные размышления в духе романтического мироощущения,* характерные для общей тональности «дум» А.В. Кольцова и И.С. Тургенева, трансформируются в мотивы сопричастности к национально-поколенческой общности, преодолевая центрированность на индивидуалистических ценностях. Ю.М. Лотман показал, как поэт конструировал поэтический мир «Думы» через систему субъект-объектных отношений, нашедших выражение главным образом в местоимениях («мы» повторяется в стихотворении 15 раз: «наше поколенье», «мы жадно бережем в груди остаток чувства», «над миром мы пройдем» и др.) (Лотман, 1972, с. 77–78); лирический герой (как часть поколения современников) вступает в полемику с культурной традицией, для которой отвлеченное знание (европейская наука) – бесплодно: «Мы иссушили ум наукою бесплодной», «жизнь — томит», «праздник — чужой», «клад — бесполезный», «роскошные забавы — скучны» (Лотман, 1972, с. 81). Ю.М. Лотман показывает, как при помощи местоимений поэт изображает движение поколений от «отцов», к «нашему поколению» и далее к «потомкам». Помимо отсылки к историзму (в духе рылеевских дум), схожая *межпоколенческая тематика* обнаруживает себя в другом вершинном произведении того же периода – «Казачьей колыбельной песне», однако, как его контрастное противопоставление. Так, например, образ «колыбели», присутствующий в обоих произведениях, в «Думе» символизирует утраченное духовное начало: «Богаты мы, едва из колыбели, / Ошибками отцов и поздним их умом» (Лермонтов, 1935-1937, т. 2, с. 39), в то время как в «Казачьей колыбельной песне» «колыбель» – это точка соединения земного и небесного: «Спи, младенец мой прекрасный, / Баюшки-баю. / Тихо смотрит месяц ясный / В колыбель твою» (Лермонтов, 1935-1937, т. 2, с. 61). В «Казачьей колыбельной песне» связь поколений носит органичный, теплый характер, она – полна традиции и заботы. *Заглавие «песни»* интегрирует ключевые смыслы, связанные с национальным культурным кодом и представляющие собой синтез народной традиции и христианской духовности (Ходанен, 2024, с. 562); этнически-жанровая соотнесенность показывает, как поэт решил вопрос перехода от внешней формы апелляции к народности к отражению глубокого духовного смысла лирического повествования, сохраняя при этом обращенность к широкой народной аудитории, – метод оправдавший себя в последовавших фольклоризациях произведения. В «Думе» М.Ю. Лермонтов показал межпоколенческий разрыв как с прошлым, так и с будущим («И прах наш, с строгостью судьи и гражданина, / Потомок оскорбит презрительным стихом»)

(Лермонтов, 1935-1937, т. 2, с. 40). Поколение, по мнению поэта – богоотступническое, оно поражено «неверием осмеянных страстей» (Лермонтов, 1935-1937, т. 2, с. 39) (отсылка к библейскому мотиву борьбы веры и сомнения). Межпоколенческий разрыв «Думы» символически подчеркивает разрыв между образованной частью общества, к которой обращено стихотворение (и, в том числе, к себе, как его представителю) с народом (с его межпоколенческой гармонией). В этом ракурсе жанровое содержание заглавия «дума» (трагическое размышление) противопоставлено заглавию «песня» (радостное утверждение); эта жанровая оппозиция помогает глубже понять направленность лермонтовского переосмысления жанровой традиции «думы» в диалоге с собственной поэтической системой и внешним литературным окружением.

В лирике позднего Лермонтова есть еще одно стихотворение, имеющее жанровую номинацию – «Молитва» (1839). В литературоведческой традиции поздняя «Молитва» часто рассматривается как элемент цикла одноименных произведений. Вместе с тем, в рамках анализа эволюции поэтики лермонтовского озаглавливания правомерно интерпретировать ее в составе межжанрового лирического триптиха («Казачья колыбельная песня» (1838) – «Дума» (1838) – «Молитва» (1839)). В «Молитве» как кульминационном звене триптиха реализован переход от критического осмысления действительности (и имплицитно поставленному в «Думе» вопросу – есть ли выход) к утверждению духовного идеала как способу обретения спасительной опоры: «В минуту жизни трудную, / Теснится ль в сердце грусть, / Одну молитву чудную / Твержу я наизусть. / Есть сила благодатная / В созвучьи слов живых, / И дышит непонятная, / Святая прелесть в них. / С души как бремя скатится, / Сомненье далеко — / И верится, и плачется, / И так легко, легко…» (Лермонтов, 1935-1937, т. 2, с. 49). Жанровое заглавие «молитва» в этом контексте получает дополнительную коннотацию, обусловленную творческой интенцией автора – обращение к читателю с предложением ответа на вопрос, поставленный поэтом в «Думе» – что делать богооставленному поколению? – возвращаться к Богу. Лермонтов в «Думе» и в своих других текстах «вступает в живой разговор со своими современниками» (Киселева, Поташова, 2022, с. 272), и в этом диалоге сквозной является народно-духовная линия актуализация императива возвращения к нравственно-религиозной традиции и онтологическим основам национальной идентичности.

Обсуждение результатов

Исследование семантически-поэтических акцентов, реализованных Лермонтовым в озаглавливании лирического стихотворения «Дума» с учетом литературного процесса эпохи, историко-культурных аспектов создания произведения и индивидуальных творческих интенций поэта (обозначенных в статье как авторский диалог с собственной поэтической системой) – продемонстрировало релевантность избранного методологического подхода, позволившего расширить горизонт интерпретации в отношении к ценностно-содержательной многослойности лермонтовских текстов и их сложной, сопряженной с этой многослойностью, поэтической структуры, включающей поэтику заглавия.

Проведенный анализ актуализировал теоретическую обоснованность тезисов М.Б. Эйхенбаума о свойственной поэту глубокой художественной переработке распространенных в поэтической традиции мотивов и последующей концептуализации их ценностно-смыслового содержания в рамках собственной художественной системы. К числу таких мотивов относятся

декларативные мотивы гражданского служения и свободы, характерные для системы взглядов представителей идеологии декабризма, существенно переосмысленные Лермонтовым в процессе эволюции его мировоззренческой позиции и выразившиеся в идее экзистенциальной ответственности личности в свете христианской этики; данный вывод согласуется с позицией современных исследователей (О.П. Евчук, И.А. Киселева, Г.В. Косяков, Г. В. Москвин, Л.А. Ходанен и др.), подчеркивающих религиозно-этическую направленность творчества позднего Лермонтова.

При этом литературная полемика поэта с оппонентами (современниками и предшественниками) имеет абстрактный характер и не влечет за собой заимствование чужого содержательного ядра или поэтической формулы – Лермонтов предлагает иной этико-эстетический образец, встраивающийся в его собственное миропредставление, неотделимое от творческого видения. Этим, в частности, обусловлена аксиологическая близость произведений, объединенных центральной творческой интенцией – *диалогом с современником*, как это показано на ценностно-смысловом единстве трех стихотворений с жанровыми заглавиями, относящимися к одному периоду творчества поэта – «Казачьей колыбельной песне», «Думе» и «Молитве» (1839).

Данное положение коррелирует с заключением В.Н. Аношкиной-Касаткиной о жанровой связи «Думы» с молитвами, исповедями, снами. Вместе с тем, результаты сопоставительного анализа «Думы» М.Ю. Лермонтова и одноименных стихотворений конца 1830-х (стихотворения А. В. Кольцова и И. С. Тургенева) позволяют отметить преодоление поэтом отраженной в этих лирических произведениях традиции романтической поэтики и его принципиально иное понимание жанра «думы»: не ограничивающееся одним печальным размышлением, а наполняющееся комплексом смыслов, таких, как: побуждение к размышлению (в развитие положений Н.П. Сысоевой, М.А. Кирсанова и др. о декламационном жанре в лермонтовской лирике), тематическая преемственность (Б.М. Эйхенбаум), осмысление системы нравственных ориентиров, заданных православной системой ценностей (И.П. Щеблыкин), диалог с собственной поэтической системой и внешним литературным окружением.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что рассмотрение ценностно-смысловых и творческих интенций поздней лермонтовской лирики с опорой на поэтику заглавий позволяет, с одной стороны, углубить понимание сквозных ключевых мотивов в творчестве поэта, с другой – уточнить значение поэтических открытий Лермонтова в эволюции жанров русской поэзии Золотого века. Идея национальной общности, скрепленная духовным началом, как результат осмысления поэтом принципа народности в литературе, согласуется с ценностно-смысловым вектором условного лирического триптиха («Казачья колыбельная песня», 1838 — «Дума», 1838 — «Молитва», 1839), объединенного ключевой творческой интенцией автора – диалогом с современником-соотечественником. Жанровое наполнение заглавий, рассматриваемое как смысловая оппозиция («дума» с тональностью трагического размышления и «песня» с тональностью утверждения, и опоры на народное начало), помогает прояснить, как Лермонтов переосмысливает традицию «думы», соотнося ее с собственной поэтической системой и отвечая литературным предшественникам. Особое место в «триптихе» занимает «Молитва» (1839), выступая кульминационным переходом от критики действительности к утверждению

духовного идеала как спасительной опоры. Такой угол зрения позволяет видеть в «Думе» не только остросоциальное высказывание и философскую лирику, но и звено целостной творческой концепции поэта, конструирующего свой особый разговор с читателем. Как одно из перспективных направлений исследований видится дальнейшее изучение эволюции лермонтовского озаглавливания в межжанровом контексте.

Список источников / References

1. Аношкина-Касаткина, В. Н. (2013). Романтический психологизм М. Ю. Лермонтова и Ф. И. Тютчева. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология, (1), 24–30.
   Anoshkina-Kasatkina, V. N. (2013). Romantic Psychologism in the Works of M. Yu. Lermontov and F. I. Tyutchev. Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology, (1), 24–30. (In Russ.).
2. Аринштейн, Л. М. (1981). Планы. Наброски. Сюжеты. В: Лермонтовская энциклопедия (с. 417–421). М.: Советская энциклопедия.
   Arinshtein, L. M. (1981). Plans. Drafts. Plots. In: Lermontov Encyclopedia (pp. 417–421). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.).
3. Белинский, В. Г. (1953–1959). Полное собрание сочинений: В 13 т. / АН СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкин. дом); редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.]. М.: Изд-во АН СССР.
   Belinsky, V. G. (1953–1959). Complete Works: In 13 vols. / USSR Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (Pushkin House); ed. board: N. F. Belchikov (ed.-in-chief) [et al.]. Moscow: USSR Academy of Sciences Press. (In Russ.).
4. Бестужев, А. А. (1823). Взгляд на старую и новую словесность в России. В: Полярная звезда на 1823 год: карманная книжка для любительниц и любителей русской словесности / изд. К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев. СПб.
   Bestuzhev, A. A. (1823). A View of Old and New Literature in Russia. In: Polar Star for 1823: A Pocketbook for Admirers of Russian Literature / publ. by K. F. Ryleev, A. A. Bestuzhev. St. Petersburg. (In Russ.).
5. Булгарин, Ф. В. (1823). Краткое обозрение русской литературы 1822 года. Северный архив: журнал истории, статистики и путешествий, (5).
   Bulgarin, F. V. (1823). A Brief Survey of Russian Literature in 1822. Northern Archive: Journal of History, Statistics, and Travels, (5). (In Russ.).
6. Виноградов, В. В. (1941). Стиль прозы Лермонтова. В: М. Ю. Лермонтов / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Кн. I (с. 517–628). М.: Изд-во АН СССР. (Лит. наследство; т. 43/44).
   Vinogradov, V. V. (1941). The Style of Lermontov's Prose. In: M. Yu. Lermontov / Academy of Sciences of the USSR, Institute of Russian Literature (Pushkin House). Book I (pp. 517–628). Moscow: USSR Academy of Sciences Press. (Literary Heritage; Vol. 43/44). (In Russ.).
7. Вяземский, П. А. (1878). Замечания на краткое обозрение русской литературы 1822-го года, напечатанное в № 5 «Северного архива» 1823-го года. В: Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского: В 12 т. / изд. гр. С. Д. Шереметева. Т. 1: Литературные, критические и биографические очерки, 1810–1827. СПб.
   Vyazemsky, P. A. (1878). Remarks on the Brief Survey of Russian Literature of 1822

Published in No. 5 of the Northern Archive for 1823. In: Complete Works of Prince P. A. Vyazemsky: In 12 vols. / publ. by Count S. D. Sheremetev. Vol. 1: Literary, Critical, and Biographical Essays, 1810–1827. St. Petersburg. (In Russ.).

8. Гинзбург, Л. Я. (1941). Лирика Лермонтова. Литературное обозрение, (12), 50–61.
Ginzburg, L. Ya. (1941). Lermontov's Lyric Poetry. Literaturnoe Obozrenie, (12), 50–61. (In Russ.).
9. Гулин, А. В. (2023). Небесный ангел Михаила Лермонтова (Духовный опыт как творческая категория). Два века русской классики, 5(1), 6–35. https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-6-35
Gulin, A. V. (2023). Mikhail Lermontov's Heavenly Angel: Spiritual Experience as a Creative Category. Two Centuries of Russian Classics, 5(1), 6–35. https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-6-35 (In Russ.).
10. Журавлева, А. И. (2002). Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики. М.: Прогресс-Традиция.
Zhuravleva, A. I. (2002). Lermontov in Russian Literature: Problems of Poetics. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.).
11. Кирсанов, М. А. (2017). Декламационный тип лирики в творчестве М. Ю. Лермонтова. Вестник Брянского государственного университета, (1), 180–184.
Kirsanov, M. A. (2017). The Declamatory Type of Lyric Poetry in the Works of M. Yu. Lermontov. Bulletin of Bryansk State University, (1), 180–184. (In Russ.).
12. Киселева, И. А. (2010). Этика М. Ю. Лермонтова и ее религиозные основания. Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, (3), 66–72.
Kiseleva, I. A. (2010). M. Yu. Lermontov's Ethics and Its Religious Foundations. Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences, (3), 66–72. (In Russ.).
13. Киселева, И. А., Поташова, К. А. (2022). Набросок Лермонтова «У России нет прошедшего…» в контексте «восточного вопроса»: к проблеме художественной историософии поэта. Научный диалог, 11(3), 265–283. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-3-265-28
Kiseleva, I. A., Potashova, K. A. (2022). Lermontov's Draft "Russia Has No Past…" in the Context of the "Eastern Question": Towards the Problem of the Poet's Artistic Philosophy of History. Nauchnyi Dialog, 11(3), 265–283. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-3-265-28 (In Russ.).
14. Ковалева, Т. В., Мишина, М. Ю. (2015). Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Дума» как образец декламационного жанра. Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, (3), 123–127.
Kovaleva, T. V., Mishina, M. Yu. (2015). M. Yu. Lermontov's "Duma" as an Example of the Declamatory Genre. Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences, (3), 123–127. (In Russ.).
15. Коровин, В. И. (1964). Лермонтов и русская лирика его времени. В: Творчество М. Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения, 1814–1964 (с. 311–340). М.: Наука.
Korovin, V. I. (1964). Lermontov and Russian Lyric Poetry of His Time. In: The Works of M.

Yu. Lermontov: 150 Years Since His Birth, 1814–1964 (pp. 311–340). Moscow: Nauka. (In Russ.).

16. Лермонтов, М. Ю. (1839). Дума. Отечественные записки: учено-литературный журнал на 1839 год / изд. А. А. Краевский. Т. I, № 1, Отд. III, с. 148–149.
Lermontov, M. Y. (1839). The Thought ("Duma"). Otechestvennye Zapiski: A Scholarly and Literary Journal for 1839 / publ. by A. A. Kraevsky. Vol. I, No. 1, Section III, pp. 148–149. (In Russ.).
17. Лермонтов, М. Ю. (1935–1937). Полное собрание сочинений: В 5 т. / ред. текста, коммент. и предисл. Б. М. Эйхенбаума; подгот. текстов Б. М. Эйхенбаума и К. И. Халабаева. М.; Л.: Academia.
Lermontov, M. Y. (1935–1937). Complete Works: In 5 vols. / ed., comm., and introduction by B. M. Eikhenbaum; text prepared by B. M. Eikhenbaum and K. I. Khalabaev. Moscow; Leningrad: Academia. (In Russ.).
18. Лотман, Ю. М. (1972). Анализ поэтического текста: Структура стиха. Л.: Просвещение.
Lotman, Y. M. (1972). Analysis of a Poetic Text: The Structure of Verse. Leningrad: Prosveshchenie. (In Russ.).
19. Мануйлов, В. А. (ред.). (1981). Лермонтовская энциклопедия / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.: Советская энциклопедия.
Manuilov, V. A. (Ed.). (1981). Lermontov Encyclopedia / Academy of Sciences of the USSR, Institute of Russian Literature (Pushkin House). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.).
20. Михайлова, Е. Н. (1941). Идея личности у Лермонтова и особенности ее художественного воплощения. В: Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: Сборник первый (с. 125–162). М.: ОГИЗ; Гос. изд-во худож. лит.
Mikhailova, E. N. (1941). The Idea of Personality in Lermontov and Its Artistic Representation. In: The Life and Work of M. Yu. Lermontov: Studies and Materials. Collection I (pp. 125–162). Moscow: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. (In Russ.).
21. Муравьева, Л. А. (1999). Конституционные взгляды и реформы М. М. Сперанского. Финансы: теория и практика, (3). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-vzglyady-i-reformy-m-m-speranskogo (дата обращения: 06.07.2026).
Muravieva, L. A. (1999). M. M. Speransky's Constitutional Views and Reforms. Finance: Theory and Practice, (3). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-vzglyady-i-reformy-m-m-speranskogo (viewed: 06.07.2026). (In Russ.).
22. Найдич, Э. Э. (1994). И все-таки Чаадаев! В: Этюды о Лермонтове (с. 80–95). СПб.: Худож. лит.
Naydich, E. E. (1994). Chaadaev After All! In: Studies on Lermontov (pp. 80–95). St. Petersburg: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
23. Огарёв, Н. П. (1860). Предисловие. В: Рылеев, К. Ф. Думы: Стихотворения К. Рылеева (с. IX–XIII). London: Изд. Искандера [А. И. Герцена].
Ogarev, N. P. (1860). Preface. In: Ryleev, K. F. Dumas: Poems by K. Ryleev (pp. IX–XIII). London: Published by Iskander [A. I. Herzen]. (In Russ.).
24. Рылеев, К. Ф. (1971). Полное собрание стихотворений / вступ. ст. В. Г. Базанова и А. В. Архиповой; подгот. текста и примеч. А. В. Архиповой, В. Г. Базанова, А. Е. Ходорова.

Л.: Советский писатель.
Ryleev, K. F. (1971). Complete Collection of Poems / intro. article by V. G. Bazanov and A. V. Arkhipova; text prep. and comm. by A. V. Arkhipova, V. G. Bazanov, and A. E. Khodorov. Leningrad: Sovetskii pisatel'. (In Russ.).

25. Сысоева, Н. П. (2013). Лермонтовская «Дума» о молодом поколении в общественно-литературном контексте 1830-х годов. Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал, (4), 148–157.
Sysoeva, N. P. (2013). Lermontov's "Duma" on the Younger Generation in the Social and Literary Context of the 1830s. Bulletin of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal, (4), 148–157. (In Russ.).
26. Тургенев, И. С. (1978). Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); редкол.: М. П. Алексеев (гл. ред.) [и др.]. Т. 1: Стихотворения, поэмы, статьи и рецензии, прозаические наброски, 1834–1849 / коммент. М. П. Алексеева [и др.]. М.: Наука.
Turgenev, I. S. (1978). Complete Works and Letters: In 30 vols. / Academy of Sciences of the USSR, Institute of Russian Literature (Pushkin House); ed. board: M. P. Alekseev (ed.-in-chief) [et al.]. Vol. 1: Poems, Narrative Poems, Articles and Reviews, Prose Drafts, 1834–1849 / comm. by M. P. Alekseev [et al.]. Moscow: Nauka. (In Russ.).
27. Тынянов, Ю. Н. (1977). Ода как ораторский жанр. В: Поэтика. История литературы. Кино (с. 227–252). М.: Наука.
Tynyanov, Y. N. (1977). The Ode as an Oratorical Genre. In: Poetics. History of Literature. Cinema (pp. 227–252). Moscow: Nauka. (In Russ.).
28. Тюпа, В. И. (2001). Аналитика художественного (Введение в литературоведческий анализ). М.: Лабиринт; РГГУ.
Tyupa, V. I. (2001). The Analytics of Literary Art: An Introduction to Literary Analysis. Moscow: Labirint; Russian State University for the Humanities. (In Russ.).
29. Ходанен, Л. А. (2024). Народные традиции в «литературной колыбельной»: М. Ю. Лермонтов «Казачья колыбельная песня». МНКО, (4), 560–563.
Khodanen, L. A. (2024). Folk Traditions in the "Literary Lullaby": M. Yu. Lermontov's "Cossack Lullaby". MNKO, (4), 560–563. (In Russ.).
30. Чаадаев, П. Я. (1991). Полное собрание сочинений и избранные письма: В 2 т. М.: Наука.
Chaadaev, P. Ya. (1991). Complete Works and Selected Letters: In 2 vols. Moscow: Nauka. (In Russ.).
31. Щеблыкин, И. П. (2014). М. Ю. Лермонтов в русской критике и литературоведении. В: М. Ю. Лермонтов: энциклопедический словарь / под ред. И. А. Киселёвой (с. 890–901). М.: Индрик.
Shcheblykin, I. P. (2014). M. Yu. Lermontov in Russian Literary Criticism and Scholarship. In: M. Yu. Lermontov: An Encyclopedic Dictionary / ed. by I. A. Kiseleva (pp. 890–901). Moscow: Indrik. (In Russ.).
32. Эйхенбаум, Б. М. (1961). Литературная позиция Лермонтова. М.; Л.: Гослитиздат.
Eikhenbaum, B. M. (1961). Literary Position of Lermontov. Moscow; Leningrad: Goslitizdat. (In Russ.).

33. Эйхенбаум, Б. М. (1961). Михаил Юрьевич Лермонтов: Очерк жизни и творчества. В: Статьи о Лермонтове (с. 109—329). М.; Л.: Изд-во АН СССР.
Eikhenbaum, B. M. (1961). Mikhail Yuryevich Lermontov: An Outline of His Life and Work. In: Articles on Lermontov (pp. 109—329). Moscow; Leningrad: Akademii nauk SSSR Publ. (In Russ.).

Информация об авторе

Анна Леонидовна Сахарчук, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, факультет русской филологии, Государственный университет просвещения (ФГАОУ ВО ГУП), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6378-686X, e-mail: sakharchukann@gmail.com

Information about the author

Anna L. Sakharchuk, PhD student, Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Russian Philology, State University of Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6378-686X, e-mail: sakharchukann@gmail.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 26.07.2026
Поступила после рецензирования 28.08.2026
Принята к публикации 10.09.2026
Опубликована 30.09.2026

Received 2026.07.26
Revised 2026.08.28
Accepted 2026.09.10
Published 2026.09.30

Язык и текст
2026. *13*(3), 117–141.
https://doi.org/10.17759/langt.2026130310
ISSN 2312-2757 (online)

Language and Text
2026. *13*(3), 117–141.
https://doi.org/10.17759/langt.2026130310
ISSN 2312-2757 (online)

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ | WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

Научная статья | Original paper

«Слово о полку Игореве»: старые и новые контроверзы (Ответ на эскапады Л.В. Соколовой и А.М. Ранчина)

А.Н. Ужанков[1, 2, 3]✉
[1] Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского, Москва, Российская Федерация
[2] Центр фундаментальных исследований русской средневековой культуры Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Москва, Российская Федерация
[3] Сретенская духовная академия, Москва, Российская Федерация
✉ a.n.uzhankov@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Статья представляет собой ответ на критические, но безосновательные суждения Л.В. Соколовой и А.М. Ранчина относительно установленных мною места и времени написания «Слова о полку Игореве», и имени его автора – игумена Выдубицкого монастыря Моисея, до пострижения в монахи – дружинника и участника трагического похода Игоря Святославича на половцев в 1185 г. **Цель и результаты**. Провести скрупулезный разбор их эскапад, чтобы засвидетельствовать отсутствие у рецензентов аргументов, способных опровергнуть написание «Слова» в Выдубицком монастыре его игуменом и летописцем в 1200 г. Показать несостоятельность предпринятой ими попытки доказать наличие в XII в. перевода «Книги пророка Иеремии» на церковнославянский язык и нивелировать влияние на «Слово» «Книги пророка Иеремии» на греческом языке. Л.В. Соколовой не удалось опровергнуть свидетельства игумена Моисея в его летописной статье и автора «Слова» об их участии в этом походе. Поскольку тогда спаслось всего пятнадцать русских воинов, следовательно, оба входят в их число. Уточнение места, времени и характер работы летописца Моисея и автора «Слова» позволяет заключить, что это был один человек – выходец из Галицкой Руси, дружинник Игоря Святославича, постригшийся по обету в Выдубицкий монастырь.

Ключевые слова: игумен Моисей, время написания, место написания, Выдубицкий монастырь, автор «Слова о полку Игореве», летописные статьи, поход 1185 г., Игорь Святославич

Для цитирования: Ужанков, А.Н. (2026). «Слово о полку Игореве»: старые и новые контроверзы (Ответ на эскапады Л.В. Соколовой и А.М. Ранчина). *Язык и текст, 13*(3), 117—141. https://doi.org/10.17759/langt.2026130310

© Ужанков А.Н., 2026

CC-BY-NC

Ужанков А.Н. (2026)
«Слово о полку Игореве»: старые и новые контроверзы (Ответ на эскапады Л.В. Соколовой и А.М. Ранчина)
Язык и текст, 13(3), 117—141.

Uzhankov A.N. (2026)
"The Tale of Igor's Campaign": old and new reviews (The answer to L.V. Sokolova's and A.M. Ranchin's escapades)
Language and Text, 13(3), 117—141.

"The Tale of Igor's Campaign": old and new reviews (The answer to L.V. Sokolova's and A.M. Ranchin's escapades)

A.N. Uzhankov[1, 2, 3]✉
[1] Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky, Moscow, Russian Federation
[2] Center for Fundamental Research of Russian Medieval Culture at the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev, Moscow, Russian Federation
[3] Sretenskaya Theological Academy, Moscow, Russian Federation
✉ a.n.uzhankov@mail.ru

Abstract

Context and relevance. The article gives a critical analysis of L.V. Sokolova's and A.M. Ranchin's judgments regarding the results of my research into the place, time and name of the author of "The Tale of Igor's Campaign", set out in the book «"The Tale of Igor's Campaign" and Its Author» (Moscow, 2020). The researcher attempted to doubt the writing of the "The Tale" in 1200 in the Vydubitsky Monastery by its Hegumen Moses, who before taking the tonsure was a warrior and participant in the ill-fated campaign of Igor Svyatoslavich against the Polovtsians in 1185. **Goal and results.** To this end, L.V. Sokolova sought to level the influence of "The Book of the Prophet Jeremiah", which the author became acquainted with in Greek in the Vydubitsky Monastery, on the "The Tale". An attempt to prove the existence of a translation of "The Book of the Prophet Jeremiah" into Church Slavonic in the 12th century proved untenable. The researcher was unable to refute the participation of the hegumen-chronicler Moses and the author of the "The Tale" in the campaign which they describe. Both were among the 15 Russian warriors who survived. The comparison of their fates, place and time of their creative work, allows us to conclude that it was one and the same person - a native of Galician Rus, a warrior of Igor Svyatoslavich, who took monastic vows in the Vydubitsky Monastery under the name of Moses.

Keywords: hegumen Moses, time of writing, place of writing, Vydubitsky Monastery, author of "The Tale of Igor's Campaign", chronicle articles, campaign of 1185, Igor Svyatoslavich

For citation: Uzhankov, A.N. (2026). "The Tale of Igor's Campaign": old and new reviews (The answer to L.V. Sokolova's and A.M. Ranchin's escapades). *Language and Text, 13*(3), 117—141. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/langt.2026130310

Введение

В предисловии к монографии ««Слово о полку Игореве»: Историко-филологическое исследование» я написал, что «все, и маститые ученые, и ревностные почитатели этого гениального творения, отнесутся даже не с большим, а с огромным скепсисом» к установлению имени автора «Слова», и «оно вызовет критику практически всех, кто

занимается этой проблемой. А сила критического огня будет прямо пропорциональна доказательной базе выдвигаемой гипотезы. *Чем доказательней база выдвинутого положения, тем интенсивней будут подвергать ее атакам и сомнениям*, причем, особо не утруждая себя контраргументами» [1], ограничиваясь одними только суждениями. Тот случай, когда сожалеешь, что оказался прав в своих предсказаниях.

Первым, как я и предполагал, высказался А.М. Ранчин[2]. В начитанности ему не откажешь, как и в легкости мысли и бездоказательности заявлений. Вот уже более десяти лет он безуспешно пытается выискать ошибки в деталях моих доказательств. В трех своих книгах по «Слову»[3], в обширных комментариях и примечаниях к исследованию, я разбираю практически все его потуги и показываю их надуманность и несостоятельность. По большому счету, как это ни странно, я очень признателен А.М. Ранчину за его предвзятость и дотошность при разборе моих работ. Он пытается выискать слабые места в отдельных положениях, тем самым дает мне возможность усилить свои аргументы и опровергнуть его измышления. От этого только выигрывают результаты самого исследования. Ему так ни разу и не удалось опровергнуть мои выводы, как и саму систему доказательств.

Соратница Д.С. Лихачева по Пушкинскому Дому, давно занимающаяся изучением «Слова» и постоянно создающая комментарий к так называемым «темным местам», Л.В. Соколова попыталась подвергнуть критике, как ей показалось, две главные мои гипотезы – о религиозности «Слова» и его авторе, но в итоге у нее получился разбор всего лишь *некоторых отдельных* положений моего исследования, выдернутых из контекста, но не самой *концепции* и *системы* доказательств, хотя выводы она постаралась сделать обобщающие и со смертельным приговором.

Скептическое отношение к моей монографии должно было вызвать само название ее рецензии «Новая книга – старые идеи»[4], изначально содержащее неутешительный приговор: дескать, автор ничего нового в ней не сказал. Л.В. Соколова не заметила, или для нее вовсе не важно, что уточняется *время написания «Слова» – зима 1200 г.*, которое *ранее никем не называлось* и не доказывалось; не обратила внимание, что *впервые обоснованно названо место создания* «Слова» – *Киевский Выдубицкий монастырь*, и *установлен его автор – игумен* этого монастыря *Моисей*, – составитель Киевского летописного свода 1200 г. и автор летописной статьи в нем о походе 1185 г. Игоря Святославича на половцев, в котором сам принимал участие, а так же и автор похвального «Слова» на освящение собора Архангела Михаила Выдубицкого монастыря. То есть, профессиональный древнерусский писатель.

Конечно, эти три важнейших вопроса – когда, где и кем было написано «Слово о полку Игореве» – старые, но данные в трех моих монографиях ответы на них, совершенно новые.

[1] Ужанков А.Н. «Слово о полку Игореве»: Историко-филологическое исследование. М., 2022. С. 14-15.
[2] Ранчин А.М. Крайности, которые сходятся: две книги о «Слове о полку Игореве» // Новый мир. 2022. № 10. С. 202-207.
[3] Ужанков А.Н. «"Слово о полку Игореве" и его эпоха». М., 2015; Ужанков А.Н. «"Слово о полку Игореве" и его автор» М., 2020; Ужанков А.Н. «Слово о полку Игореве»: Историко-филологическое исследование. М., 2022.
[4] Лидия Соколова. Новая книга – старые идеи (Рецензия на книгу: Ужанков А.Н. «"Слово о полку Игореве" и его автор» М.: Согласие, 2020) // Текст и традиции: альманах. Том 10 / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна». СПб.: Росток, 2022, с. 407-427.

Еще одна, преследуемая мною цель, – вернуть «Слово» в культурный контекст XII века и показать, что в нем значительную роль играет религиозная духовная составляющая.

Три вещи сильно возмутили Л.В. Соколову и предопределили цель и тон ее весьма эмоциональной рецензии.

Первая – слова издателя книги Вацлава Михальского[5], который в предисловии к одной из моих монографий заметил, что «книга А.Н. Ужанкова «"Слово о полку Игореве" и его автор» <…> буквально переворачивает *всё* … канонизированное о "Слове о полку Игореве" и ставит *всё* с головы на ноги»[6].

Под «канонизированным» Вацлав Михальский подразумевал обобщения, сделанные в пятитомной «Энциклопедии "Слова о полку Игореве"»[7] под руководством Д.С. Лихачева. Понятное дело, Л.В. Соколовой «за державу стало обидно», т.е., за Пушкинский Дом, в котором и была подготовлена эта «Энциклопедия», *подытожившая* итоги двухсотлетнего изучения «Слова о полку Игореве»[8]. Для меня этот пятитомник, несомненно, представляет собой опору для дальнейшего изучения «Слова», а вот Л.В. Соколовой, видимо, показалось, что я решил ее разрушить. Однако, чтобы на этом фундаменте построить знание, нужно возводить стены, т.е., двигаться дальше, что я и попытался сделать.

Вторая – это слова весьма авторитетного рецензента, доктора исторических наук, кандидата филологических, кандидата богословия профессора Санкт-Петербургского университета В.В. Василика: «В прорывной монографии А.Н. Ужанкова системно и логично доказывается, что творцом "Слова о полку Игореве" является Моисей Киянин, создатель Выдубицкой летописи и "Похвального слова князю Рюрику Ростиславичу"»[9].

Представителю Пушкинского Дома они тоже показались обидными, поскольку получается, что коллективный разум Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН в XX веке как бы ничего существенного не сделал. Сделал, и очень много, об этом и свидетельствует, обобщающая, в том числе, и его труды, «Энциклопедия». Однако энциклопедия не должна быть бронзовым памятником «Слову», следует двигаться дальше, опираясь и на нее, и на другие работы приверженцев «Слова».

[5] Известного писателя и, между прочим, лауреата Государственной премии России по литературе.
[6] Ужанков А.Н. «"Слово о полку Игореве" и его автор» М., 2020. С.10.
[7] Энциклопедия «Слова о полку Игореве» (Далее – ЭСПИ). Т.1-5. СПб., 1995.
[8] Как показало время, выход «Энциклопедии» сыграл злую шутку с Отделом древнерусской литературы ИРЛИ. В Отделе, по сути, перестали заниматься «Словом», по-видимому, решили, что уже все возможное сказано. Разве только сама Л.В. Соколова по-прежнему стремиться расшифровать «темные места» «Слова», да А.Г. Бобров занялся изучением происхождения попавшей в коллекцию А.И. Мусина-Пушкина рукописи со «Словом о полку Игореве». Но уже не созываются конференции по «Слову». Не отмечались ни 200-летний, ни 225-летний юбилеи первого издания «Слова», не выходят авторские монографии и даже коллективные сборники о нем. Создается впечатление, что к сказанному о «Слове» уже нечего добавить. Свято место, однако, пусто не бывает! Отсутствующий профессиональный подход в изучении «Слова» заменил дилетантский. В последнее десятилетие вышла просто лавина таких работ, но не буду их упоминать, чтобы не рекламировать.
[9] Василик В.В. «Слово о полку Игореве» и его автор: эпифаническая связь событий: (Размышления над книгой А.Н. Ужанкова «"Слово о полку Игореве" и его автор» // Русин.2021. № 66. С. 283-306. [С. 283].

И, наконец, третья – это возмутительные, по представлению Л.В. Соколовой, слова автора книги (приведенные мною выше), который в предисловии к монографии пытается «заранее объявить все будущие критические замечания в ее адрес необъективными, продиктованными якобы нездоровым духом состязательности, заранее дискредитировать своих оппонентов», которые и побудили Л.В. Соколову «более подробно, чем вероятно, следовало бы, проанализировать исследование А.Н. Ужанкова» (С.429-430).

Как раз я и призывал к объективному анализу предпринятого мною исследования и надеялся на конструктивную его критику. И ожидал ее, прежде всего, из Пушкинского Дома и надеялся ее услышать именно от Л.В Соколовой – последней из корифеев-«слововедов», с которой познакомился несколько лет назад на конференции по «Слову о полку Игореве» в Ярославле. Однако, к сожалению, получил весьма эмоциональную эскападу обиженной на меня исследовательницы за критику ее светских взглядов на «Слово», а не трезвый анализ моей *концепции*. Увы, получается, что в предисловии я и предугадал подобную реакцию.

Чтобы принизить значение моей работы и приведенной в ней системы доказательств, Л.В Соколова использует довольно простой и проверенный критиками способ: своими субъективными оценками и выражениями[10] создает негативное отношение к моей книге, называя обоснования по каждой проблеме – тезисами, доказанный вывод – гипотезой. То есть, намеренно стремится обнулить результаты моего исследования.

Л.В Соколова настолько торопилась высказать свое негодование, что даже не стала знакомиться с третьей моей книгой «"Слово о полку Игореве": Историко-филологическое исследование» (М., 2022), обобщившей и значительно расширившей мои предыдущие исследования, о выходе которой только упомянула в конце своей рецензии, выразив надежду, что «автор избежал ошибок, допущенных в двух предыдущих изданиях» (С.430).

За истекшее время вышла еще одна статья Л.В. Соколовой, где она вновь обращается к моим исследованиям[11]. Пришел и мой черед высказаться по поводу критики Л.В. Соколовой и ее собственных работ.

Основная часть

№ 1

Напомню, к чему сводится мое историко-филологическое расследование.

За 225 лет со дня публикации «Слово о полку Игореве» исследователи пришли к неутешительным выводам: без нового его списка невозможно точно установить ни время, ни место написания произведения, ни его автора. По-видимому, предполагается, что в новом списке (понятно, что он окажется не XII в.) все это будет указано в самом тексте. Сомнительное ожидание! А вот имеющихся у нас сведений для ответов на эти три вопроса, якобы, маловато. Собственно, мной и была предпринята попытка отыскать и истолковать свидетельства, как в самом тексте «Слова», так и в его окружении, чтобы ответить на эти

[10] «Непонимание А.Н. Ужанковым текста», «некорректная методика», «упускает из виду», «игнорирует», «произвольные допущения», «строятся на явных ошибках» «полная несостоятельность доказательств», «текст памятника понимает крайне плохо», «перевод крайне неудачен» и т.д.

[11] Соколова Л.В. Наталья Сергеевна Демкова – исследователь «Слова о полку Игореве» // Словесность и история. 2022. № 4. С.157-175.

двухсотлетние вопросы: когда, где и кто создал этот шедевр? Причем оказалось, что установление точного времени написания «Слова» подсказывает ответ и на место его написания, а оба ответа указывают уже на имя потенциального автора. То есть, желаемый результат можно получить только в комплексном исследовании этих трех вопросов, в их тесной взаимосвязи. Неправильный ответ на один из них приведет к неверному ответу и на другие. Они не просто дополняют друг друга, но и корректируют поиск и определяют его результат.

На мой взгляд, важнейшей из причин, почему до сих пор не были найдены ответы на эти три вопроса, остается их разрозненное, не связанное друг с другом рассмотрение. Причем в приоритете были и остаются датировка памятника и поиск автора. Вопрос об установлении точного места написания «Слова», по сути, вообще не ставился[12] и сделан, насколько мне известно, впервые.

Время написания «Слова» устанавливается на основании тех сведений и фактов, которые автор знает, и которые прямо или косвенно (в виде аллюзий) отражены в произведении. Иными словами, мы сталкиваемся с целым рядом *литературных отражений* событий, выходящих за рамки 1185 г. – времени похода и возвращения из плена Игоря Святославича. Так, автор знает: о возвращении из плена Владимира Игоревича с женой и сыном в 1188 г. (диалог Гзака и Кончака, а половцев автор называет «сватами»); о смерти 17.07.1194 г. Святослава Киевского (толкование его вещего сна); о вокняжении в 1194 г. в Киеве Рюрика Ростиславича, а соправителя в Русской земле – брата Давыда («сего бо ныне сташа стязи Рюрикови а друзии Давыдовы»); о вокняжении Игоря Святославича в Чернигове в 1198 г. после смерти Ярослава Всеволодовича («Игореви князю Богъ путь кажеть из земли Половецкой на землю Рускую к отню злату столу»).

В статье, посвященной проф. Н.С. Демковой, предложившей свою датировку «Слова» границами июль 1194 г. (смерть Святослава Киевского) – май 1196 г. (смерть Всеволода Буй Тура), Л.В. Соколова охарактеризовала ее как «до сих пор … наиболее убедительной»[13].

Весьма спорное утверждение, поскольку с ней категорически не согласны А.А. Горский и А.М. Ранчин, который в очередной раз подвергает сомнению позднее написание «Слова» и его зависимость от повести в Ипатьевской летописи, и возвращается к устаревшему мнению, что именно «Слово» повлияло на летописную повесть[14]. Почему Л.В. Соколова прошла мимо статей А.М. Ранчина, для меня – вопрос.

Раскритиковав точки зрения Б.И. Яценко и А.А. Горского, не согласившимися с предложенной Н.С. Демковой датировкой, Л.В. Соколова не стала, как я и предполагал, разбирать мою, заявив, что мои «аргументы абсолютно несостоятельны, и нет смысла рассматривать их подробно в данной работе»[15]. Впрочем, два аргумента, «не требующих развернутой критики» она все же привела.

[12] Обычно ограничивались высказыванием предположения, что автор трудился в Киеве, Чернигове, Новгород-Северске, Галиче, Владимире и т.д.

[13] Соколова Л.В. Наталья Сергеевна Демкова – исследователь «Слова о полку Игореве». С. 159, 164.

[14] Ранчин А.М. Знал ли автор «Слова о полку Игореве» летописные повести о походе 1185 г.? Часть 1 // Вестн. Моск. Ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 97-111; Часть 2. Филология. 2024. № 3. С. 195-208.

[15] Соколова Л.В. Наталья Сергеевна Демкова – исследователь «Слова о полку Игореве». С.163. Именно такого подхода я и опасался в предисловии к своей монографии и получилось, что предугадал его.

Поражает та легкость, с которой Л.В. Соколова искажает и смысл «Слова», и мою его интерпретацию. Совсем, как А.М. Ранчин, которого я неоднократно уличал в подобном подлоге[16]. Разберу ее пассаж полностью.

Начинается он с цитирования меня: «Сам автор в „Слове“ называет град Чернигов отцовским „златым столом“». Опустив приведенную мной цитату из «Слова»: «и града Чрънигова, отня злата стола», – Л.В. Соколова делает заключение: «Это, по мнению А. Н. Ужанкова, означает, что автор уже знал о вокняжении Игоря в Чернигове в 1198 г., после смерти Ярослава Черниговского, поскольку именно Чернигов назван в «Слове» "отним столом" Игоря».

Однако, как увидим ниже, не на этом утверждении автора «Слова» строятся мои выводы.

Целенаправленная манипуляция цитатами понадобилась Лидии Викторовне только для того, чтобы в итоге заявить: «Но ведь Чернигов назван «отним столом» и Всеволода Буй Тура, никогда не занимавшего Черниговский княжеский стол! Ср.: "…забывъ чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола…"». Будь Л.В. Соколова чуточку внимательней, то заметила бы, что именно об этом я говорил в книге, полемизируя с А.А. Горским, видевшим в качестве «отнего стола» Новгород-Северский[17].

Для нас же более важным является *другое* сообщение автора *в конце* «Слова»: «Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, *къ отню злату столу*», который он займет в 1198 г.

Приведу полностью выдержку из своей книги, чтобы было заметным искажение моей мысли Л.В. Соколовой: «Автор вполне мог ограничиться сообщением, что «Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую», но указание «къ отню злату столу» существенно нарушает логику повествования: исторически Игорь вернулся в Путивль, а затем – в Новгород-Северский, потом совершил поездки в Чернигов и Киев. По «Слову» – «Игорь едетъ по Боричеву къ святей Богородици Пирогощей», т.е. оказывается в Киеве, хотя это не его отца престольный город. А «отни златъ столъ» находится в Чернигове, о котором в конце произведения ни слова! Разве автор не знал, что Игорь Святославич перед поездкой в Киев побывал в Чернигове? Знал, конечно, но умышленно создает именно такую смысловую концовку. Примечателен и предлог, который он использовал в данном случае: «**къ** отню столу», а не **на**, как «на землю Русскую». Игорь и не сел на отчий престол по возвращении из плена (это произойдет только в 1198 г.), но уже приблизился к нему по воле Божией, ведь княжеская власть – от Бога. Но уже произошло преобразование в Игоре, что способствовало не только получению помощи от Бога при возвращении из плена, но и обрести в будущем отчий престол в Чернигове.

Эта деталь позволяет полагать, что Автор, когда писал «Слово», уже знал о княжении Игоря Святославича в Чернигове. В противном случае, не было бы христианской назидательности в

[16] Ужанков А.Н. «"Слово о полку Игореве" и его автор». М., 2020. С. 429-431, 435, 457-459, 461, 471-473 и др.; Ужанков А.Н. «Слово о полку Игореве»: Историко-филологическое исследование. М., 2022. С. 522, 535-536, 538-539, 547-549, 550-553, 556-557 и др.

[17] Ужанков А.Н. «"Слово о полку Игореве" и его автор» М., 2020. С. 171-172.

произведении: "Бог гордым противится, а смиренным дает благодать". И до конца не была бы раскрыта его основная идея»[18].

Ничего из сказанного мной Л.В. Соколова не восприняла, представила свое алогичное возражение, но оно никак не опровергает того факта, что автор «Слова» знал о вокняжении Игоря Святославича в Чернигове.

Второй пассаж Л.В. Соколовой касается сопоставления мной походов на половцев Владимира Мономаха в 1111 г. и Игоря Святославича в 1185 г., и моего утверждения, что автор «Слова» при этом опирался на Киевский летописный свод.

Л.В. Соколова констатирует: «Автор «Слова», разумеется, знал летописный рассказ о походе Владимира Мономаха, поскольку сведения о событиях XI в. он черпал из «Повести временных лет», но из этого вовсе не следует, что «Слово» создано после Киевского свода 1198–1199 гг.»[19].

Жаль, конечно, что Л.В. Соколова не представила аргументы, которые бы засвидетельствовали, каким списком «Повестей временных лет» и из какого свода пользовался автор «Слова», равно как и летописной статьей 1185 г. о походе Игоря Святославича, написанной его участником. Специально отмечу, что эта *летописная статья о походе Игоря Святославича* имелась только в Выдубицком летописном своде, завершенном игуменом Моисеем после 1199 г., куда входили и «Повести временных лет» второй редакции с явной промономаховой позицией. И автор «Слова» мог воспользоваться этим сводом после его завершения. Если Л.В. Соколова не разделяет этого мнения, то ей нужно было бы аргументированно обосновать свое собственное.

Она же сознательно упускает (точнее – не замечает) два важных датирующих «Слово» свидетельства, поскольку не смогла, как ранее и А.М. Ранчин, их опровергнуть.

Нижняя граница написания «Слова» определяется на основании обращений автора к Всеволоду Суздальскому и Роману Галицкому с упоминанием того самого Дона, к которому так стремился и Игорь Святославич, и констатацией факта этих походов: «Великый княже Всеволоде! <…> Ты бо можеши Волгу веслы раскропити*, а* ***Донъ*** *шеломы выльяти!*»[20]. Всеволод Юрьевич возвратился из удачного похода на Дон 6 июня 1198 г.

К Роману Мстиславичу Галицкому: «А ты, буй Романе! <…> Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи паворзи подъ шеломы латинскими. <…> Литва, Ятвязи, Деремела и *Половци* – сулици своя повръгоша, *а главы своя подклониша* подъ тыи мечи харалужныи. <…> ***Донъ*** *ти, княже,* ***кличетъ*** *и* ***зоветь*** <…> ***на побѣду***» (С.23). Выяснение времени *первого*, к тому же успешного похода Романа Мстиславича Галицкого на Дон в Половецкую степь помогает более точно установить и время написания «Слова», поскольку *автор уже знал о его исходе*, раз ***сообщает о победе***.

[18] Ужанков А.Н. «"Слово о полку Игореве" и его автор» М., 2020. С. 172. Странно, что Л.В. Соколова не заметила (или просто проигнорировала) мою критику мнения А.А. Горского по поводу «отня стола» и повторила этот несостоятельный аргумент. См. С. 145, 171-173.

[19] Соколова Л.В. Наталья Сергеевна Демкова – исследователь «Слова о полку Игореве». С. 163-164.

[20] Слово о полку Игореве. Под редакцией члена-корреспондента АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. «ЛП». М.-Л., 1950. С. 21. Далее страницы указаны в тексте статьи.

На основании обстоятельного исследования о времени этого похода Романа Галицкого, А.В. Майоров делает важный для нас вывод: «…Русские летописи и Хониат допускают возможность датировать первый поход Романа в Степь либо концом 1200-го, либо началом 1201 г. *При этом нет никакой возможности относить его к более раннему времени* (Выделено мной. – *А.У.*)»[21].

Эти сведения о походах Всеволода Юрьевича и Романа Мстиславича на Дон, о которых «знал и упоминал Автор «Слова», позволяют более точно указать на ***время написания «Слова о полку Игореве» – зима 1200 года*** (до мартовского новолетия 1201 г.), после похода Романа Галицкого на половцев и до смерти Игоря Святославича, произошедшей уже после лунного затмения 29 декабря 1200 года, предшествовавшего, как указано в летописях, смерти главного героя «Слова» – Игоря Святославича, но до лета 1201 г., когда Рюрик Ростиславич покинул Киевский престол, о чем автор не ведал»[22]. Эти весьма существенные датирующие признаки остаются до сих пор никем не опровергнутыми. Нельзя же серьезно воспринимать характеристику А.М. Ранчиным похода Всеволода Суздальского как «эпическую возвеличивающую гиперболу», а похода Романа Галицкого как «эпическое преувеличение»[23]. Разве Всеволод Юрьевич реально не ходил в 1198 г., а Роман Мстиславич в 1200 г. на Дон с победами?

Во фразе «ты бо можеши» автор «Слова» говорит не о гипотетических возможностях князя Всеволода Большое Гнездо сделать это в будущем (в Древней Руси отсутствовало понятие «земного будущего»[24]), как думает А.М. Ранчин. Автор «Слова» ничего не предполагает, не придумывает и не преувеличивает, а констатирует факт уже случившихся событий – реальных походов Всеволода Юрьевича на Волгу и Дон, о которых уже знает. Думается, он не случайно указывает, что оба победоносных похода Всеволода Юрьевича и Романа Мстиславича были на Дон, куда направлялся и Игорь, как бы сравнивая все три похода.

Между прочим, и «Галицко-Волынская летопись», продолжившая Киевскую (Выдубицкую) летопись в Ипатьевском летописном своде, тоже помнит об этом походе князя Романа Галицкого и называет его орлом, который «прехожаше землю» Половецкую, и «имже Половци дети страшахоу»[25]. Или в другом месте, говоря о его сыне, летописец вспоминает и отца: «Данилови Романовичю, князю бывшу велику, обладавшу Рускою землею, Кыевомъ и Володимеромъ и Галичемь со братомъ си, инеми странами... *Его же отець бе царь в Руской земли, иже покори Половецькую землю* и воева на иные страны все»[26]. А между этими двумя произведениями наблюдается очень тесная связь[27]. Древнерусские произведения исторически

[21] Майоров А.В. Русь, Византия и Западная Европа. СПб., 2011. С. 234.
[22] Ужанков А.Н. «"Слово о полку Игореве" и его автор». С. 177; Ужанков А.Н. «Слово о полку Игореве»: Историко-филологическое исследование. М., 2022. С. 269.
[23] См.: Ранчин А.М. Путеводитель по «Слову о полку Игореве». М., 2012. С. 137. Повторено: Ранчин А.М. «Слово о полку Игореве». Путеводитель. СПб., 2019. С. 216. Какая еще «возвеличивающая гипербола», если автор однозначно свидетельствует, что «Дон кличет и зовет на победу»! В научных исследованиях важно придерживаться текста произведения, а не фантазировать.
[24] Ужанков А.Н. Будущее в представлении писателей Древней Руси // Русская речь. 1988. № 6. С. 78-84.
[25] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т.II. М., 1998. Стлб. 716, 813.
[26] ПЛДР, XIII век. С. 314.
[27] Ужанков А.Н. «Слово о полку Игореве»: Историко-филологическое исследование. М., 2022. С. 565-574.

точны, в отличие от «эпических преувеличений» специалиста по творчеству Иосифа Бродского и любителя «эпических возвеличивающих гипербол» А.М. Ранчина.

Подводя итог этой дискуссии, с удовлетворением отмечу, что опровергнуть написание «Слова о полку Игореве» зимой 1200 г. моим критикам не удалось.

Место написания «Слова» определяется на основании тех источников, *находящихся в одном месте*, которыми пользовался автор, причем часть из них была на греческом языке. Прежде всего, это Библия, из которой были использованы: «Книга пророка Иеремии» (на греческом, поскольку еще не была переведена на церковно-славянский язык); Евангелия («Притча о блудном сыне»); Второзаконие; 3-я Книга Царств; Книга Иова; Книга Иоиля; Книга Софония; Исход; Апокалипсис. Кроме того: Псалтирь, Паремейник, «Канон Андрея Критского», «Откровение Мефодия Патарского»[28].

Две летописные статьи о походе – Переславльская, написанная до 1187 г., вошедшая в Лаврентьевскую летопись, и Выдубицкая, написанная во второй половине 1187-1188 гг. (говорит о «смертных язвах» Владимира Глебовича Переяславского, умершего 18.04.1187 г.).

Киевский (Выдубицкий) летописный свод, составленный не ранее 1199 г. в Выдубицком монастыре, в который вошла и «Повесть временных лет» новой редакции 1116-1117 гг. с явно выраженной симпатией к Владимиру Мономаху, и не позднее осени 1200 г., поскольку ничего не сообщает о победоносном походе в половецкую степь Романа Галицкого, за которым летописец тщательно следит, был использован составителем Ипатьевской летописи.

Поскольку игумен Моисей, составитель этого Выдубицкого летописного свода и автор, как вошедшей в него летописной статьи о злополучном походе Игоря Святославича, так и заключающей его «Похвалы» Рюрику Ростиславичу («Слова на обновление церкви св. Архангела Михаила» Выдубицкого монастыря, прочитанного 24.09.1199 г.), в своих произведениях допускал в цитатах из Псалтири и «Откровения Мефодия Патарского» грецизмы, можно заключить, что он пользовался этими книгами на греческом языке[29].

Эти выводы поддержал С.В. Алексеев: «А.Н. Ужанков исходит из гораздо более обоснованного (чем у Б.А. Рыбакова. – *А.У.*) <…> представления о целостности текста Киевского свода конца XII в. в его заключительной части. Соответственно, летописная повесть о походе Игоря, тесная связь которой со «Словом» на текстуальном и сюжетном уровне видится очевидной, является произведением того же автора, что и свод в целом. Этот автор давно отождествлен как игумен Выдубицкого монастыря Моисей, которому принадлежат заключительные статьи Киевской летописи в составе Ипатьевской. В Выдубицкий монастырь ведут и наблюдения за текстом «Слова». Они показывают знакомство автора с не только со славянскими, но и греческими текстами, в т.ч. библейских книг, использование которых прослеживается и в произведениях Моисея»[30].

Выдубицкий монастырь был основан Всеволодом Ярославичем в 70-е годы XI в. в Киеве рядом со своей княжеской резиденцией для монахов-греков, прибывших из Византии вместе с будущей его супругой Анной, матерью Владимира Мономаха. Они-то и привезли с собой

[28] Ужанков А.Н. «Слово о полку Игореве»: Историко-филологическое исследование. С. 396-403.
[29] Ужанков А.Н. «Слово о полку Игореве»: Историко-филологическое исследование. С. 396-482.
[30] Алексеев С.В. Новое о «Слове». С. 157.

книги на греческом языке[31]. Здесь автор мог узнать и неизвестные по другим источникам сведения о Мономашичах[32].

В этом монастыре в XII в. сформировалась целая литературная школа[33].

Практически точное совпадение источников, которыми пользовались автор «Слова» и игумен Моисей, свидетельствует, что они работали в одном месте. Причем, подчеркну особо, оба сообщают, что были непосредственными участниками злополучного похода Игоря Святославича 1185 г., в котором спаслись только 15 человек.

Определение места написания «Слова» существенно способствует и выявлению его автора, поскольку значительно сужает круг потенциальных претендентов.

Автор «Слова». В своей летописной статье о походе, написанной после 1187 г., игумен Моисей, описывая случившееся в воскресенье поражение, замечает: «И тако во день святого воскресения наведе на ***ны*** (нас) Господь гневъ свои, в радости место наведе на ***ны*** (нас) плачь и во веселье место *желю* на реце *Каялы*» (Стлб. 642-643). То есть, говоря «нас», свидетельствует, что был среди участников этой битвы. *Никто и никогда не подвергал эти его слова сомнению*. Другое дело, им не придавали особого значения.

Важно отметить, что и автор «Слова» при описании *этой же битвы* свидетельствует о том же: «Что ***ми*** шумить, что ***ми*** звенить давечя рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ, *жаль* бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый, третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой *Каялы*. Ту кроваваго вина не доста» (С. 16-17).

Насколько мне известно, никто прежде не обращал внимания на такое совпадение двух текстов. Его нельзя назвать случайным, поскольку *и автор летописной повести игумен Моисей, и автор «Слова» не просто были участниками похода Игоря Святославича, но и указывают об этом в описании одного и того же эпизода битвы, и оба, и только они, при этом упоминают реку Каялу*. Трудно предположить, что это случайные смысловые совпадения. Напрашивается только один вывод: ***оба произведения написаны одним автором – игуменом Моисеем***. Сначала он описал поход в летописи, а затем снова пережил в «Слове» судьбоносный эпизод своей собственной жизни.

Понимая серьезность этого заключения, Л.В. Соколова попыталась дезавуировать вышеприведенное выражение из «Слова», ссылаясь на давнее и устаревшее мнение А.А. Потебни, которое не разделяли ведущие лингвисты[34]: «Стремясь доказать участие автора «Слова» в походе на половцев, А.Н. Ужанков указывает на «эффект присутствия автора при описании боя» (хотя в тексте Л.В. Соколовой эти слова закавычены, но они не принадлежат мне. – *А.У.*) отраженный якобы во фразе «Что *ми* шумить, что *ми* звенить давечя рано предъ

[31] Интересно параллельно отметить, что Святополк (Михаил) Изяславич (+1113 г.) был женат на дочери греческого императора Алексия Комнина Варваре, которая привезла с собой из Византии мощи св. Варвары и положила в церкви, сооруженной Святополком в Киево-Михайловском монастыре в 1108 г. См.: Макарий (Булгаков) Митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Книга вторая. М. 1995. С. 238.

[32] Кучкин В.А. XI век в «Слове о полку Игореве» // Вестник Общества исследователей Древней Руси за 2000 г. М., 2002.С. 58-69.

[33] Ужанков А.Н. «Слово о полку Игореве»: Историко-филологическое исследование. С. 419-433.

[34] Ужанков А.Н. «"Слово о полку Игореве" и его автор» М., 2020. С. 398, 484, прим. 528. Повторено: Ужанков А.Н. «Слово о полку Игореве»: Историко-филологическое исследование. С. 479, 559, прим. 555.

зорями?» <…> Однако еще А.А. Потебня отметил, что *ми* в данном случае – это dativus ethicus (дательный эпический), имеющий значение частицы, энклитики» [35]. Расширяя свои рассуждения Л.В. Соколова заявляет: «форма дательного падежа местоимений *ми* и *ти* употреблена в подобных случаях в функции, близкой к вводному слову, т.е. вне связи с прямым значением <…> Следовательно, энклитика *ми* в рассматриваемой фразе «Слова» не может служить указанием на присутствие автора на поле боя. А это разрушает миф А.Н. Ужанкова о том, что Моисей – один из уцелевших участников Игорева похода, после возвращения постригшийся в монахи и затем, *как свидетель*, написавший летописную повесть о походе Игоря, включенную в Киевский свод, и «Слово о полку Игореве»»[36].

В стремлении опровергнуть утверждение самого автора «Слова» Л.В. Соколова глубоко ошибается по поводу игумена Моисея – выдубицкого летописца. Исследовательница проигнорировала выше приведенное *его собственное свидетельство* в летописной повести *о его личном участии в походе* Игоря Святославича 1185 г. Следовательно, и остался жив, и постригся в монахи в Выдубицком монастыре, и составил там Киевский летописный свод, и включил в него собственный рассказ об этом событии. *Местоимение* ***ми*** (по мнению Л.В. Соколовой – энклитика) *из «Слова» никак не может опровергнуть слова* ***летописца*** *Моисея, что он был участником того злополучного похода,* поражение в котором осмыслил как наказание Господне.

Л.В. Соколова могла бы подвергнуть сомнению мое утверждение, что игумен Моисей и автор «Слова» одно и то же лицо, но она не на этом делает акцент, а на том, что местоимение (энклитика) *ми* в «Слове» не свидетельствует об участии его автора в этом сражении. Однако и в этом рецензент тоже сильно заблуждается.

Лидия Викторовна, к сожалению, не прислушалась к мнению лингвиста Л.В. Виноградовой, высказанном в словарной статье на местоимение азъ «Словаря-справочника "Слова о полку Игореве"»: «*Ми* – краткая форма дательного падежа» «личного местоимения 1-го л. ед. ч. *Азъ*»[37]. В качестве примеров она приводит и выражения из самого «Слова» (например, слова Святослава Всеволодовича о себе: «…чръпахуть *ми* синее вино…, сыпахуть *ми* тъщими тулы…»). По словам Л.В. Виноградовой, этой «*общепринятой* точки зрения», придерживались и крупнейшие советские лингвисты Л.А. Булаховский[38] и С.П. Обнорский[39]. Однако Л.В. Соколова оспаривает не их мнение, а спорит со мной, констатируя: «Довод А.Н. Ужанкова (как видим, не мой, а лингвистов! – *А.У.*) трудно признать хоть сколько-нибудь убедительным, особенно в отношении произведения, автор которого постоянно "играет" словами, используя одно и то же слово в разных его значениях» (С.419). А если так, то почему же не признать, что автор в разбираемом случае подразумевал именно себя?

[35] Потебня А.А. Слово о полку Игореве. 2-е изд. Харьков: Тип. «Мириный труд», 1914. С. 186.
[36] Соколова Л.В. Новая книга – старые идеи (Рецензия С. 419-420.
[37] Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Выпуск 1. А-Г. Составитель В.Л. Виноградова. М.-Л.: Наука, 1965. С. 35-36; Виноградова В.Л. К лексико-семантическим параллелям «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования. М.: Наука, 1988. С.149-152.
[38] Булаховский Л.А. «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка // «Слово о полку Игореве»: Сб. исслед. и ст. М.; Л., 1950. С. 136.
[39] Обнорский С.П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946. С. 157.

Л.В. Виноградова еще раз коснулась этого вопроса в другой, более поздней статье, выделив «*особое мнение* А.А. Потебни», о котором говорила прежде [40]. Однако Л.В. Соколова *общепринятому мнению* лингвистов противопоставила мнение одного А.А. Алексеева[41].

В качестве ответа я уже приводил «мнение двух не менее авторитетных современных специалистов по исторической грамматике. На мой им вопрос, что такое ***ми*** в «Слове о полку Игореве» в строке: «Что *ми* шумить, что *ми* звенить давеча рано пред зорями? Игорь плъки заворачивает...»: это личное местоимение в дательном падеже или нечто другое, и можно ли его переводить как ***мне***, профессор, доктор филологических наук А.В. Григорьев ответил: «*ми* – дательный косвенного объекта, то есть "мне". Понятно, что по общему смыслу фразы это что-то типа "что за шум я слышу? Что за звон?" Но грамматически – это "мне"»[42].

Другой мой коллега – профессор, доктор филологических наук А.М. Камчатнов ответил мне: «"МИ – это так называемая *энклитическая форма местоимения* (выделено мной. – *А.У.*) в дательном падеже МЬНѢ (на конце ять), она всегда безударна и примыкает к предыдущему слову: ЧТОМИ шумить, ЧТОМИ звенить. Можно перевести как МНЕ. Дат. п. здесь – косвенный объект. Ср. МНЕ не здоровится, не спится и пр. Другие энклитики: ТИ = ТЕБЕ. СИ = СЕБЕ. ТЯ = ТЕБЯ, СЯ – СЕБЯ. СЯ стало частицей, образующей возвратные глаголы"»[43].

Стало быть, автор «Слова» в разбираемой фразе подразумевал все же себя, как бы этому не противилась Л.В. Соколова.

Мне особо и не нужно доказывать, что автор «Слова» был участником этого похода, ибо он сам говорит о себе как дружиннике в другом месте произведения: «А *мы* уже, *дружина*, жадни веселия» (С. 20). На это свидетельство обратил внимание еще Д.С. Лихачев: «В словах "мы… дружина" можно усмотреть указание на то, что автор «Слова» принадлежал к дружине»[44]. Л.В. Соколова это замечание Д.С. Лихачева просто проигнорировала.

Следовательно, *автор* «Слова», все же *был участником того злополучного похода*, о чем он сам *дважды* и свидетельствует.

Наконец, автор «Задонщины», используя многочисленные заимствования из «Слова», в том числе и разбираемый пассаж, опускает местоимение *ми*, поскольку сам не был участником похода Дмитрия Донского против Мамая, т.е., он, читатель XIV в., в отличие от современной исследовательницы, принял разбираемые нами слова автора «Слова» как сказанные им о себе. Причем, что важно, автор «Слова» не просто участник и дружинник, но и сообщает о своем присутствии на поле боя при описании того самого рокового сражения, как это сделал прежде выдубицкий летописец Моисей, и только в их рассказах упоминается река Каяла.

Выстроим ряд логических силлогизмов.

---

[40] Виноградова В.Л. К лексико-семантическим параллелям «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования. М.: Наука, 1988. С.149-152.

[41] Алексеев А.А. Dativus ethicus в «Слове о полку Игореве» // Алексеев А.А. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб.: Петербургское лингвистическое общество. 2013. С. 207-214.

[42] Ужанков А.Н. Об атрибуции «Слова о полку Игореве» и несостоятельности суждений Л.В. Соколовой // Новый исторический вестник. 2025. № 4 (86). С. 124-125.

[43] Там же. С. 125.

[44] См.: Лихачев Д.С. Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве. Под редакцией члена-корреспондента АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. «ЛП». М.-Л., 1950. С.432.

Автор летописной статьи был участником похода (и последнего боя), о чем сам и свидетельствует. Летописную статью, как и весь летописный свод за 1187-1199 гг., написал игумен Выдубицкого монастыря Моисей. Значит, игумен Моисей участник похода.

Автор «Слова» – участник похода, о чем сам и говорит. «Слово» написано в 1200 г. с использованием Киевского летописного свода, написанного в Выдубицком монастыре, и хранящихся там источников. Значит, «Слово» написано в Выдубицком монастыре участником похода.

Игумен Моисей знал греческий язык – остались грецизмы в его торжественном слове на освящение церкви св. Архангела Михаила 24.09.1199 г., завершающим его летописный свод.

Автор «Слова» использовал «Книгу пророка Иеремии» на греческом языке. Более того, игумен Моисей и автор «Слова» пользовались одними и теми же источниками, в том числе и на греческом языке.

Значит, в 1200 г. и игумен Моисей, и автор «Слова» трудились в Выдубицком монастыре. Оба – участники похода из числа 15-ти спасшихся. Оба – талантливые профессиональные писатели.

Игумен Моисей значительную часть своей Киевской летописи посвящает истории Галицкого княжества и его князьям, что дало повод исследователям видеть в нем галичанина[45].

Автор «Слова» называет галицкого князя Ярослава Осмомысла «господином», следовательно, когда-то служил у него, а, стало быть, он галичанин! Значит, оба были выходцами из Галицкого княжества.

Игумен Моисей посвящает панегирик Рюрику Ростиславичу, – правящему в Киеве князю из рода Мономашичей, своему господину.

Автор «Слова» называет «господинами» Рюрика и Давида Ростиславичей – правивших в его время в Киеве и Русской земле братьев. Следовательно, трудился при них.

Л.В. Соколова и А.М. Ранчин не учли и не объяснили это важное обстоятельство: почему игумен Моисей в «Слове на освящение церкви св. Архангела Михаила» и автор «Слова о полку Игореве» называют в 1199-1200 гг. Рюрика Ростиславича своим господином?

А это значит, что галичане игумен Моисей и автор «Слова» уже в конце XII в. считают своим господином правящего в Киеве Рюрика Ростиславича, сами же пребывают в это время в Выдубицком монастыре.

И, как-то неожиданно, именно игумен Моисей – единственный, кто называет Игоря Святославича из соперничавшего с Мономашичами рода Ольговичей «благоверным князем» (как, кстати сказать, и Рюрика Ростиславича). «Начиная с 1181 и до конца Киевской летописи, игумен Моисей проявляет заметный интерес и свое особое расположение к Новгород-Северскому князю Игорю Святославичу, назвав его при восхождении в 1198 г. на

[45] Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 60-72; Толочко П.П. Русские летописи и летописцы X-XIII. СПб, 2003. С. 128-144.

Черниговский отчий престол *благоверным* князем. Такой эпитет по отношению к князю Игорю более нигде не встречается»[46].

Получается, что выходец из Галицкой земли Моисей, игумен Выдубицкого ктиторского монастыря Мономашичей, почему-то проявляет уважение и симпатию к Игорю Святославичу.

Автор «Слова» – когда-то подопечный Ярослава Осмомысла, тоже выходец из Галицкой земли, тоже трудится в Киевском Выдубицком монастыре уже при Рюрике Ростиславиче – своем новом господине, и тоже проявляет уважение и симпатию к Игорю Святославичу.

Значит, и игумен Моисей, и автор «Слова» питают равные чувства к Игорю Святославичу.

Составим таблицу истинности эквиваленции:

Игумен Моисей	*Автор «Слова»*	*Игумен Моисей ≡ автор «Слова»*
Выходец из Галицкой земли	Выходец из Галицкой земли	1
Воздает хвалу своему господину Киевскому князю Рюрику Ростиславичу	Называет Рюрика Ростиславича своим господином	1
Трудился в Выдубицком монастыре	Трудился в Выдубицком монастыре	1
Участник похода Игоря Святославича	Участник похода Игоря Святославича	1
Один из 15-ти спасшихся	Один из 15-ти спасшихся	1
Описывает этот злосчастный поход	Описывает этот злосчастный поход	1
Сам говорит об этом	Сам говорит об этом	1
Знает греческий язык	Знает греческий язык	1
Трудился в 1200 г.	Трудился в 1200 г.	1
Упоминает Каялу реку	Упоминает Каялу реку	1

По равенству десяти постоянных значений получается, что игумен Моисей ↔ автор «Слова».

Об этом я и написал в монографии: «Особое … отношение к Игорю Святославичу («благоверный князь») и совпадение в восприятии, отражении и воспоминании одного и того же – ключевого – момента битвы в летописной повести и «Слове», накрепко соединяет оба этих произведения *одним автором*. И поскольку между этими произведениями находится

[46] *Ужанков А.Н.* «Слово о полку Игореве»: Историко-филологическое исследование. С. 444. Здесь уместно вспомнить, что автор «Слова» в художественной форме указал на путь Игоря Святославича к Черниговскому «отню злату столу».

Киевская летопись, составленная игуменом Моисеем, вобравшая в себя летописную повесть и предваряющая «Слово о полку Игореве», можно со значительной долей вероятности заключить, что единым автором этих произведений был игумен Моисей»[47].

По мнению Л.В. Соколовой, я не просто пытаюсь «реконструировать биографию Моисея», а «сочинить ее» (С. 417). Не знаю, что мешает исследовательнице выстроить логическую цепочку в биографии автора «Слова»: он обращается к Ярославу Осмомыслу Галицкому «господине», значит, служил у него до смерти князя 1.10.1187 г. Поскольку сам свидетельствует, что был участником похода Игоря Святославича в апреле-мае 1185 г., стало быть, уже покинул к тому времени Галицкую Русь, но сохранил к ней интерес, в частности, к Роману Мстиславичу, и упомянул о его победе на Дону в 1200 г. В это время автор уже пребывал в Киеве и называет «господинами» Рюрика и Давыда Ростиславичей, правивших, первый – в Киеве, второй – в Русской земле. Этот дуумвират был возможен только после смерти Святослава Всеволодовича в 27.07.1194 г.

В Новгород-Северском княжестве этот галичанин оказался, думается, не случайно. Игорь Святославич был женат на дочери того самого князя Ярослава Осмомысла, которого автор называет своим господином. Скорее всего, галицкий князь Ярослава Владимирович доверил ему свою дочь в поездке на Северщину, и его подданный надолго остался там при княгине.

А дальше проследим историю игумена Моисея. Он принял участие в походе 1185 г. на половцев и ему, как и автору «Слова», удалось спастись в числе 15 человек.

Поскольку не позднее 1187 г. (начало его работы над летописным сводом[48]) он оказывается в качестве монаха в Выдубицком монастыре, стало быть, принял постриг под именем Моисея. На Руси постриг по обету был распространенным явлением. Он мог его дать при условии спасения.

В 1189 году умер епископ Белгородский Максим, и великий князь Рюрик Ростиславич поставил на освободившееся место владыки своего духовника – игумена Выдубицкого монастыря Андриана. А на его место в Выдубицкую обитель игуменом был назначен иеромонах Моисей.

Будучи игуменом, Моисей по-прежнему продолжает работу над Киевским летописным сводом. Судя по его редакторским вставкам и ремаркам, свидетельствующим о времени их написания, составление Киевского свода длилось с 1187 г. по 1199 г. (Ипатьевская летопись – 1200 г.).

«Смена духовника князя Рюрика игумена Андриана, ставшего епископом в Белгороде, на игумена Моисея, не так давно появившегося в монастыре, свидетельствует, что и игумен Моисей был близок дому Мономашичей. Это подтверждает и составленная им Киевская летопись, отражающая взгляды и отношение к описываемой действительности с позиции рода Мономашичей и, прежде всего, великого князя Рюрика Ростиславича» (С. 402-403).

В конце XII – начале XIII в. заметна тесная связь галицких князей и Выдубицкого монастыря. В него Роман Мстиславич насильно пострижет в 1203 г. своего бывшего тестя

[47] Ужанков А.Н. «Слово о полку Игореве»: Историко-филологическое исследование. С. 461.
[48] Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 173.

Рюрика Ростиславича, но игумен Моисей об этом еще не знает. И Даниил Романович по пути в Орду остановится в Выдубицком монастыре, думаю, не случайно.

В подтверждение принадлежности *священнику* летописной статьи о походе Игоря Святославича в 1185 г. на половцев приведу очень важные наблюдения и выводы В.В. Василика. Он обнаружил и указал на целый ряд цитат и аллюзий из Священного Писания, богослужебных книг и святоотеческих творений [49] в летописной статье и пришел к заключению, что «автор Летописной статьи 1185 г. знал не только Псалтирь и Паримийник, но и библейские тексты, не вошедшие в богослужебные книги или в цитаты в Новом Завете. В частности, возможно, это касается книги пророка Осии («***Помянухъ*** азъ грехы своя…»/ «Вся ***злобы*** ихъ ***помянухъ***» [Ос. 7:2]), которая вообще не представлена в богослужебной традиции и в конце XII в. на Руси отсутствовала в составе церковнославянских книг. То же справедливо и для возможной параллели с Екклесиастом («***живии мертвымъ завидять***, а мертвии радовахуся»/ «И ***похвалихъ азъ всѣхъ умершихъ***, иже умроша уже, паче живыхъ, елицы живи суть доселѣ» [Еккл. 4:2]). Скорее всего, автор статьи 1185 г. мог быть знаком с ней в греческом оригинале, что подтверждает гипотезу А.Н. Ужанкова о знании игуменом Моисеем греческого языка»[50].

«Цитата из Песни Азарии (Дан. 3, 40) не только говорит о влиянии традиции библейских песен на автора <…>, но и являет нам яркий образ вавилонского плена как символ плена половецкого, в котором оказался Игорь в результате своего неразумия»[51].

Иными словами, на автора «Слова» оказали влияние книги Священного Писания, и, в частности, «Книга пророка Иеремии». В ней повествуется о походе царя Седекия в Египет как его союзника против Вавилонского царя Навуходоносора, и сделавшего его когда-то царем, но попадает к нему в плен. Игорь Святославич идет в Степь против бывшего своего союзника Кончака и свата, и попадает к нему в плен! Смысловая параллель здесь очевидна, и подкрепляется она множеством аллюзий и скрытых цитат (экзегез) из «Книги» (С. 408-418).

А вот с этим обстоятельством Л.В. Соколова не намерена мириться, поскольку оно полностью опровергает ее стойкое убеждение (впрочем, как и мнение А.М. Ранчина), что «Слово» – светское[52] произведение. Поэтому весь пафос ее рецензии был направлен на то, чтобы подвергнуть сомнению наличие в «Слове» каких-либо аллюзий с еще не переведенной на церковнославянский язык «Книгой пророка Иеремии», тем более что автор мог воспользоваться ею только на греческом языке и только в Выдубицком монастыре.

Л.В. Соколовой важно было «вывести» автора из Выдубицкого монастыря, чтобы не было никакой ассоциации с игуменом Моисеем, для чего она попыталась сначала опровергнуть всякую связь «Слова» с «Книгой пророка Иеремии» на греческом языке, а потом и вообще всякую с ней связь, но не сумела представить хоть какие-нибудь доказательства и заменила их

[49] *Василик В.В.* «Слово о полку Игореве» и его автор: эпифаническая связь событий. С. 298-300.
[50] *Василик В.В.* «Слово о полку Игореве» и его автор: эпифаническая связь событий. С. 298-300.
[51] Там же, с. 300.
[52] По большому счету термин «светское» вообще не подходит для творений Древней Руси, поскольку связан уже с Новым временем. Предпочтительнее употреблять другой термин – мирское, как противоположность церковному, но не религиозному. Все мирские произведение Древней Руси, такие как «Поучение» Владимира Мономаха, «Моление» или «Слово» Даниила Заточника, «Слово о полку Игореве» и др., – религиозны по своей сути. Да иначе и быть не могло во времена господства теоцентрического мировоззрения.

своими рассуждениями о возможном переводе «Книги» уже в XII в., ссылаясь на полученные от В.А. Ромодановской сведения о переводе с 26-й по 45-ю глав «Книги пророка Иеремии» в «Толковых пророчествах» 1047 г. Сама она с этой рукописью не работала, сравнения не проводила, откуда она происходит – не известно, знал ли ее автор «Слова» – не известно, примеры из нее не приведены, но исследовательница делает решительный вывод: теория Ужанкова – несостоятельна!

Л.В. Соколова (как прежде и А.М. Ранчин) умышленно проигнорировала указанный мной факт, что *автор «Слова» использовал параллели совершенно к другим главам* «Книги пророка Иеремии»: 2-15, 46, 50, которые не попали в «Толковые пророчества»[53]. Увы, Л.В. Соколова не знает статью той же В.А. Ромодановской, в которой отмечается, что указанные мной главы «Книги пророка Иеремии» были переведены с латинского языка только в 1499 г.[54] Тогда не пришлось бы ей пускаться в напрасные рассуждения.

Важно отметить, что это не единственное свидетельство о работе автора «Слова» в Выдубицком монастыре, он использовал и другие книги, которыми пользовался игумен Моисей. И это существенное обстоятельство. Однако другие факты исследовательница не стала разбирать, поскольку и тут ей нечего было возразить. Она сосредоточилась всего лишь на одном примере влияния «Книги пророка Иеремии» на «Слово», и даже не опровергла его, а всего лишь подвергла сомнению в своих не имеющих основания рассуждениях, тем не менее, подытожила их: автор не писал в Выдубицком монастыре, мог написать «Слово» и в другом месте. Интересно, в каком? Жаль, что Л.В. Соколова этого не указала. Да и как тогда быть с использованием автором «Слова» Киевского летописного свода, завершенного (или завершаемого) игуменом Моисеем в Выдубицком монастыре в 1200 г., когда было написано и само «Слово о полку Игореве»? Он его тоже перенес в «другое место»?

При всем этом Л.В. Соколова даже не попыталась подвергнуть сомнению (не то, что разрушить!) *систему доказательств*, не разобрала критически все свидетельства о работе автора в Выдубицком монастыре, не опровергла их, а всего лишь усомнилась (без доказательств) в одном из них – тесной связи «Слова» с «Книгой пророка Иеремии», но этого ей было достаточно, чтобы не согласиться с моими выводами. А поскольку ей не удалось обосновать, что игумен Моисей не мог быть автором «Слова», значит, критический выпад ее был напрасен. Несмотря на все свои усилия, Л.В. Соколова так и не смогла опровергнуть мои доказательства написания «Слова о полку Игореве» игуменом Моисеем в Выдубицком монастыре.

Осознавая это, Л.В. Соколова сосредоточилась на формировании негативного отношения к моему исследованию в целом. Для этого она использовала все возможные приемы и средства. Например, обвинила меня в том, что я «выстроил» последовательность летописных повестей и «Слова», не сославшись на ее статьи, и тут же приводит цитату из моей книги, где я указываю на разыскания Н.С. Демковой и дополнения самой Л.В. Соколовой! (С. 186-187). Если я

[53] Об этом я уже писал в монографии, указывая А.М. Ранчину, который так же ссылался на «Книгу пророчеств», на ошибочность его утверждений. См.: Ужанков А.Н. «Слово о полку Игореве» и его автор. С. 471-473, прим. 446. Поэтому мне не понятно, почему, зная об этом, Л.В. Соколова повторила ту же нелепость.

[54] Ромодановская В. А. Перевод инфинитива в «латинских» книгах Геннадиевской библии // ТОДРЛ. 2016. Т. LXIV. С. 26.

ссылаюсь на ее же мнение, то, каким образом я мог «безосновательно приписать себе установление взаимоотношений «Слова» с летописными рассказами о походе Игоря Святославича» (С. 421)? В моей книге страницы с 185 по 188 как раз и содержат разбор взглядов обеих исследовательниц!

Другое дело, что ни Н.С. Демкова, ни Л.В. Соколова не учли и не обратили внимание на Киевский летописный свод, куда вошла летописная повесть о походе игумена Моисея. А он-то для уточнения времени написания «Слова» наиболее важен, поскольку автор «Слова» пользовался им.

Тогда только окончательно и выстраивается хронология появления повести из Лаврентьевской летописи, повести из Выдубицкого свода, самого Киевского летописного свода и «Слова». Вот такой последовательный ряд, насколько мне известно, никто ранее не выстраивал, но он уже признается учеными. Проведенная мной датировка «Слова» зимой 1200 г., по мнению С.В. Алексеева, «окончательно решает и проблему соотношения летописной повести и «Слова» в пользу первичности первой»[55].

№ 2

Если А.М. Ранчин (который никогда не занимался ни переводом «Слова», ни комментариями «темных мест» к нему) в своем критическом запале заметил, что мой перевод малооригинален, а комментарии к «Слову» слишком лаконичны, то Л.В. Соколова, которая всю свою научную жизнь занимается толкованием «темных мест», наоборот отмечает слишком много нового и в переводе, и в комментариях, и подвергает их критическому разбору. Цель все та же – вызвать недоверие к моему исследованию, как в целом, так и в мелочах.

В качестве примера разберу наиболее показательные из них, чтобы была понятна суть претензий исследовательницы. Основной их разбор дан мною в другой обстоятельной статье[56].

Прежде всего, вызывает удивление та безапелляционность, с которой Л.В. Соколова отстаивает свои «прочтения» «темных мест» «Слова» и его деление на синтагмы, не просто отвергая предложенное мною чтение, но и утверждая по ходу свое, не единожды упрекнув меня в крайне плохом понимании текста памятника (С. 422).

К примеру, значение слова *полунощи* и толкование самой фразы «прысну море полунощи идутъ сморци мьглами» в моем переводе: «Прыснуло море в полуночи. Идут смерчи мглою» (С. 76) признается ею неправильным.

По мнению исследовательницы, «…слово "полунощи" в данном контексте означает *к северу*, – туда двигались смерчи, которыми Бог указывал Игорю путь из земли Половецкой на землю Русскую. Поэтому деление текста на синтагмы *должно быть* (! – *А.У.*) иное: "Прысну море. / Полунощи идутъ сморци мьглами"». Под мглой, полагая, что это слово утратило свое

[55] Алексеев С.В. Новое о «Слове» // Историческое обозрение. Вып. 23. М.: НП «Историко-просветительское общество "Радетель"»; Изд-во НИБ, 2022. С. 159.
[56] Ужанков А.Н. Об атрибуции «Слова о полку Игореве» и несостоятельности суждений Л.В. Соколовой // Новый исторический вестник. 2025. № 4 (86). С. 107-142.

первоначальное значение, она подразумевает облако[57]. «Смерч (вращающийся столб, воронка) двигался *к северу* вместе с порождающим его облаком» (С. 426).

В таком случае возникает у меня вопрос: а как тогда перевести фразу о Всеславе Полоцком, который «скочи… лютым звѣремъ *въ плъночи* изъ Белграда»? Или фразу «*въ полуночи* Овлуръ свисну за рекою»? Всех их потянуло на *север*?

«Слово» – поэтическое произведение. Примитивный позитивизм[58] в его интерпретации не способствует пониманию поэтических образов. Очевидно, что автор использует смысловой параллелизм: море вспенилось бурливо[59] в ночи, и Оврул свистнул в ночи, хотя, по летописи, Игорь бежит на вечерней зорьке, когда солнце уже село. Создается метафорический образ тьмы, в которой все это время от начала похода пребывал древнерусский князь, и начало его возвращения на свет начинается в полночь – самое темное время суток[60]. Практически все переводники переводят это место как «в полночь».

Еще большее раздражение вызвал мой перевод фразы «тогда ... сорокы не троскоташа, по лозию ползаша только» как: «сороки не стрекотали, по лозе ползали только». Л.В. Соколова возмутилась: «Но сороки не ползают! По земле они перемещаются в основном скачками и по веткам деревьев также передвигаются прыжками» (С. 427).

Всю мою жизнь меня окружают птицы, за которыми я наблюдаю. Сороки очень чуткие птицы и сразу же громким стрекотанием реагируют на опасность. А вот когда Игорь бежит из плена, они умолкают, чтобы не указывать преследователям, где он находится. Однако «свою обеспокоенность они выражают в "ползании" по ветке – передвижении по прутику (лозе) влево-вправо, часто перебирая лапками – как бы скользя по ветке»[61]. Чтобы убедиться в этом, Л.В. Соколовой достаточно поместить сороку в клетку и понаблюдать, как та будет скользить по прутьям или сетке клетки.

Автор «Слова» создает запоминающуюся картину поведения птиц при бегстве Игоря: «А не сорокы втроскоташа — на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, по лозию ползоша только. Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловии веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ».

И в этом птичьем ряду нет места для полозов.

Ну и, конечно же, отрицание у Л.В. Соколовой вызвал образ Ярославны-чайки. «Зегзица, с которой отождествляется плачущая Ярославна, переводится А.Н. Ужанковым как чайка, <…> в то время как давно установлено, что зегзица в «Слове» – это кукушка, птица-плакальщица, символ тоскующей женщины» (С. 424), – безапелляционно заявляет она.

Именно, что давно и, к тому же, неверно.

---

[57] Однако А.С. Пушкин вполне уместно его использовал в своем стихотворении: «Буря *мглою* небо кроет, вихри снежные крутя…», подразумевая под ним отнюдь не только облако.

[58] Л.В. Соколова опирается на мнение метеорологов, в какие часы дня и в какие месяцы чаще всего бывают смерчи, игнорируя свидетельства древнерусских летописей. Например, о явлении вечером 11 февраля 1110 г., т.е., зимой, грома и огненного столпа, услышанного и увиденного в Киево-Печерском монастыре.

[59] Не отсюда ли созданный А.С. Пушкиным в «Сказке о царе Салтане» образ вспенившегося моря: «Море вздуется бурливо, / Закипит, подымет вой, / Хлынет на берег пустой…»?

[60] Ужанков А.Н. «"Слово о полку Игореве" и его автор» М., 2020. С. 255-269.

[61] Ужанков А.Н. Об атрибуции «Слова о полку Игореве» и несостоятельности суждений Л.В. Соколовой // Новый исторический вестник. 2025. № 4 (86). С. 130

Зегзицей на Северщине еще в моем детстве называли речную чайку –чибиса (Vanellus capella) за его своеобразный ломанный полет зигзагами над водой, когда он поочередно касается то одним, то другим крылом речной глади. Это очень грациозная и красивая птица со строгим темно-коричневым (траурным) опереньем, с изящным хохолком на голове, белой опушкой на крыльях и протяжным плачем-причитанием: «чьи вы, чьи вы». Современные орнитологи однозначно видят в *зегзице* речную чайку – чибиса[62].

Следует заметить, что при создании художественных тропов, в данном случае – сравнений причитающей Ярославны с чайкой, писатели стремятся отразить в человеческих чертах или поведении характерные особенности животных. Например, храбро бьющийся князь Всеволод сравнивается с туром (быком), галицкий князь Роман Мстиславич, совершивший победоносный поход в половецкую степь, – со львом, рысью, крокодилом, орлом и тем же туром (в «Галицкой летописи»)[63].

Кукушка известна тем, что не имеет своего гнезда, «не высиживает своих птенцов, а подбрасывает яйцо в чужое гнездо». Когда из него появляется кукушонок, то он, еще будучи слепым, инстинктивно, «выталкивает из гнезда родных для птички птенцов, чтобы приемные родители выкармливали только его одного. Если Ярославна сравнивается с кукушкой, то какие из перечисленных качеств птицы переносятся на княгиню? К тому же, кукушка не летает над водой и не обмакивает в ней свое крыло»[64]. Да и воспринимается она на Черниговщине предвестницей скорби и печали, и никак не вяжется с образом молящейся супруги о спасении мужа.

Здесь нет места разбирать оставшиеся столь же вызывающие недоумение «прочтения» Л.В. Соколовой. Совершенно очевидно, Лидия Викторовна воспользовалась поводом, чтобы в очередной раз попытаться утвердить свои версии толкования «темных мест», абсолютно игнорируя другие мнения. Ее рецензия оказалась уж слишком эгоцентричной. Упор был сделан ею на собственные разработки и выводы, которые она, по всей видимости, считает последним верным словом в науке. А конечной целью – загнать в стойло устоявшихся в советское время представлений о «Слове».

Заключение

Однако научная мысль не стоит на месте. По мнению С.В. Алексеева, «исследование А.Н. Ужанкова, безусловно, представляет собой серьезнейшее движение вперед в понимании «Слова о полку Игореве»»[65].

При всем желании и стремлении Л.В. Соколовой так и не удалось опровергнуть свидетельства игумена Моисея в его летописной статье и автора «Слова» об их участии в злополучном походе Игоря Святославича в 1185 г. на половцев. Поскольку после разгромной

[62] Константинов В.М., Лебедев И.Г. Некоторые новые сведения о "зегзице" в «Слове о полку Игореве» // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 10. М., 2000. С.102–106.

[63] Роман Галицкий «устремилъбося бяше на поганыя яко и левъ, сердитъ же бысть яко и рысь, и губяше яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ яко и орелъ, храборъ бо бе яко и туръ». См.: Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т.II. СПб., 1845. С. 155.

[64] Ужанков А.Н. Об атрибуции «Слова о полку Игореве» и несостоятельности суждений Л.В. Соколовой. С. 130

[65] Алексеев С.В. Новое о «Слове» // Историческое обозрение. Вып. 23. М.: НП «Историко-просветительское общество "Радетель"»; Изд-во НИБ, 2022. С. 159.

битвы спаслось всего пятнадцать русских воинов, следовательно, оба – и игумен Моисей, и автор «Слова» – входят в их число. Уточнение места их *одновременной* писательской *деятельности* – Киевский Выдубицкий монастырь; времени завершения игуменом Моисеем Киевского летописного свода и написания «Слова» – зима 1200 г.; характеристика творческой работы летописца Моисея и автора «Слова»; использование ими одних и тех же источников; знание обоими греческого языка и т.д., позволяет заключить, что это был один человек – выходец из Галицкой Руси, дружинник Игоря Святославича, чудесным образом спасшийся от гибели в бою и постригшийся по обету в Выдубицкий монастырь.

С большой долей вероятности можно заключить, что мирское имя его – Беловолод (Беловод) Просович.

Полагаю, только объективная и беспристрастная научная дискуссия покажет, признают ли со временем другие исследователи представленные мною наблюдения и доказательства столь же убедительными, как они кажутся мне.

Список источников / References

1. Адрианова-Перетц, В. П. (Ред.). (1950). Слово о полку Игореве. М.-Л.: «ЛП».
   Adrianova-Peretts, V. P. (Ed.). (1950). Slovo o polku Igoreve. M.-L.: «LP». (In Russ.).
2. Алексеев, А. А. (1999). Текстология славянской Библии. СПб.
   Alekseyev, A. A. (1999). Tekstologiya slavyanskoy Biblii. SPb. (In Russ.).
3. Алексеев, А. А. (2013). Dativus ethicus в «Слове о полку Игореве». В: А. А. Алексеев, Очерки и этюды по истории литературного языка в России (с. 207—214). СПб.: Петербургское лингвистическое общество.
   Alekseyev, A. A. (2013). Dativus ethicus v «Slove o polku Igoreve». In: A. A. Alekseyev, Ocherki i etyudy po istorii literaturnogo yazyka v Rossii (pp. 207—214). SPb.: Peterburgskoye lingvisticheskoye obshchestvo. (In Russ.).
4. Алексеев, С. В. (2022). Новое о «Слове». Историческое обозрение, 23, 156—159.
   Alekseyev, S. V. (2022). Novoye o «Slove». Istoricheskoye obozreniye, 23, 156—159. (In Russ.).
5. Булаховский, Л. А. (1950). «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка. В: «Слово о полку Игореве»: Сб. исслед. и ст. (с. 130—163). М.; Л.
   Bulakhovskiy, L. A. (1950). «Slovo o polku Igoreve» kak pamyatnik drevnerusskogo yazyka. In: «Slovo o polku Igoreve»: Sb. issled. i st. (pp. 130—163). M.; L. (In Russ.).
6. Василик, В. В. (2021). «Слово о полку Игореве» и его автор: эпифаническая связь событий (Размышления над книгой А. Н. Ужанкова «Слово о полку Игореве» и его автор»). Русин, 66, 283—305.
   Vasilik, V. V. (2021). «Slovo o polku Igoreve» i yego avtor: epifanicheskaya svyaz' sobytiy (Razmyshleniya nad knigoy A. N. Uzhankova «Slovo o polku Igoreve» i yego avtor»). Rusin, 66, 283—305. (In Russ.).
7. Виноградова, В. Л. (1988). К лексико-семантическим параллелям «Слова о полку Игореве». В: «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования (с. 141—152). М.:

Наука.
Vinogradova, V. L. (1988). K leksiko-semanticheskim parallelyam «Slova o polku Igoreve». In: «Slovo o polku Igoreve». Kompleksnyye issledovaniya (pp. 141—152). M.: Nauka. (In Russ.).

8. Виноградова, В. Л. (Сост.). (1965). Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Выпуск 1. А-Г. М.-Л.: Наука.
Vinogradova, V. L. (Comp.). (1965). Slovar'-spravochnik «Slova o polku Igoreve». Vypusk 1. A-G. M.-L.: Nauka. (In Russ.).
9. Ипатьевская летопись. (1998). ПСРЛ. Т. II. М.
Ipat'yevskaya letopis'. (1998). PSRL. T. II. M. (In Russ.).
10. Константинов, В. М., Лебедев, И. Г. (2000). Некоторые новые сведения о "зегзице" в «Слове о полку Игореве». Герменевтика древнерусской литературы, 10, 102—106.
Konstantinov, V. M., Lebedev, I. G. (2000). Nekotoryye novyye svedeniya o "zegzitse" v «Slove o polku Igoreve». Germenevtika drevnerusskoy literatury, 10, 102—106. (In Russ.).
11. Кучкин, В. А. (2002). XI век в «Слове о полку Игореве». Вестник Общества исследователей Древней Руси за 2000 г., 58—69.
Kuchkin, V. A. (2002). XI vek v «Slove o polku Igoreve». Vestnik Obshchestva issledovateley Drevney Rusi za 2000 g., 58—69. (In Russ.).
12. Лаврентьевская летопись. (1997). ПСРЛ. Т. I. М.
Lavrent'yevskaya letopis'. (1997). PSRL. T. I. M. (In Russ.).
13. Лихачев, Д. С. (1950). Комментарий исторический и географический. В: В. П. Адрианова-Перетц (Ред.), Слово о полку Игореве (с. 375—466). М.-Л.: «ЛП».
Likhachev, D. S. (1950). Kommentariy istoricheskiy i geograficheskiy. In: V. P. Adrianova-Peretts (Ed.), Slovo o polku Igoreve (pp. 375—466). M.-L.: «LP». (In Russ.).
14. Майоров, А. В. (2011). Русь, Византия и Западная Европа. СПб.
Mayorov, A. V. (2011). Rus', Vizantiya i Zapadnaya Evropa. SPb. (In Russ.).
15. Обнорский, С. П. (1946). Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л.
Obnorskiy, S. P. (1946). Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka starshego perioda. M.; L. (In Russ.).
16. Потебня, А. А. (1914). Слово о полку Игореве (2-е изд.). Харьков: Тип. «Мирный труд».
Potebnya, A. A. (1914). Slovo o polku Igoreve (2nd ed.). Khar'kov: Tip. «Mirnyy trud». (In Russ.).
17. Ранчин, А. М. (2019). «Слово о полку Игореве». Путеводитель. СПб.
Ranchin, A. M. (2019). «Slovo o polku Igoreve». Putivoditel'. SPb. (In Russ.).
18. Ранчин, А. М. (2022). Крайности, которые сходятся: две книги о «Слове о полку Игореве». Новый мир, 10, 202—207.
Ranchin, A. M. (2022). Kraynosti, kotoryye shodyatsya: dve knigi o «Slove o polku Igoreve». Novyy mir, 10, 202—207. (In Russ.).

19. Ранчин, А. М. (2024). Знал ли автор «Слова о полку Игореве» летописные повести о походе 1185 г.? Часть 1. Вестник Московского университета. Серия 9. Филология, 2, 97—111.
Ranchin, A. M. (2024). Znal li avtor «Slova o polku Igoreve» letopisnyye povesti o pokhode 1185 g.? Chast' 1. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya, 2, 97—111. (In Russ.).

20. Ранчин, А. М. (2024). Знал ли автор «Слова о полку Игореве» летописные повести о походе 1185 г.? Часть 2. Вестник Московского университета. Серия 9. Филология, 3, 195—208.
Ranchin, A. M. (2024). Znal li avtor «Slova o polku Igoreve» letopisnyye povesti o pokhode 1185 g.? Chast' 2. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya, 3, 195—208. (In Russ.).

21. Ромодановская, В. А. (2016). Перевод инфинитива в «латинских» книгах Геннадиевской библии. ТОДРЛ, LXIV, 26—32.
Romodanovskaya, V. A. (2016). Perevod infinitiva v «latinskikh» knigakh Gennadiyevskoy biblii. TODRL, LXIV, 26—32. (In Russ.).

22. Рыбаков, Б. А. (1971). «Слово о полку Игореве» и его современники. М.
Rybakov, B. A. (1971). «Slovo o polku Igoreve» i yego sovremenniki. M. (In Russ.).

23. Рыбаков, Б. А. (1972). Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М.
Rybakov, B. A. (1972). Russkiye letopistsy i avtor «Slova o polku Igoreve». M. (In Russ.).

24. Соколова, Л. (2022). Новая книга – старые идеи. В: Текст и традиция: альманах. Том 10 (с. 407—430). СПб.: Росток.
Sokolova, L. (2022). Novaya kniga – staryye idei. In: Tekst i traditsiya: al'manakh. Tom 10 (pp. 407—430). SPb.: Rostok. (In Russ.).

25. Соколова, Л. В. (2022). Наталья Сергеевна Демкова – исследователь «Слова о полку Игореве». Словесность и история, 4, 157—175.
Sokolova, L. V. (2022). Natal'ya Sergeyevna Demkova – issledovatel' «Slova o polku Igoreve». Slovesnost' i istoriya, 4, 157—175. (In Russ.).

26. Толочко, П. П. (2003). Русские летописи и летописцы X-XIII вв. СПб.
Tolochko, P. P. (2003). Russkiye letopisi i letopistsi X-XIII vv. SPb. (In Russ.).

27. Ужанков, А. Н. (1988). Будущее в представлении писателей Древней Руси. Русская речь, 6, 78—84.
Uzhankov, A. N. (1988). Budushcheye v predstavlenii pisateley Drevney Rusi. Russkaya rech', 6, 78—84. (In Russ.).

28. Ужанков, А. Н. (2015). «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М.: Академика.
Uzhankov, A. N. (2015). «Slovo o polku Igoreve» i yego epokha. M.: Akademika. (In Russ.).

29. Ужанков, А. Н. (2020). «Слово о полку Игореве» и его автор. М.: Согласие.
Uzhankov, A. N. (2020). «Slovo o polku Igoreve» i yego avtor. M.: Soglasiye. (In Russ.).

30. Ужанков, А. Н. (2022). «Слово о полку Игореве»: Историко-филологическое исследование. М.: Языки славянской культуры.
Uzhankov, A. N. (2022). «Slovo o polku Igoreve»: Istoriko-filologicheskoye issledovaniye. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russ.).

31. Ужанков, А. Н. (2025). Об атрибуции «Слова о полку Игореве» и несостоятельности суждений Л. В. Соколовой. Новый филологический вестник, 4(86), 107—142.
Uzhankov, A. N. (2025). Ob atributsii «Slova o polku Igoreve» i nesostoyatel'nosti suzhdeniy L. V. Sokolovoy. Novyy filologicheskiy vestnik, 4(86), 107—142. (In Russ.).

32. Энциклопедия «Слова о полку Игореве». (1995). Т. 1-5. СПб.
Entsiklopediya «Slova o polku Igoreve». (1995). T. 1-5. SPb. (In Russ.).

Информация об авторе

Александр Николаевич Ужанков, доктор филологических наук, профессор, советник ректората и профессор кафедры литературы, Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ФГБОУ ВО МГУТУ), руководитель Центра фундаментальных исследований русской средневековой культуры Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, профессор, Сретенская Духовная Академия, Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0009-0003-9883-2074, e-mail: a.n.uzhankov@mail.ru

Information about the author

Aleksandr N. Uzhankov, Doctor of Science (Philology), Professor, Advisor to the Rector's Office and Professor at the Department of Literature, Moscow State University of Technologies and Management named after K. G. Razumovsky; Head of the Center for Fundamental Research on Russian Medieval Culture at the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D. S. Likhachev; Professor at the Sretensky Theological Academy, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0009-0003-9883-2074, e-mail: a.n.uzhankov@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 22.06.2026
Поступила после рецензирования 28.08.2026
Принята к публикации 10.09.2026
Опубликована 30.09.2026

Received 2026.06.22
Revised 2026.08.28
Accepted 2026.09.10
Published 2026.09.30

Язык и текст
2026. *13*(3), 142–155.
https://doi.org/10.17759/langt.2026130311
ISSN 2312-2757 (online)

Language and Text
2026. *13*(3), 142–155.
https://doi.org/10.17759/langt.2026130311
ISSN 2312-2757 (online)

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES

Научная статья | Original paper

Developing master's and postgraduate students' oral speech skills through multimodal text

A.Sh. Gabdullina✉
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russian Federation
✉ conlimon@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. The digitalization of the educational environment opens up new opportunities while placing new demands on the instructor; as content is increasingly delivered in combined formats — verbal, numerical, graphic, audio, and video — conventional approaches to teaching foreign-language oral communication require adjustment. **Objective.** The study aims to analyze and systematize techniques for working with multimodal texts in preparing an oral monologue. **Research questions.** Which tasks do students find most demanding in monologue preparation; which difficulties do they meet in oral communication; and which activities do they regard as most conducive to oral skills? **Methods and materials.** The research combines qualitative and quantitative methods; data were obtained through three questionnaires administered to nine study groups of master's and postgraduate students (320 participants) enrolled in a foreign-language course. **Results.** The most demanding tasks proved to be summarizing and memorizing material, while grammatical accuracy — the proper use of parts of speech (90%) — was the chief difficulty in communication; collaborative group discussion (86%) was rated the most effective means of developing oral skills. On this basis, a five-step model for working with multimodal texts is proposed, aligned with the sequence of monologue preparation. **Conclusions.** Integrating multimodal texts into the teaching of foreign-language communication supports better comprehension and motivation; the perception of multimodal texts of different structure remains an open question.

Keywords: digitalization, foreign language communication, interactive exercises, modality, multimedia, multimodal text, oral monologue skills, oral speech skills

© Габдуллина А.Ш., 2026

CC-BY-NC

For citation: Gabdullina, A.Sh. (2026). Developing master's and postgraduate students' oral speech skills through multimodal text. *Language and Text*, 13(3), 142—155. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/langt.2026130311

Развитие навыков устной речи у магистрантов и аспирантов средствами мультимодального текста

А.Ш. Габдуллина✉
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Российская Федерация
✉ conlimon@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Цифровизация образовательной среды одновременно открывает новые возможности и предъявляет к преподавателю новые требования; поскольку учебная информация все чаще представлена в комбинированных форматах — вербальном, числовом, графическом, аудиальном и видеоформате, — традиционные подходы к обучению иноязычному устному общению нуждаются в корректировке. **Цель**. Проанализировать и систематизировать приемы работы с мультимодальными текстами при подготовке устного монологического высказывания. **Вопросы исследования**. Какие задачи подготовки монолога студенты считают наиболее трудными; с какими трудностями они сталкиваются в устном общении; какие виды деятельности они считают наиболее способствующими развитию устной речи? **Методы и материалы**. Исследование сочетает качественные и количественные методы; данные получены посредством трех анкет, охвативших 9 учебных групп магистрантов и аспирантов (320 человек), изучающих иностранный язык. **Результаты.** Наиболее трудными оказались обобщение и заучивание материала; главной трудностью общения стала грамматическая точность — правильное употребление частей речи (90%); наиболее эффективным средством развития устной речи признано групповое обсуждение (86%). На этой основе предложена пятишаговая модель работы с мультимодальным текстом, согласованная с последовательностью подготовки монолога. **Выводы**. Интеграция мультимодальных текстов в обучение иноязычному общению способствует лучшему пониманию и повышению мотивации; вопрос о восприятии мультимодальных текстов различной структуры остается открытым.

Ключевые слова: иноязычное общение, интерактивные упражнения, модальность, мультимедиа, мультимодальный текст, навыки устной монологической речи, навыки устной речи, цифровизация

Для цитирования: Габдуллина, А.Ш. (2026). Развитие навыков устной речи у магистрантов и аспирантов средствами мультимодального текста. *Язык и текст, 13*(3), 142—155. https://doi.org/10.17759/langt.2026130311

Introduction

Academic success for master's and postgraduate students increasingly rests on what they are able to do with information that reaches them through many channels at once. Reporting on a project, defending a position in a seminar, turning research into a talk or a publication — each of these tasks asks a learner to take in material from disparate sources, make sense of it, and recast it as a text of their own (Ruiz-Madrid, Valeiras-Jurado, 2020). The setting in which such skills are formed, however, is no longer the one teachers were trained for: mobile applications, content platforms, and social media have moved to the centre of instruction, and the speed at which they change keeps teachers and students alike in a state of continual learning (Lim, 2018). For the instructor this means rethinking how a lesson is built and how its materials are chosen (Mhlongo, Mbatha, Ramatsetse, 2023); for foreign language teaching specifically, it means coming to terms with the many shapes a text can take and the many routes by which knowledge is now absorbed (Cárdenas-Claros et al., 2023; Kress, 2004; Lim, Unsworth, 2023; Ruiz-Madrid, Valeiras-Jurado, 2020).

When information arrives without pause and in textual, numerical, graphic, audio, and video guises at once, more than one channel of perception is recruited to handle it — the auditory, the visual, the discrete (Kibrik, 2010). Multimodality is exactly this: the co-presence and mutual play of those channels inside a single context (Kibrik, 2010); taken more widely, it names the way distinct semiotic resources — a spoken word, a glance, a gesture — act together in a given situation (Kibrik, 2010; Lim, 2018). Present-day practice leans towards the visual and the aural and towards saying more with less, and the longread — a long written text that images, clips, and infographics break into segments — is one settled product of that turn (Kolesnichenko, 2022). Where this leaves oral skills, and the monologue and speaking skills at their core, is the question that makes multimodal support worth examining closely.

Why lean on images, recordings, clips, and infographics at all — on this spread of devices for carrying information across different sensory channels (Kibrik, 2010)? For two reasons. They let an instructor meet learners on the terms of their own modalities, and they stir the cognitive and learning effort through which material is taken in, retained, and understood, which matters most precisely when a student is speaking and assembling a monologue.

A monologue, in the sense used here, is an extended and connected utterance that one speaker shapes from linguistic means to pass on information or to give an account of facts and events (Glukhov, 2005; Leontiev, 2005, 2015). Putting thought into writing and putting it into speech are both productive uses of language (Glukhov, 2005; Leontiev, 2005, 2015), and speech of any quality presupposes that what was read, heard, or seen has first been grasped and weighed — receptive work that begins in perception (Glukhov, 2005). Description, narration, and reasoning are the forms a monologue takes (Glukhov, 2005). Its hallmark is a built, composed quality (Vygotsky, 1999): a thematic, semantic, and structural wholeness; a layout that honours the conventions of opening, body, and close (Glukhov, 2005); a logic carried by statements that link up in sequence (Glukhov, 2005); an attentiveness to the situation of utterance; a turn towards the listener, in clarity and accessibility and a feel for the audience (Glukhov, 2005); and a finished grammatical frame that puts elaborated means to work.

The form a monologue takes — written or spoken — follows from the channel of communication. In writing, a cluster of cognitive tasks comes into play, all turning on the tangled tie between the one who produces the utterance, the one who receives it, the message, and the slice of reality it points to.

One face of these tasks is relational, concerned with how those elements hang together; another is strategic, concerned with the moves by which thought is grown and given form; a third is textual, resting on discourse skill — the knack of marshalling linguistic material into a single coherent fabric (Burns, 2019).

Spoken monologue runs differently. It is accompanied by gesture and expression, by intonation and pause, and it can leave an utterance unfinished, elliptical (Glukhov, 2005); what it does not leave to chance is its subject matter, which is fixed and mapped out beforehand. Trouble still finds the student: in unpicking information in a foreign tongue, in reading it back while a monologue is being built, and in speaking with others, where a narrow vocabulary and a loose hold on grammar work against fluency. Speech skills are those language skills that let an act of speech unfold; a language skill that never enters speech is, for its owner, of no use at all (Glukhov, 2005). That is why building oral skills sits among the first aims of language teaching wherever a monologue is the goal. Language competence, on this reading, is knowing linguistic phenomena and being able both to wield them in one's own productive speech and to read them in the speech of others (Burns, 2019). Language activity lives in speaking, listening, writing, and reading (Zimnyaya, Mazaeva, Lapteva, 2020), and of these speaking is the oral and productive mode (Glukhov, 2005). Three things underpin its teaching: knowledge of the language, speaking skills, and communicative strategies (Burns, 2019).

Knowledge of the language reaches from the segmental — sounds, syllables, words, phrases — to the suprasegmental of stress and intonation, and on to grammar and vocabulary, to a sense of how segments of speech join, and to the capacity to bind them into speech that holds to a theme (Burns, 2019). Speaking skills are about voicing thought as it is produced; cultivating them turns on fluency — the run and evenness and tempo of speech, the well-placed pause, the parcelling of an utterance into units of sense, the connectives that tie ideas one to the next. They reach, too, into steering a conversation — picking up a prior turn, watching for understanding, mending a misunderstanding, returning feedback — and into steering production itself, opening a topic, trading roles, beginning or ending an exchange (Burns, 2019). A communicative strategy, for its part, is the shape given to speech behaviour so that the larger aim of communication is reached (Burns, 2019; Mikhalskaya, 1996): some strategies are cognitive, papering over gaps in knowledge by paraphrase, approximation, or sidestepping; some metacognitive, planning ahead or second-guessing what an interlocutor will say; some interactional, asking for a repeat, recasting, paraphrasing, checking that one has been understood (Burns, 2019).

To stand ready to give a monologue, to hold a topic, and to steer both talk and its production, a student must first amass and digest a fair body of material on whatever has been set. Bringing multimodal texts into teaching takes weight off that labour (Cárdenas-Claros et al., 2023; Lim, 2018; Lim, Unsworth, 2023) while acquainting learners with a span of modalities — fitting, since the present array of information formats in the digital world is itself founded on interactivity and multimodality (Cárdenas-Claros et al., 2023; Lim, 2018; Lim, Unsworth, 2023). Put to this purpose, audio and video, infographics, and images do learning good and pull students further into it (Hadizadeh, 2025; Raja, Lakshmi Pria, 2022; Ruiz-Madrid, Valeiras-Jurado, 2020).

What gives this study its point is a double need: to help students past the obstacles that meet them in oral communication, and to sharpen teaching materials by way of multimodal texts that may carry language acquisition further. The article proceeds in steps. It first takes the measure of how hard learners find the relevant tasks, in acquiring speaking skills and in readying a monologue alike; it then

reads off how students rate the activities that move oral skills forward, and sets the survey returns out for analysis and discussion. It goes on to propose several ways of folding multimodal texts into particular monologue- and speaking-oriented activities, and to argue their worth in quickening the learning process and sharpening how material is perceived and understood. It ends with conclusions and with the questions left for later work.

Materials and methods

This study sets out to examine and bring order to the ways multimodal texts can be worked with in the service of oral skills, so that the difficulties students meet in readying a monologue might be eased.

Its quantitative evidence rests on three exploratory questionnaires. Taking part were nine groups of master's and postgraduate students — 320 respondents all told — for whom a foreign language was a required course of study. The survey was conducted at Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University over the period from 2024 to 2026. The respondents were enrolled in History and Philosophy programmes and studied English as a foreign language. Master's students were, on average, between 23 and 27 years of age and postgraduate students between 28 and 43; men accounted for 64% of the sample and women for 36%. The questionnaires were administered in English and completed in written form, each item offering a binary, closed-response choice; participation was voluntary and anonymous.

The first questionnaire, of six items, asked how demanding students find the tasks that go into preparing a monologue: grasping information critically; condensing and ordering it; covering the set topic; mounting an argument; learning a speech by heart; and carrying speech through coherently and cohesively. Every item was closed, the respondent marking an activity as either the less or the more demanding of two.

The second, of ten items, gauged the difficulty met in oral communication, ranging over the sounding of words; the right use of parts of speech; the right use of verb forms; the fitting choice of words; the handling of prepositions, conjunctions, and articles; the building of sentences; the want of fluency; the mastering of a fear of error; and the critical weighing and the perceiving of an interlocutor's speech. Here too each item was closed, the choice lying between less and more difficult.

The third, of nine items, looked into which activities carry oral skills forward: studying sources and putting a monologue together; talking things through in a group; debating the topics under study; viewing video; hearing audio; watching films; writing a monologue; speaking from a prepared plan; and giving a presentation. The respondent marked each as contributing to a greater or to a lesser extent.

Responses were analyzed using descriptive statistics: for each item, the frequency (percentage) of respondents choosing a given option was calculated. The findings then shaped a proposed model for working with multimodal texts, its steps laid out to track the order a monologue's preparation ought to follow.

Results

How taxing students find the verbally and cognitively loaded tasks of monologue preparation emerged from the first survey (Fig. 1). Four tasks drew most of the respondents to the demanding side. Learning a monologue by heart and condensing and ordering information stood level at the top,

each named by 57%; close after came grasping information critically at 55% and covering the set topic at 51%. Mounting an argument split the group evenly, troubling 50%, while only 31% pointed to the job of carrying material through logically, in coherent and cohesive speech.

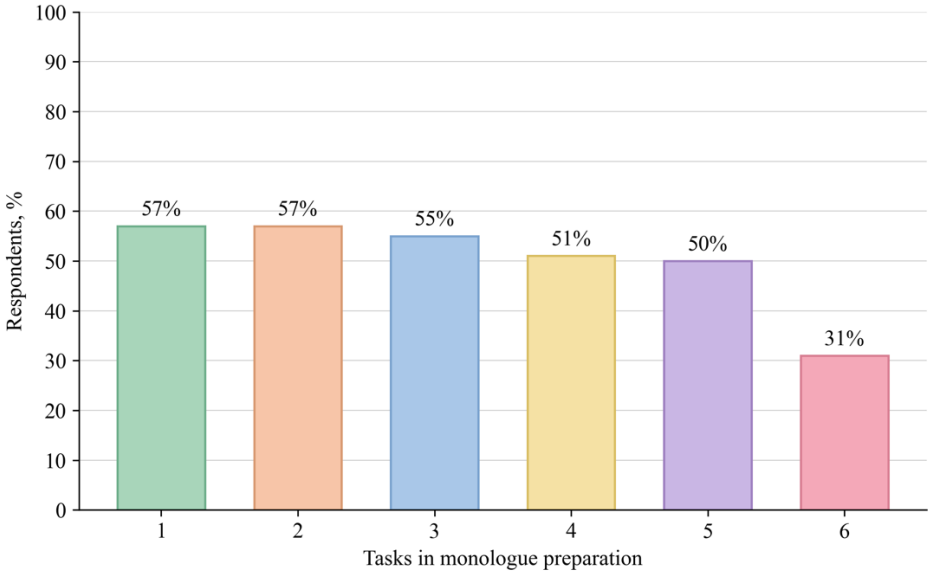

Fig. 1. Types of activities: 1 — memorizing a speech; 2 — summarizing and structuring information; 3 — critical comprehension of information; 4 — covering the topic under discussion; 5 — developing argumentative speech; 6 — developing speech in a coherent and cohesive way

Рис. 1. Виды деятельности: 1 — запоминание речи; 2 — обобщение и структурирование информации; 3 — критическое осмысление информации; 4 — раскрытие обсуждаемой темы; 5 — развитие аргументативной речи; 6 — развитие связной и логичной речи

Vocabulary and grammar, being pillars of the language that ask for thorough command, were the focus of a second survey into the difficulty students meet in communicating (Fig. 2). At the head of the list stood the right use of parts of speech, marked by 90% of respondents. Verb forms and the fitting choice of words followed, at 73% and 71%. Prepositions and conjunctions weighed on 58%, a shortfall in fluency on 57%, and the catching of an interlocutor's speech on 54%. Getting the better of a fear of mistakes proved hard for 48%, and, at the lower end, the critical weighing of an interlocutor's speech, the sounding of words, and the building of sentences were named by 47%, 45%, and 43% in turn.

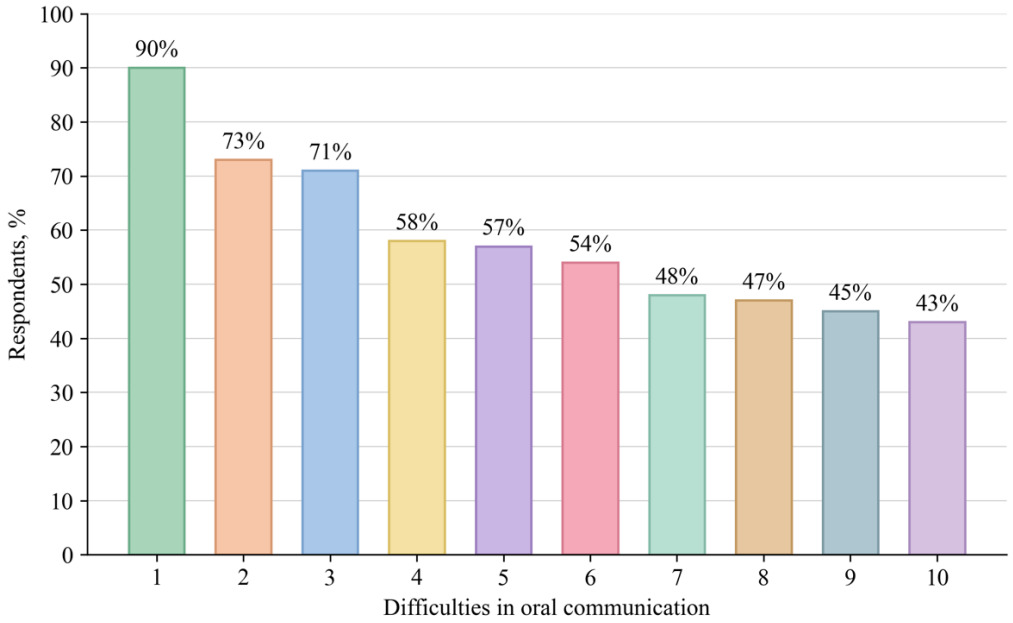

Fig. 2. Difficulties in oral communication encountered by students: 1 — the proper use of parts of speech; 2 — the proper use of verb forms; 3 — appropriate word choice; 4 — the use of prepositions, conjunctions, articles; 5 — lack of fluency; 6 — perception of an interlocutor's speech; 7 — overcoming the fear of making mistakes; 8 — critical reasoning about an interlocutor's speech; 9 — pronunciation of words; 10 — sentence formulation

Рис. 2. Трудности в устном общении, с которыми сталкиваются учащиеся: 1 — правильное употребление частей речи; 2 — правильное употребление глагольных форм; 3 — правильный выбор слов; 4 — употребление предлогов, союзов, артиклей; 5 — отсутствие беглости речи; 6 — восприятие речи собеседника; 7 — преодоление страха совершить ошибку; 8 — критическое отношение к речи собеседника; 9 — произношение слов; 10 — построение предложений

Because speaking matures hand in hand with reading and with monologue work — each classroom task opening onto one of speech — a third survey of nine items asked what drives oral skills forward (Fig. 3). Group discussion came first, named by 86%, with debate of the topics under study at 80% and the viewing of video at 71% behind it. Speaking from a prepared plan helped 69%; studying sources and composing a monologue, together with watching films, drew 68% and 67%. Past the halfway mark still stood the writing of monologues at 63%, the hearing of audio at 60%, and the giving of a presentation at 59%.

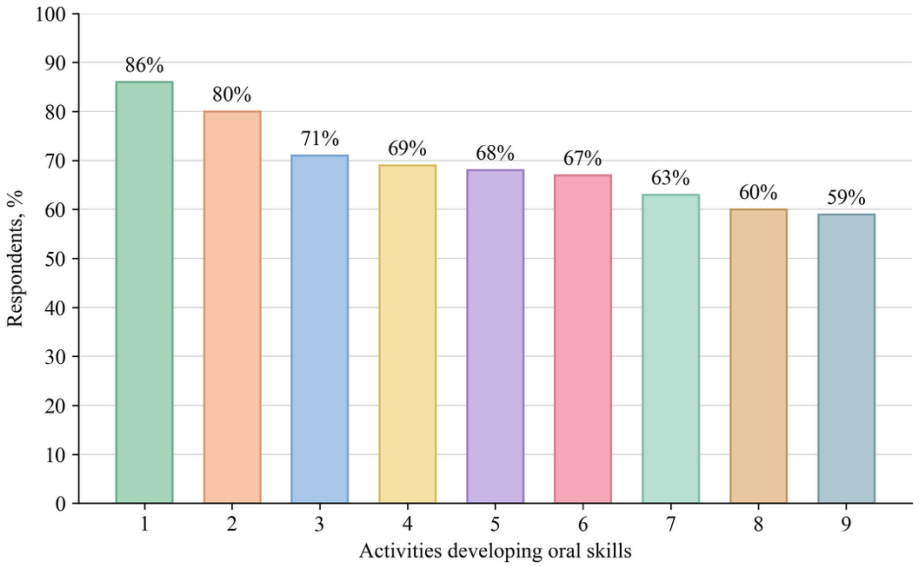

Fig. 3. What contributes to the development of oral skills: 1 — collaborative group discussion; 2 — discussion of topics under study; 3 — watching video materials; 4 — speech delivery supported by a prepared plan; 5 — studying resources and composing a monologue; 6 — watching films; 7 — writing monologues; 8 — listening to audio materials; 9 — delivering a presentation

Рис. 3. Что способствует развитию навыков устной речи: 1 — групповое обсуждение; 2 — обсуждение изучаемых тем; 3 — просмотр видеоматериалов; 4 — выступление с опорой на подготовленный план; 5 — изучение ресурсов и составление монолога; 6 — просмотр фильмов; 7 — написание монологов; 8 — прослушивание аудиоматериалов; 9 — презентация

The breadth of information formats the digital environment now affords — interactive, hypertextual, multimodal — leaves ample room to work past the difficulties just charted. How multimodal texts might be threaded into the activities that surround monologue preparation is set out, with commentary, in the table below, which names in turn each activity, the multimodal text that stirs perception and understanding, and the methods and techniques fitted to it.

Table / Таблица

The use of multimodal text in teaching foreign language communication
Использование мультимодального текста в обучении иноязычной коммуникации

	Type of activity / Вид деятельности	**Multimodal text / Мультимодальный текст**	**Teaching methods and techniques / Методы и приемы обучения**
1	Reading for critical comprehension, with a close look at the multimedia elements that bear on the topic. / Чтение с целью критического	A longread — a written text into which images, video, background music, presentations and similar elements are woven. / Лонгрид — письменный текст, в который органично	Working through content and language; teasing out the principal meaning-bearing blocks and their order (naming the central ideas, subtopics and microtopics; raising and answering questions; discussion). / Проработка

	понимания, с детальным анализом мультимедийных элементов, раскрывающих тему.	вплетены изображения, видео, фоновая музыка, презентации и подобные элементы.	содержания и языка; выявление основных смысловых блоков и их последовательности (называние центральных идей, подтем и микротем; постановка и ответы на вопросы; обсуждение).
2	Building vocabulary and grammar. / Расширение словарного запаса и отработка грамматики.	A multimedia presentation that mixes formats — images, video and audio, infographics — with interactive, game-like exercises. / Мультимедийная презентация, сочетающая различные форматы (изображения, видео и аудио, инфографику) с интерактивными игровыми упражнениями.	Vocabulary and grammar practice delivered through game techniques, which awaken attention, sharpen visual and verbal perception, and reinforce memory in support of acquisition. / Отработка лексики и грамматики с помощью игровых приемов, которые пробуждают внимание, обостряют зрительное и речевое восприятие и укрепляют память для поддержки усвоения материала.
3	Condensing and organizing material. / Сжатие и систематизация материала.	Interactive infographics, in which information is rendered as compact verbal and visual components that hold its key ideas. / Интерактивная инфографика, в которой информация представлена в виде компактных вербальных и визуальных компонентов, содержащих ее ключевые идеи.	Hands-on engagement with graphically presented information and its ordering — generalizing and synthesizing, setting aside the inessential, flagging keywords, compressing text — all of which feed critical and verbal thinking. / Практическая работа с графически представленной информацией и ее упорядочиванием: обобщение и синтез, отсечение несущественного, выделение ключевых слов, компрессия текста — все это развивает критическое и речевое мышление.
4	Reproducing a secondary text coherently and logically. / Связное и логичное	An interactive board or wall the group fills in together, voicing arguments, justifications and reasoning and responding to one another's judgements. / Интерактивная доска или	Written-speech work — composing clarifications and explanations, elaborating and supplementing facts and definitions — that trains clear, well-reasoned expression. / Письменно-речевая деятельность: составление уточнений и

	воспроизведение вторичного текста.	стена, которую группа заполняет совместно, озвучивая аргументы, обоснования и рассуждения, а также реагируя на суждения друг друга.	пояснений, детализация и дополнение фактов и определений, что тренирует ясное и аргументированное выражение мыслей.
5	Committing material to memory. / Запоминание материала.	A multimodal mind map the group creates together, setting out a topic's primary and secondary ideas through statements, definitions, pictures, images and video. / Мультимодальная интеллект-карта (ментальная карта), которую группа создает совместно, раскрывая первичные и вторичные идеи темы с помощью утверждений, определений, картинок, изображений и видео.	Techniques that follow the principle of meaningful learning: anchoring a new topic in what learners already know or have lived through, so that associative links form and aid recall. / Приемы, основанные на принципе осмысленного обучения: опора новой темы на то, что учащиеся уже знают или пережили, чтобы сформировать ассоциативные связи, способствующие запоминанию.

In practice, a multimodal text can be put to work across the stages of monologue preparation as set out below. **Step 1. Reading for critical comprehension.** As a group, learners assemble a multimodal text — a longread — and gather the audio and video that bear on the chosen topic. Group work, the graphic presentation of material, and the comparing, contrasting, and sorting of information together ease understanding and critical appraisal. **Step 2. Building vocabulary and grammar.** A multimedia presentation carries the load: words and collocations surface as images that fasten in memory, while topic-bound video models the sounding of unfamiliar words. **Step 3. Condensing and organizing material.** Interactive infographics bring word and image together; marking keywords and compressing text hone the work of summary. **Step 4. Reproducing a secondary text coherently and logically.** Learners reason and justify by filling an interactive board or wall, airing their own judgements and answering those of their groupmates. **Step 5. Committing material to memory.** Together the group builds a multimodal mind map, setting a topic's primary and secondary ideas before the eye through statements, definitions, pictures, images, and video.

Discussion

The hardest tasks, for nine in ten students, turned out to be the right use of parts of speech, the right use of verb forms, and the fitting choice of words. Against these, multimedia presentations and game-laced interactive drills may tell: vocabulary shown to the eye rouses attention and helps a fresh word take hold (Schmitt, Rodgers, 2020, p. 45), and topic-bound video steadies the sounding of words

not met before. Putting vocabulary before the eye through infographics serves the same turn, aiding both retention and the live use of new words (Mohsen, 2023). The summarizing and the memorizing of material were ranked the most exacting parts of monologue preparation, yet group discussion was named the surest road to oral skills — and the joint building of a multimodal mind map, alongside interactive infographics and boards, may answer both at a stroke by drawing students into the work, for to take part is already to be involved (Schmitt, Rodgers, 2020, p. 172). Infographics, knitting text to image, have been shown to spur active learning and engagement in higher education (Jaleniauskienė, Kasperiūnienė, 2023), and techniques cut to the principle of meaningful learning lay down the associative links on which recall leans (Ausubel, Novak, Hanesian, 1978). Once one allows how far communicative practice has shifted, in shape and in format, towards the multimodal and the digital (Mhlongo, Mbatha, Ramatsetse, 2023; Raja, Lakshmi Pria, 2022), how particular the semiotic make-up of multimodal texts is (Burns, 2019; Kibrik, 2010; Lim, 2018), and how communication draws not on language alone but on a range of multimodal resources to make meaning across settings (Cárdenas-Claros et al., 2023; Hadizadeh, 2025; Lim, 2018), multimodality stands at the heart of teaching that works. How students take in multimodal texts of differing design is, on this showing, a question both open and worth the pursuing.

Conclusions

As information comes more and more to the eye and the ear, the multimodal text crosses over from a convenience to a condition of teaching. (1) The survey showed that students find grammatical accuracy the chief obstacle to oral communication and rank summarizing and memorizing as the most demanding stages of monologue preparation, while group discussion is seen as the most effective route to oral skills. (2) On this basis, a five-step model for working with multimodal texts was proposed, aligned with the sequence of monologue preparation, from critical reading to memorization; its practical value lies in tying each multimodal resource to a concrete stage of the task. (3) Future work should empirically test the model in classroom settings, with pre- and post-intervention measures, and examine how students perceive multimodal texts of differing structure.

Ограничения. У исследования есть ряд ограничений. Полученные результаты основаны на самоотчетах участников, полученных с помощью закрытых вопросов с бинарным выбором, которые позволяют оценить воспринимаемую, а не измеряемую сложность. Выборка, хоть и достаточно большая, была сформирована из студентов одного учебного заведения и не сравнивалась с контрольной группой. Что еще более важно, предложенная модель еще не прошла эмпирическую проверку: ее эффективность в развитии навыков устного монологического высказывания еще предстоит подтвердить в ходе последующих исследований в учебных классах.

Limitations. The study has several limitations. The findings rest on participants' self-reports, gathered through closed binary-choice items, which capture perceived rather than measured difficulty. The sample, although sizeable, was drawn from a single institution and was not compared with a control group. Most importantly, the proposed model has not yet been empirically tested: its effectiveness for developing oral monologue skills remains to be verified in subsequent classroom-based research.

Список источников / References

1. Выготский, Л.С. (1999). Мышление и речь. М.: Лабиринт.
Vygotsky, L.S. (1999). Thinking and speech. Moscow: Labirint. (In Russ.)
2. Глухов, В.П. (2005). Основы психолингвистики. М.: АСТ, Астрель.
Glukhov, V.P. (2005). Basics of psycholinguistics. Moscow: AST, Astrel. (In Russ.)
3. Зимняя, И.А., Мазаева, И.А., Лаптева, М.Д. (2020). Коммуникативная компетентность, речевая деятельность, вербальное общение. М.: Аспект Пресс.
Zimnyaya, I.A., Mazaeva, I.A., Lapteva, M.D. (2020). Communicative competence, speech activity, verbal communication. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
4. Кибрик, А.А. (2010). Мультимодальная лингвистика. В Ю.И. Александров, В.Д. Соловьев (ред.), Когнитивные исследования 4 (с. 134–152). М.: Институт психологии РАН.
Kibrik, A.A. (2010). Multimodal linguistics. In Yu.I. Aleksandrov, V.D. Solovyev (Eds.), Cognitive studies 4 (pp. 134–152). Moscow: Institute of Psychology RAS. (In Russ.)
5. Колесниченко, А.В. (2022). Типология мультимедийных лонгридов. Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика, (4), 3–20.
https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.4.2022.320
Kolesnichenko, A.V. (2022). Typology of multimedia longreads. Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism, (4), 3–20. (In Russ.).
https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.4.2022.320
6. Леонтьев, А.А. (2005). Основы психолингвистики. М.: Академия, Смысл.
Leontiev, A.A. (2005). Basics of psycholinguistics. Moscow: Academia, Smysl. (In Russ.)
7. Леонтьев, А.А. (2015). Язык, речь, речевая деятельность. М.: Ленанд.
Leontiev, A.A. (2015). Language, speech, speech activity. Moscow: Lenand. (In Russ.)
8. Михальская, А.К. (1996). Основы риторики: Мысль и слово. М.: Русский Сократ.
Mikhalskaya, A.K. (1996). Basics of rhetoric: Thought and word. Moscow: Russkii Sokrat. (In Russ.)
9. Ausubel, D., Novak, J., Hanesian, H. (1978). Educational psychology: A cognitive view. New York.
10. Burns, A. (2019). Concepts for teaching speaking in the English language classroom. LEARN Journal: Language Education and Acquisition Research Network Journal, 12(1), 1–11.
https://so04.tci-thaijo.org/index.php/LEARN/article/view/168564
11. Cárdenas-Claros, M.S., Sydorenko, T., Huntley, E., Montero Perez, M. (2023). Teachers' voices on multimodal input for second or foreign language learning. Language Teaching Research. https://doi.org/10.1177/13621688231216044
12. Hadizadeh, A. (2025). Exploring the impact of multimodal language learning activities on oral skill development. Journal of Language Research, 9(1), 52–72.
https://doi.org/10.51726/jlr.1582727

13. Jaleniauskienė, E., Kasperiūnienė, J. (2023). Infographics in higher education: A scoping review. E-Learning and Digital Media. https://doi.org/10.1177/20427530221107774
14. Kress, G. (2004). Reading images: Multimodality, representation and new media. Information Design Journal, 12, 110–119. https://doi.org/10.1075/idjdd.12.2.03kre
15. Lim, F.V. (2018). Developing a systemic functional approach to teach multimodal literacy. Functional Linguistics, 5, Article 13. https://doi.org/10.1186/s40554-018-0066-8
16. Lim, F.V., Unsworth, L. (2023). Multimodal composing in the English classroom: Recontextualising the curriculum to learning. English in Education, 57(1), 1–18. https://doi.org/10.1080/04250494.2023.2187696
17. Mhlongo, S., Mbatha, K., Ramatsetse, B. (2023). Challenges, opportunities, and prospects of adopting and using smart digital technologies in learning environments: An iterative review. Heliyon. https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e16348
18. Mohsen, M.A. (2023). Investigation of the use of infographics to aid second language vocabulary learning. Humanities and Social Sciences Communications, 10(1), Article 108. https://doi.org/10.1057/s41599-023-01569-2
19. Raja, M., Lakshmi Pria, G.G. (2022). Using virtual reality and augmented reality with ICT tools for enhancing quality in the changing academic environment in the COVID-19 pandemic: An empirical study. In A. Hamdan, A.E. Hassanien, T. Mescon, B. Alareeni (Eds.), Studies in Computational Intelligence, Vol. 1019. Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93921-2_26
20. Ruiz-Madrid, M., Valeiras-Jurado, J. (2020). Developing multimodal communicative competence in emerging academic and professional genres. International Journal of English Studies, 27–50. https://doi.org/10.6018/ijes.401481
21. Schmitt, N., Rodgers, M.P.H. (2020). An introduction to applied linguistics. London, New York: Routledge. https://doi.org/10.4324/9780429424465

Информация об авторе

Алсу Шарифуллаевна Габдуллина, кандидат педагогических наук, доцент кафедры 83, Институт технологий предпринимательства и права (Институт 8), Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения (ФГАОУ ВО ГУАП), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6239-1583, e-mail: conlimon@yandex.ru

Information about the author

Alsu Sh. Gabdullina, Candidate of Science (Pedagogy), Associate Professor, Department 83, Institute of Technologies of Entrepreneurship and Law (Institute 8), Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6239-1583, e-mail: conlimon@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование проводилось в соответствии с этическими принципами проведения исследований с участием людей. Формальное этическое одобрение не требовалось, поскольку исследование представляло собой анонимный добровольный опрос взрослых участников, не предполагало сбора конфиденциальных персональных данных и не представляло опасности для участников. Все участники принимали участие добровольно и анонимно и были проинформированы о цели исследования. Перед участием было получено информированное согласие.

Ethics statement

The study was conducted in accordance with the ethical principles for research involving human participants. Formal ethical approval was not required because the study involved an anonymous voluntary survey of adult participants, did not collect sensitive personal data, and posed no risk to the participants. All participants took part voluntarily and anonymously and were informed of the purpose of the study; informed consent was obtained prior to participation.

Поступила в редакцию 18.07.2026
Поступила после рецензирования 28.08.2026
Принята к публикации 10.09.2026
Опубликована 30.09.2026

Received 2026.07.18
Revised 2026.08.28
Accepted 2026.09.10
Published 2026.09.30